

Житие и подвиги
преподобного
**СЕРАФИМА
САРОВСКОГО**

Коллектив авторов

**Житие и подвиги преподобного
Серафима Саровского (сборник)**

«Сибирская Благовонница»

2013

Коллектив авторов

Житие и подвиги преподобного Серафима Саровского (сборник) /
Коллектив авторов — «Сибирская Благовонница», 2013

Автор «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря» архимандрит Серафим (Чичагов), впоследствии митрополит, выдающийся деятель Русской Церкви, прославленный в лике священномучеников († 1937), писал о своем небесном тезоименитом покровителе: «Ум у отца Серафима был светлый, память твердая, взгляд истинно христианский, сердце для всех доступное, воля непреклонная, дар слова живой и обильный. Речь его была столь действенна, что слушатель получал от нее душевную пользу. Беседы его были исполнены духом смирения, согревали сердце, снимали с очей как бы некоторую завесу, озаряли умы собеседников светом духовного разумения, приводили их в чувство раскаяния и возбуждали решительную перемену к лучшему, невольно покоряли себе волю и сердце других, разливая в них мир и тишину». В этот сборник вошли кроме подробного, документально подтвержденного Жития блаженного старца иеромонаха Серафима, написанного архимандритом Серафимом (Чичаговым), «Духовные наставления» Саровского чудотворца, акафист и молитвы ему.

© Коллектив авторов, 2013

© Сибирская Благовонница, 2013

Содержание

Владимир Крупин. Молитвенник за Россию	8
Архимандрит Серафим (Чичагов). Житие преподобного Серафима, Саровского чудотворца	10
Часть первая	11
Часть вторая	23
Часть третья	34
Преподобный Серафим Саровский. Духовные наставления	47
1. О Боге	48
2. О вере	49
3. О надежде	50
4. О любви к Богу	51
5. О страхе Божиим	52
6. Об отречении от мира	53
7. О уединении и молчании	54
8. О безмолвии	55
9. О внимании самому себе	56
10. О попечении души	58
11. Чем должно снабдевать душу?	59
12. О мире душевном	61
13. О сохранении мира душевного	62
14. О свете Христовом	63
15. О подвигах	64
16. О молитве	65
17. О слезах	66
18. О покаянии	67
19. О посте	69
20. О хранении сердца	70
21. О хранении познанных истин	71
22. О многословии	72
23. О распознавании действий сердечных	73
24. О болезнях	74
25. О милостыне	75
26. О помыслах и плотских движениях	76
27. О бодрствовании противу искушений	77
28. О терпении и смирении	78
29. О должностях и любви к ближним	79
30. О неосуждении ближнего и о прощении обид	80
31. Против излишней попечительности	82
32. О печали	83
33. Об отчаянии	84
34. О причинах пришествия в мир Иисуса Христа	86
35. О таинстве Святой Троицы	87
36. О жизни деятельной и умосозерцательной	88
37. О должности подчиненных к начальникам	90
38. Каков должен быть настоятель	91
39. Наставление настоятелю, как управлять братиею	92

40. Наставление новонаначальному иноку	93
41. Ответ одному брату, требовавшему наставления к прохождению пустынной жизни	94
Приложение. Из летописи Серафимо-Дивеевского монастыря	95
Из летописи Серафимо-Дивеевского монастыря	96
Акафист и молитвы преподобному Серафиму, Саровскому чудотворцу	97
Кондак 1	98
Икос 1	98
Кондак 2	98
Икос 2	99
Кондак 3	99
Икос 3	99
Кондак 4	99
Икос 4	100
Кондак 5	100
Икос 5	100
Кондак 6	100
Икос 6	101
Кондак 7	101
Икос 7	101
Кондак 8	101
Икос 8	102
Кондак 9	102
Икос 9	102
Кондак 10	102
Икос 10	103
Кондак 11	103
Икос 11	103
Кондак 12	103
Икос 12	103
Кондак 13	104
Молитва первая	104
Молитва вторая	104
Молитва третья	105
Тропарь	105
Канон	105
Использованная литература	111

Редактор-составитель *Л. А. Чуткова*
Житие и подвиги преподобного
Серафима Саровского

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви ИС
13-302-0150

Владимир Крупин. Молитвенник за Россию

Мы даже не представляем, насколько глубоко вошел образ преподобного Серафима Саровского в наши сердца и умы. Даже и не верующие, но просто любящие Россию люди непременно знают два выражения старца: «Господь помилует Россию и приведет ее путем великих страданий к великой славе» и «Стяжи дух мирен, и около тебя спасутся тысячи». В этих словах руководство к личному спасению каждого и вместе с тем ощущение единения людей, собираемых Духом Святым. В России никогда не бывало спокойных времен. Читаешь книги по истории Отечества: войны, смуты, революции... Особенно тяжелыми кажутся последние два века. XIX – век подготовки революции, покушения на царский трон и XX – весь залитый кровью мучеников российских. Но именно в эти два века рядом был и перешел вместе с нами в век XXI преподобный наш батюшка старец Серафим, Саровский чудотворец.

Он показал, что в любое время можно сохранить и спасти свою душу. Условие одно: душа, данная Богом, должна служить Богу, а свою волю человеческую надо растворить в воле Божией.

Его называют Ангелом всея Руси, небесным посланником, но он самый простой земной человек. Появился на свет в семье курских жителей Мошниных, Исидора и Агафьи. Любящие батюшку Серафима знают его биографию, в ней нет ничего скрытого. Его уединенная жизнь прошла в саровских лесах тогдашнего Арзамасского уезда, и все в ней для нас на виду – и ближняя пустынька, и дальняя... Знаем, что он окормлял сестер Дивеевской обители и предсказывал, что мощи его будут лежать в Дивеево, что и сбылось. Предсказывал и тяжелую участь мощей – мы помним, как их обрели в 91-м. Также помним предсказание старца: «Как в Дивеево, матушки, я приду посреди лета – запоют Пасху». И еще: «Когда меня не будет, вы ко мне на гробик ходите. Все, что есть у вас на душе, чтобы ни случилось с вами, придите ко мне, да все горе с собой и принесите на гробик. Как живому все расскажите. Я услышу вас, и вся скорбь ваша отляжет и пройдет. Как вы с живым со мной говорили, так и тут. Для вас я живой есть и буду вовеки». И вот это ощущение, что он живой и вместе с нами, я испытывал в то время, когда был на торжествах, посвященных дате обретения мощей преподобного Серафима. Впечатление от этого могу выразить очень кратко: теперь я знаю, что такое Святая Русь, я неделю жил в ней. Вспоминается очень характерный случай из жизни старца. Однажды к о. Серафиму приехал генерал, весь увешанный орденами и медалями, и вошел в келлию. Вышел оттуда военачальник через полчаса, залитый слезами, без орденов, и сказал, что все награды осыпались с него в келлии, как старая листва с дерева. Старец вынес их и отдал ему... Кстати, о наградах. Серафим Саровский имел лишь одну – лично от царя. На медали была вычеканена надпись «За победу над Наполеоном». Это была заслуженная награда, и в то же время великое решение царя Николая Первого, наградившего ею преподобного. Старец вымолил победу русского оружия над Наполеоном... Преподобный при жизни многократно предупреждал о грядущих испытаниях России и называл их причины – богоотступничество и вольнодумство. Известен случай, когда он, кроткий и тихий, прогнал от себя офицера, будущего декабриста. Менее известен другой случай. Студент Андрей Леопольдов, как и многие, был заражен западными идеями и пришел в пустыньку, дабы посмеяться над старичком, коего увидел сидевшим у родника. Потом Леопольдов написал: «Вот, подумал я, почитают его святым, а он бездельничает. Осудил я тогда народ русский за его темную, казалось мне, веру. А старец сказал: “Посмотри на дно. Видишь, вода бьет ключом и вместе с ней поднимаются песчинки? Поднимаются и падают, поднимаются и опять падают, а вода остается чистой, незамутненной. Эти песчинки не могут возмутить воды, так и вы, вольнодумцы, стараетесь возмутить чистое учение Православной Церкви, но всегда, подобно этим песчинкам, будете падать вниз. А учение Святой Церкви будет стоять чистым вовеки”. Когда старец Серафим говорил это, у меня

по телу пробежал мороз, волосы зашевелились. Пораженный прозорливостью старца, я пал на колени, исповедался в своем грехе неверия и глумления над Православием и просил его молить и благословения. Ни слова укора я не услышал, только сердечную теплоту и любовь, которыми были согреты его наставления. И с тех пор я переродился».

Господь вразумляет нас, грешных, когда всякие мутные, грязные воды начинают подниматься со дна чистого родника российского...

Архимандрит Серафим (Чичагов). Житие преподобного Серафима, Саровского чудотворца

Печатается по изданию: «Летопись Серафимо-Дивеева монастыря Нижегородской губернии Ардатовского уезда с жизнеописанием основателей ее: преподобного Серафима и схимонахини Александры, урожд. А. С. Мельгуновой. Сост. архимандрит Серафим (Чичагов)». – М., 1896.

Часть первая

Батюшка о. Серафим поступил в Саровскую пустынь в 1778 году, 20 ноября, накануне Введения Пресвятой Богородицы во храм и поручен был в послушание старцу иеромонаху Иосифу.

Родиной его был губернский город Курск, где отец его, Исидор Мошнин, имел кирпичные заводы и занимался в качестве подрядчика постройкой каменных зданий, церквей и домов. Исидор Мошнин слыл за чрезвычайно честного человека, усердного к храмам Божиим, и богато, именитого купца. За десять лет до смерти своей он взялся построить в Курске новый храм во имя преподобного Сергия, по плану знаменитого архитектора Растрелли. Впоследствии, в 1833 году, этот храм сделан был кафедральным собором. В 1752 году состоялась закладка храма, и, когда нижняя церковь, с престолом во имя преподобного Сергия, была готова в 1762 году, благочестивый строитель, отец великого старца Серафима, основателя Дивеевского монастыря, скончался. Передав все состояние свое доброй и умной жене Агафией, он поручил ей довести дело построения храма до конца. Мать о. Серафима была еще благочестивее и милостивее отца: она много помогала бедным, в особенности сиротам и неимущим невестам.

Агафия Мошнина в течение многих лет продолжала постройку Сергиевской церкви и лично наблюдала за рабочими. В 1778 году храм был окончательно отделан, и исполнение работ было так хорошо и добросовестно, что семейство Мошниных приобрело особое уважение между жителями Курска.

Отец Серафим родился в 1759 году, 19 июля, и наречен Прохором. При смерти отца Прохору было не более трех лет от рождения, следовательно, его всецело воспитала боголюбивая, добрая и умная матушка, которая учила его более примером своей жизни, проходившей в молитве, посещении храмов и в помощи бедным. Что Прохор был избранником Божиим от рождения своего – это видели все духовно развитые люди и не могла не почувствовать благочестивая его мать. Так, однажды, осматривая строение Сергиевской церкви, Агафия Мошнина ходила вместе со своим семилетним Прохором и незаметно дошла до самого верха строившейся тогда колокольни. Отойдя вдруг от матери, быстрый мальчик перевесился за перила, чтобы посмотреть вниз, и, по неосторожности, упал на землю. Испуганная мать в ужасном виде сбежала с колокольни, воображая найти своего сына разбитым до смерти, но, к несказанной радости и величайшему удивлению, увидела его целым и невредимым. Дитя стояло на ногах. Мать слезно возблагодарила Бога за спасение сына и поняла, что сын Прохор охраняется особым Промыслом Божиим.

Через три года новое событие обнаружило ясным образом покровительство Божие над Прохором. Ему исполнилось десять лет, и он отличался крепким телосложением, остротой ума, быстрою памятью и, одновременно, кротостью и смирением. Его начали учить церковной грамоте, и Прохор взялся за дело с охотою, но вдруг сильно заболел, и даже домашние не надеялись на его выздоровление. В самое трудное время болезни, в сонном видении, Прохор увидел Пресвятую Богородицу, Которая обещала посетить его и исцелить от болезни. Проснувшись, он рассказал это видение своей матери. Действительно, вскоре в одном из крестных ходов несли по городу Курскую чудотворную икону Знамения Божией Матери по той улице, где был дом Мошниной. Пошел сильный дождь. Чтобы перейти на другую улицу, крестный ход, вероятно, для сокращения пути и избежания грязи, направился через двор Мошниной. Пользуясь этим случаем, Агафия вынесла больного сына во двор, приложила к чудотворной иконе и поднесла под ее осенение. Заметили, что с этого времени Прохор начал поправляться в здоровье и скоро совсем выздоровел. Так исполнилось обещание Царицы Небесной посетить отрока и исцелить его. С восстановлением здоровья Прохор продолжал успешно свое учение, изучал Часослов, Псалтирь, выучился писать и полюбил чтение Библии и духовных книг.

Старший брат Прохора, Алексей, занимался торговлею и имел свою лавку в Курске, так что малолетнего Прохора заставляли приучаться к торговле в этой лавке; но к торговле и барышам не лежало его сердце. Молодой Прохор не опускал почти ни одного дня без того, чтобы не посетить храма Божия, и, за невозможностью быть у поздней литургии и вечерни по случаю занятий в лавке, он вставал ранее других и спешил к утрени и ранней обедне. В то время в городе Курске жил какой-то Христа ради юродивый, которого имя теперь забыто, но тогда все чтили. Прохор с ним познакомился и всем сердцем прилепился к юродивому; последний, в свою очередь, возлюбил Прохора и своим влиянием еще больше расположил душу его к благочестию и уединенной жизни. Умная мать его все примечала и душевно радовалась, что ее сын так близок к Господу. Редкое счастье выпало и Прохору иметь такую мать и воспитательницу, которая не мешала, но способствовала его желанию выбрать себе духовную жизнь.

Через несколько лет Прохор стал заговаривать о монашестве и осторожно признавался, будет ли мать его против того, чтобы ему пойти в монастырь. Он, конечно, заметил, что добрая его воспитательница не противоречит его желанию и охотнее хотела бы отпустить его, чем удерживать в мире; от этого в его сердце еще сильнее разгоралось желание монашеской жизни. Тогда Прохор начал говорить о монашестве со знакомыми людьми, и во многих он нашел сочувствие и одобрение. Так, купцы Иван Дружинин, Иван Безходарный, Алексей Меленин и еще двое выражали надежду идти вместе с ним в обитель.

На семнадцатом году жизни намерение оставить мир и вступить на путь иноческой жизни окончательно созрело в Прохоре. И в сердце матери образовалась решимость отпустить его на служение Богу. Трогательно было его прощание с матерью! Собравшись совсем, они посидели немного, по русскому обычаю, потом Прохор встал, помолился Богу, поклонился матери в ноги и спросил ее родительского благословения. Агафия дала ему приложиться к иконам Спасителя и Божией Матери, потом благословила его медным крестом. Взяв с собою этот крест, он до конца жизни носил его всегда открыто на груди своей.

Не маловажный вопрос предстояло решить Прохору: куда и в какой монастырь идти ему. Слава подвижнической жизни иноков Саровской пустыни, где были уже многие из курских жителей и настоятельствовал о. Пахомий, курский уроженец, склоняла его идти к ним, но ему хотелось предварительно быть в Киеве, чтобы посмотреть на труды киево-печерских иноков, испросить наставление и советы от старцев, познать чрез них волю Божию, утвердиться в своих мыслях, получить благословение от какого-нибудь подвижника и, наконец, помолиться и благословиться у святых мощей преподобных Антония и Феодосия, первоначальников иночества. Прохор отправился пешком, с посохом в руке, и с ним шли еще пять человек курских купцов. В Киеве, обходя тамошних подвижников, он прослышал, что недалеко от святой лавры Печерской, в Китаевской обители, спасается затворник, по имени Досифей, имеющий дар прозорливости. Придя к нему, Прохор упал к ногам его, целовал их, раскрыл пред ним всю свою душу и просил наставлений и благословения. Прозорливый Досифей, видя в нем благодать Божию, уразумев его намерения и провидя в нем доброго подвижника Христова, благословил его идти в Саровскую пустынь и сказал в заключение: «Гряди, чадо Божие, и пребуди тамо. Место сие тебе будет во спасение, с помощью Господа. Тут скончаешь ты и земное странствие твое. Только старайся стяжать непрестанную память о Боге чрез непрестанное призывание имени Божия так: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного! В этом да будет все твое внимание и обучение; ходя и сидя, делая и в церкви стоя, везде, на всяком месте, входя и исходя, сие непрестанное вопияние да будет и в устах, и в сердце твоём: с ним найдешь покой, приобретешь чистоту духовную и телесную, и вселится в тебя Дух Святой, источник всяких благ, и управит жизнь твою во святые, во всяком благочестии и чистоте. В Сарове и настоятель Пахомий богоугодной жизни; он последователь наших Антония и Феодосия!»

Беседа блаженного старца Досифея окончательно утвердила юношу в добрых намерениях. Отговевшись, исповедовавшись и причастившись Святых Таин, поклонившись еще раз

святым угодникам Киево-Печерским, он направил стопы свои на путь и, охраняемый покровом Божиим, благополучно прибыл опять в Курск, в дом своей матери. Здесь он прожил еще несколько месяцев, даже ходил в лавку, но торговлей уже не занимался, а читал душеспасительные книги в назидание себе и другим, которые приходили поговорить с ним, расспросить о святых местах и послушать чтения. Это время было его прощанием с родиной и родными.

Как уже сказано, Прохор вступил в Саровскую обитель 20 ноября 1778 года, накануне праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы. Стоя в церкви на всенощном бдении, видя благочинное совершение службы, замечая, как все, от настоятеля до последнего послушника, усердно молятся, он восхитился духом и порадовался, что Господь указал ему здесь место для спасения души. Отец Пахомий с малолетства знал родителей Прохора и потому с любовью принял юношу, в котором видел истинное стремление к иночеству. Он определил его в число послушников к казначею иеромонаху Иосифу, мудрому и любвеобильному старцу. Сперва Прохор находился в келейном послушании старца и с точностью исполнял все монашеские правила и уставы по его указанию; в келлии он служил не только безропотно, но и всегда с усердием. Такое поведение обратило на него внимание всех и приобрело ему расположение старцев Иосифа и Пахомия. Тогда ему стали назначать, кроме келейного, еще послушания по порядку: в хлебне, в просфорне, в столярне. В последней он был будильщиком и исполнял довольно долго это послушание. Затем он исполнял пономарские обязанности. Вообще, юный Прохор, бодрый силами, проходил все монастырские послушания с великою ревностью, но, конечно, не избег многих искушений, как печаль, скука, уныние, которые действовали на него сильно.

Жизнь юного Прохора до пострижения в монашество ежедневно распределялась так: в определенные часы он был в церкви на богослужении и правилах. Подражая старцу Пахомию, он являлся как можно раньше на церковные молитвы, выстаивал неподвижно все богослужение, как бы продолжительно оно ни было, и никогда не выходил прежде совершенного окончания службы. В часы молитвы всегда стоял на одном определенном месте. Для предохранения от развлечения и мечтательности, имея глаза опущенными долу, он с напряженной внимательностью и благоговением слушал пение и чтение, сопровождая их молитвою. Прохор любил уединяться в своей келлии, где у него, кроме молитвы, были занятия двух родов: чтение и телесный труд. Псалмы он читал и сидя, говоря, что утружденному это позволительно, а Святое Евангелие и Послания апостолов всегда стоя пред святыми иконами, в молитвенном положении, и это называл бдением (бодрствованием). Постоянно он читал творения святых отцов, например, Шестоднев святого Василия Великого, беседы святого Макария Великого, Лествицу преподобного Иоанна, Добротолюбие и проч. В часы отдохновения он предавался телесному труду, вырезывал кресты из кипарисного дерева для благословения богомольцам. Когда Прохор проходил столярное послушание, то отличался большим усердием, искусством и успехами, так что в расписании он один из всех назван Прохором-столяром. Он также ходил на общие для всей братии труды: сплавать лес, приготовить дрова и т. п.

Видя примеры пустынножительства о. игумена Назария, иеромонаха Дорофея, схимонаха Марка, юный Прохор стремился духом к большему уединению и подвижничеству, а потому испросил благословение своего старца о. Иосифа оставлять монастырь в свободные часы и уходить в лес. Там он нашел уединенное место, устроил сокровенную кушу и в ней совершенно один предавался богоразмышлению и молитве. Созерцание дивной природы возвышало его к Богу, и, по словам человека, бывшего впоследствии близким к старцу Серафиму, он здесь совершал **правило, еже даде Ангел Господень Великому Пахомию**, учредителю иноческого общежития. Это правило совершается в следующем порядке: Трисвятое и по Отче наш: Господи, помилуй, 12. Слава и ныне: придите, поклонимся – трижды. Псалом 50: Помилуй мя, Боже. Верую во Единого Бога... Сто молитв: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного и по сем: Достойно есть и отпуст.

Это составляло одно моление, но таких молитв надлежало совершить по числу суточных часов, двенадцать днем и двенадцать ночью. С молитвою он соединял воздержание и пост: в среду и пятницу не вкушал никакой пищи, а в другие дни недели принимал ее только один раз.

В 1780 году Прохор тяжело заболел, и все тело его распухло. Ни один врач не мог определить вида его болезни, но предполагали, что это сделалась водяная болезнь. Недуг длился в продолжение трех лет, из которых не менее половины Прохор провел в постели. Строитель о. Пахомий (настоятель обители. – Ред.) и старец о. Исаия попеременно ходили за ним и почти неотлучно находились при нем. Тут-то и открылось, как все, и прежде других начальники, уважали, любили и жалели Прохора, бывшего тогда еще простым послушником. Наконец, стали опасаться за жизнь больного, и о. Пахомий настоятельно предлагал пригласить врача или, по крайней мере, открыть кровь. Тогда смиренный Прохор позволил себе сказать игумену: «Я предал себя, отче святой, Истинному Врачу душ и телес, Господу нашему Иисусу Христу и Пречистой Его Матери; если же любовь ваша рассудит, снабдите меня, убогого, Господа ради, небесным врачевством – причастием Святых Таин». Старец Иосиф, по просьбе Прохора и собственному усердию, особо отслужил **о здравии** больного всенощное бдение и литургию. Прохор был исповедан и причащен. В скором времени он выздоровел, что весьма удивило всех. Никто не понимал, как мог он столь скоро оправиться, и только впоследствии о. Серафим открыл тайну некоторым: после причащения Святых Таин ему явилась Пресвятая Дева Мария, в несказанном свете, с апостолами Иоанном Богословом и Петром и, обратясь к Иоанну лицом и указывая перстом на Прохора, Владычица сказала: «Этот Нашего рода!»

«Правую-то ручку, радость моя, – говорил о. Серафим церковнице Ксении, – положила мне на голову, а в левой-то ручке держала жезл; и этим-то жезлом, радость моя, и коснулась убогого Серафима; у меня на том месте, на правом бедре-то, и сделалось углубление, матушка; вода-то вся в него и вытекла, и спасла Царица Небесная убогого Серафима; а рана пребоольшая была, и до сих пор яма-то целая, матушка, погляди-ка, дай ручку!» – «И батюшка, бывало, сам возьмет да и вложит мою руку в яму, – прибавляла матушка Ксения, – и велика же она была у него, так вот весь кулак и взойдет!» Много душевной пользы принесла Прохору эта болезнь: дух его окреп в вере, любви и надежде на Бога.

В период послушничества Прохора, при настоятеле о. Пахомии, предприняты были в Саровской пустыни многие нужные постройки. В числе их на месте келлии, в которой болел Прохор, строилась больница для лечения недужных и успокоения престарелых и при больнице церковь о двух этажах с престолами: в нижнем во имя святых Зосимы и Савватия, чудотворцев Соловецких, в верхнем – во славу Преображения Спасителя. Прохор после болезни, молодой еще послушник, был посылаем за сбором денег в разные места на сооружение церкви. Благодарный за свое исцеление и попечение начальства, он с охотою понес трудный подвиг сборщика. Странствуя по ближайшим к Сарову городам, Прохор был и в Курске, на месте своей родины, но не застал уже матери своей в живых. Брат Алексей, со своей стороны, оказал Прохору немалую помощь для построения церкви. Вернувшись домой, Прохор, как искусный столяр, построил собственными руками престол из кипарисного дерева для нижней больничной церкви в честь преподобных Зосимы и Савватия.

В течение восьми лет юный Прохор был послушником. Наружный вид его к этому времени изменился: будучи высокого роста, около двух аршин и восьми вершков, несмотря на строгое воздержание и подвиги, он имел полное, покрытое приятною белизною лицо, прямой и острый нос, светло-голубые глаза, весьма выразительные и проницательные; густые брови и светло-русые волосы на голове. Лицо его окаймлялось густою, окладистою бородою, с которою на оконечностях рта соединялись длинные и густые усы. Он имел мужественное сложение, обладал большими физическими силами, увлекательным даром слова и счастливой памя-

тью. Теперь он прошел уже все степени монастырского искуса и был способен и готов принять монашеские обеты.

13 августа 1786 года, с соизволения Святейшего Синода, о. Пахомий постриг послушника Прохора в сан инока. Восприемными отцами его при пострижении были о. Иосиф и о. Исаия. При посвящении ему было дано имя Серафима (пламенный). 27 октября 1786 года монах Серафим, по ходатайству о. Пахомия, был посвящен преосвященным Виктором, епископом Владимирским и Муромским, в сан иеродиакона. Он вполне предался новому своему, поистине уже ангельскому, служению. Со дня возведения в сан иеродиакона он, храня чистоту души и тела, в течение пяти лет и девяти месяцев, почти непрерывно находился в служении. Все ночи на воскресные и праздничные дни проводил в бодрствовании и молитве, неподвижно стоя до самой литургии. По окончании же каждой Божественной службы, оставаясь еще надолго в храме, он, по обязанности священнодиакона, приводил в порядок утварь и заботился о чистоте алтаря Господня. Господь, видя ревность и усердие к подвигам, даровал о. Серафиму силу и крепость, так что он не чувствовал утомления, не нуждался в отдыхе, часто забывал о пище и питье и, ложась спать, жалел, что человек, подобно Ангелам, не может непрерывно служить Богу.

Строитель о. Пахомий теперь еще более прежнего привязался сердцем к о. Серафиму и без него не совершал почти ни одной службы. Когда он выезжал по делам монастыря или для служения, один или с другими старцами, то часто брал с собою о. Серафима. Так, в 1789 году, в первой половине июня, о. Пахомий с казначеем о. Исаией и иеродиаконом о. Серафимом отправились по приглашению в село Леметь, находящееся в шести верстах от нынешнего города Ардатова, Нижегородской губернии, на похороны богатого благодетеля своего, помещика Александра Соловцева, и заехали по дороге в Дивеево навестить настоятельницу общины Агафию Семеновну Мельгунову, высокочтимую всеми старицу и также благодетельницу свою. Мать Александра была больна и, получив от Господа извещение о скорой кончине своей, просила отцов-подвижников, ради любви Христовой, осособовать ее. Отец Пахомий сперва предлагал отложить елеосвящение до возвращения их из Лемети, но святая старица повторила свою просьбу и сказала, что они ее не застанут уже в живых на обратном пути. Великие старцы с любовью совершили над нею таинство Елеосвящения. Затем, прощаясь с ними, мать Александра отдала о. Пахомию последнее, что имела и накопила за года подвижнической жизни в Дивеево. По свидетельству жившей с нею девицы Евдокии Мартыновой своему духовнику, прото иерею о. Василию Садовскому, матушка Агафья Семеновна передала строителю о. Пахомию: мешочек золотом, мешочек серебром и два мешка меди, суммою в 40 тысяч, прося выдавать ее сестрам все потребное в жизни, так как они сами не сумеют распорядиться. Матушка Александра умоляла о. Пахомия поминать ее в Сарове за упокой, не оставлять и не покидать неопытных послушниц ее, а также попечись в свое время об обители, обетованной ей Царицею Небесною. На это старец о. Пахомий ответил: «Матушка! Послужить по силе моей и по твоему завету Царице Небесной и попечением о твоих послушницах не отрекаюсь; также и молиться за тебя не только я до смерти моей буду, но и обитель вся наша никогда благодений твоих не забудет, а в прочем не даю тебе слово, ибо я стар и слаб, но как же и браться за то, не зная, доживу ли до этого времени. А вот иеродиакон Серафим – духовность его тебе известна, и он молод – доживет до этого; ему и поручи это великое дело».

Матушка Агафья Семеновна начала просить о. Серафима не оставлять ее обители, как Царица Небесная Сама тогда наставить его на то изволит.

Старцы простились, уехали, а дивная старица Агафья Семеновна скончалась 13 июня, в день святой мученицы Акилины. Отец Пахомий с братией на обратном пути как раз поспел к погребению матушки Александры.

Отслужив литургию и отпевание соборно, великие старцы похоронили первоначальницу Дивеевской общины против алтаря Казанской церкви. Весь день 13 июня шел такой проливной

дождь, что ни на ком не осталось сухой нитки, но о. Серафим, по своему целомудрию, не остался даже обедать в женской обители и тотчас после погребения ушел пешком в Саров.

Однажды в Великий Четверток, строитель о. Пахомий, не служивший никогда без о. Серафима, начал Божественную литургию в два часа пополудни вечернею, и после малого выхода и паремий возгласил иеродиакон Серафим: «Господи, спаси благочестивыя и услыши ны!», но, едва обратясь к народу, навел на предстоящих орарем, возглашая: «и во веки веков», – как вдруг так изменился видом, что не мог ни сойти с места, ни проговорить слова. Все это заметили и поняли, что это Божие посещение. Два иеродиакона взяли его под руки, ввели в алтарь и оставили в стороне, где простоял он часа три, меняясь непрерывно видом, и после, уже придя в себя, наедине поведал строителю и казначею свое видение: «Только что провозгласил я, убогий: “Господи, спаси благочестивыя и услыши ны!” и, наведя орарем на народ, окончил: “и во веки веков!” – вдруг меня озарил луч, как бы солнечного света; взглянув на это сияние, увидел я Господа и Бога нашего Иисуса Христа, во образе Сына Человеческого, во славе и неизреченным светом сияющего, окруженного небесными Силами, Ангелами, Архангелами, Херувимами и Серафимами, как бы роем пчелиным, и от западных церковных врат грядущего на воздухе; приблизясь в таком виде до амвона и воздвигнув пречистые Свои руки, Господь благословил служащих и предстоящих; посем, вступив во святой местный образ Свой, что по правую сторону царских врат, преобразился, окружаемый ангельскими ликами, сиявшими неизреченным светом на всю церковь. Я же, земля и пепел, сретая тогда Господа Иисуса на воздухе, удостоился особенного от Него благословения; сердце мое возрадовалось чисто, просвещенно, в сладости любви ко Господу!»

В 1793 году о. Серафиму исполнилось 34 года, и начальство, видя, что он по своим подвигам стал выше других братий и заслуживает преимущество пред многими, ходатайствовало о возведении его в сан иеромонаха. Так как в этом же году Саровская обитель, по новому расписанию, перешла из Владимирской епархии в Тамбовскую, то о. Серафима вызвали в Тамбов, и 2 сентября епископ Феофил рукоположил его во иеромонаха. С получением высшей благодати священства о. Серафим стал подвизаться в духовной жизни с вящею ревностью и удвоенною любовью. В течение долгого времени он продолжал непрерывное служение, ежедневно приобщаясь с горячею любовью, верою и благоговением.

Сделавшись иеромонахом, о. Серафим возымел намерение совсем поселиться в пустыни, так как пустынножизненная жизнь была его призванием и назначением свыше. К тому же, от непрестанного келейного бдения, от постоянного стояния в церкви на ногах с небольшим отдыхом во время ночи, о. Серафим впал в недуг: у него распухли ноги и на них открылись раны, так что некоторое время он лишился возможности священнодействовать. Болезнь эта была немалым побуждением к избранию пустынножизненной жизни, хотя для отдыха следовало ему просить у настоятеля о. Пахомия благословения удалиться в больничные кельи, а не в пустыню, то есть от меньших трудов – к большим и тягчайшим. Великий старец Пахомий благословил его. Это было последнее благословение, полученное о. Серафимом от мудрого, добродетельного и почтенного старца, ввиду болезни его и приближения смерти. Отец Серафим, хорошо помня, как во время его болезни ходил за ним о. Пахомий, теперь сам служил ему с самоотвержением. Раз о. Серафим заметил, что к болезни о. Пахомия присоединилась еще какая-то душевная забота и печаль.

– О чем, отче святой, так печалишься ты? – спросил его о. Серафим.

– Я скорблю о сестрах Дивеевской общины, – ответил старец Пахомий, – кто их будет назирать после меня?

Отец Серафим, желая успокоить старца в предсмертные минуты, обещался сам назирать их и поддерживать все так же после смерти его, как было при нем. Это обещание успокоило и обрадовало отходящего ко Господу о. Пахомия. Он поцеловал о. Серафима и затем вскоре опочил мирным сном праведника. Отец Серафим горько оплакал потерю старца Пахомия и,

с благословения нового настоятеля о. Исаии, также горячо любимого, удалился в пустынную келлию (20 ноября 1794 года, в день прихода в Саровскую пустынь).

Несмотря на удаление о. Серафима в пустыньку, народ стал беспокоить его там. Приходили и женщины.

Великий подвижник, начиная строгую пустынноческую жизнь, считал для себя неудобным посещение женского пола, так как это могло соблазнить и монашествующих, и мирян, склонных к осуждению. Но, с другой стороны, лишить женщин назидания, ради которого они приходили к пустыннику, могло быть делом, не угодным Богу. Он стал просить Господа и Пресвятую Богородицу об исполнении его желания и чтобы Всевышний, если это не противно Его воле, дал ему знамение на то преклонением ветвей вблизи стоявших деревьев. В преданиях, записанных в свое время, есть сказание, что Господь Бог действительно дал ему знамение Своего изволения. Наступил праздник Рождества Христова; о. Серафим пришел в монастырь к поздней обедне в храм Живоносного Источника и причастился Святых Христовых Таин. После обеда в своей монастырской келлии он вернулся на ночь в пустыню. На следующий день, 26 декабря, празднуемый по положению (Собор Пресвятой Богородицы), о. Серафим вернулся ночью в обитель. Проходя свой холм, где он опускается вниз долу, отчего гора и названа была о. Серафимом Афонскою, он увидел, что с обеих сторон тропинки огромные сучья вековых сосен склонились и завалили дорожку; вечером ничего этого не было. Отец Серафим упал на колени и поблагодарил Бога за данное, по молитве его, знамение. Теперь он знал, что Господу Богу угодно, дабы жены не входили на его гору.

В продолжение всего подвижничества о. Серафим носил постоянно одну и ту же убогую одежду: белый полотняной балахон, кожаные рукавицы, кожаные бахилы – вроде чулок, поверх которых надевали лапти, и поношенную камилавку. На балахоне висел крест, тот самый, которым благословила его родная мать, отпуская из дома; а за плечами висела сумка, в которой он носил при себе Святое Евангелие. Ношение креста и Евангелия имело, конечно, глубокий смысл. По подражанию древним святым, о. Серафим носил вериги на обоих плечах, и к ним были привешены кресты: одни спереди в 20 фунтов, другие сзади в 8 фунтов каждый, и еще железный пояс. И эту тяжесть старец носил во все время своего пустынножительства. В морозы он накладывал на грудь чулок или тряпку, а в баню никогда не ходил. Видимые его подвиги состояли из молитвословий, чтения книг, телесных трудов, соблюдения правил Великого Пахомия и т. д.

В холодную пору он топил келлию, колол и рубил дрова, но иногда добровольно переносил холод и мороз. Летом он возделывал гряды на своем огороде и удабривал землю, собирал мох с болот. Во время подобной работы он ходил иногда без одежды, перепоясав лишь чресла свои, и насекомые жестоко уязвляли тело его, отчего оно опухало, синело по местам и запекалось кровью. Старец добровольно терпел эти язвы Господа ради, руководствуясь примерами подвижников древнего времени. На грядах, удобренных мхом, о. Серафим сажал семенами лук и другие овощи, которыми он питался летом. Телесный труд порождал в нем благодушное состояние, и о. Серафим работал с пением молитв, тропарей и канонов.

Проводя жизнь в уединении, трудах, чтении и молитве, о. Серафим соединял с этим пост и строжайшее воздержание. По началу своего поселения в пустыни он питался хлебом, более всего черствым и сухим; хлеб обыкновенно он брал с собою по воскресеньям на целую неделю. Есть сказание, что из этой недельной порции хлеба часть уделял он пустынным животным и птицам, которые были приласканы старцем, очень любили его и посещали место его молитвословия. Также он употреблял овощи, добываемые трудами рук его в пустынном огороде. С тем и устроен был огород сей, чтобы ему не обременить «ничим же» обители и, по примеру великого подвижника апостола Павла, питаться, делаяще своими руками (1 Кор. 4, 12). Впоследствии времени он приучил свое тело к такому воздержанию, что не стал вкушать хлеба насущного, а, по благословиению настоятеля Исаии, питался одними овощами своего ого-

рода. Это были картофель, свекла, лук и трава, называемая снить. В течение же первой недели Великого поста он вовсе не принимал пищи до причащения Святых Таин в субботу. Еще через несколько времени воздержание и постничество о. Серафима дошли до неимоверной степени. Совсем переставши брать хлеб из обители, он жил без всякого содержания от нее в течение более двух лет с половиною. Братия, удивляясь, недоумевала, чем мог питаться старец во все это время, не только летом, но и зимою. Он же тщательно укрывал свои подвиги от воззрения людей.

По будням, спасаясь в пустыни, о. Серафим накануне праздников и дней воскресных являлся в обитель, слушал вечерню, всенощное бдение и за раннюю литургию в больничной церкви святых Зосимы и Савватия причащался Святых Христовых Таин. Затем, до вечерни, он принимал в монастырской келлии приходивших к нему по нуждам духовным, из монастырской братии. Во время вечерни, когда братия оставляла его, он, взяв с собою хлеба на неделю, удалялся в свою пустыню. Всю первую неделю Великого поста он проводил в обители. В эти дни он говел, исповедовался и причащался Святых Таин. Духовником его с давнего времени был строитель – старец Исаия.

Так проводил старец дни свои в пустыни. Другие пустынножители имели при себе по одному ученику, которые и служили им.

Отец Серафим жил в совершенном одиночестве. Некоторые из саровской братии пытались сожительствовать с о. Серафимом и были приняты им; но ни один из них не мог вынести трудностей пустынного жития: ни в ком не нашлось столько нравственной крепости, чтобы явиться в качестве ученика подражателем подвигов о. Серафима. Благочестивые попытки их, принося пользу душе, не увенчались успехом; и те, которые поселялись было с о. Серафимом, возвращались опять в обитель. Посему, хотя после кончины о. Серафима нашлись некоторые люди, **дерзновенно объявлявшие себя его учениками, но при его жизни они, в строгом смысле, учениками не были, и название «Серафимов ученик» в то время не существовало.** «В пребывание его в пустыни, – говорили тогдашние саровские старцы, – вся братия была его учениками».

Также многие из саровской братии временно приходили к нему в пустыню. Одни просто посещали его, а другие являлись по нужде в советах и наставлениях. Старец хорошо различал людей. От некоторых он удалялся, желая сохранить молчание, а имеющим нужды до него не отказывал в духовной пище, с любовью руководствуя их к истине, добродетели и благоустройству жизни. Из постоянных посетителей о. Серафима известны: схимонах Марк и иеродиакон Александр, также спасавшиеся в пустыни. Первый бывал у него два раза в месяц, а последний – однажды. Отец Серафим охотно беседовал с ними о разных душевнспасительных предметах.

Видя столь искреннее, усердное и поистине высокое подвижничество старца о. Серафима, диавол, исконный враг всякого добра, вооружился против него разными искушениями. По своей хитрости, начиная с легчайших, он сперва наводил на подвижника разные «страхования». Так, по сказанию одного почтенного летами иеромонаха Саровской пустыни, однажды во время молитвы он услышал вдруг за стенами келлии вой зверя; потом, точно скопище народа, начали ломать дверь келлии, выбили у двери косяки и бросили к ногам молящегося старца претолстый кряж (отрубок) дерева, который восемью человеками с трудом был вынесен из келлии. В другие разы и днем, особенно же ночью, во время стояния на молитве, ему **видимо** вдруг представлялось, что келлия его разваливается на четыре стороны и что к нему со всех сторон рвутся страшные звери с диким и яростным ревом и криком. Иногда вдруг являлся пред ним открытый гроб, из которого вставал мертвец.

Так как старец не поддавался страхованиям, диавол воздвигал на него жесточайшие нападения. Так, он, по Божию попущению, поднимал тело его на воздух и оттуда с такою силою ударял об пол, что, если бы не Ангел Хранитель, самые кости от таких ударов могли бы сокрушиться. Но и этим не одолел старца. Вероятно, при искушениях, он духовным оком своим,

проникавшим в горный мир, видел самих злых духов. Может быть, духи злобы и сами видимо в телесных образах являлись ему, как и другим подвижникам.

Духовное начальство знало о. Серафима и понимало, как полезно было бы для многих сделать такого старца аввою, настоятелем где-нибудь в обители. Открылось место архимандрита в городе Алатыре. Отца Серафима предназначили было туда настоятелем монастыря с возведением в сан архимандрита. В прошлом и в текущем столетиях Саровская пустынь не раз давала из своей братии хороших настоятелей в другие обители. Но старец Серафим убедительнейше просил тогдашнего саровского настоятеля Исаию отклонить от него это назначение. Строителю Исаии и братии Саровской жаль было отпустить от себя старца Серафима, усердного молитвенника и мудрого наставника. Желания обеих сторон сошлись вместе: все стали просить другого иеромонаха из Сарова же, старца Авраамия, принять на себя звание архимандрита в Алатырский монастырь, и брат, единственно из повиновения, принял на себя это звание.

Во всех искушениях и нападениях на о. Серафима диавол имел целью удалить его из пустыни. Однако же все усилия врага остались безуспешны: он был побежден, отступил со стыдом от своего победителя, но в покое его не оставил. Изыскивая новые меры к удалению старца из пустыни, злой дух начал воевать против него через злых людей. 12 сентября 1804 года подошли к старцу три неизвестных ему человека, одетые по-крестьянски. Отец Серафим в это время рубил дрова в лесу. Крестьяне, нагло приступив к нему, требовали денег, говоря, что «к тебе ходят мирские люди и деньги носят». Старец сказал: «Я ни от кого ничего не беру». Но они не поверили. Тогда один из пришедших кинулся на него сзади, хотел свалить его на землю, но вместо того сам упал. От этой неловкости злодеи несколько оробели, однако же не хотели отступить от своего намерения. Отец Серафим имел большую физическую силу и, вооруженный топором, мог бы не без надежды обороняться. Эта мысль и мелькнула было мгновенно в его уме. Но он вспомнил при сем слова Спасителя: Все бо приемши нож ножом погибнут (Мф. 26, 52), не захотел сопротивляться, спокойно опустил на землю топор и сказал, кротко сложивши крестообразно руки на груди: «Делайте, что вам надобно». Он решился претерпеть все безвинно, Господа ради.

Тогда один из крестьян, поднявши с земли топор, обухом так крепко ударил о. Серафима в голову, что у него изо рта и ушей хлынула кровь. Старец упал на землю и пришел в беспмятство. Злодеи тащили его к сеням келлии, по дороге яростно продолжая бить, как звероловную добычу, кто обухом, кто деревом, кто своими руками и ногами, даже поговаривали о том, не бросить ли старца в реку?.. А как увидели, что он уже был точно мертвый, то веревками связали ему руки и ноги и, положив в сенях, сами бросились в келлию, воображая найти в ней несметные богатства. В убогом жилище они очень скоро все перебрали, пересмотрели, разломали печь, пол разобрали, искали-искали и ничего для себя не нашли; видели только у него святую икону, да попалось несколько картофеля. Тогда совесть сильно заговорила у злодеев, в сердце их пробудилось раскаяние, что напрасно, без всякой пользы даже для себя, избili благочестивого человека; какой-то страх напал на них, и они в ужасе убежали.

Между тем, о. Серафим от жестоких смертных ударов едва мог прийти в чувство, кое-как развязал себя, поблагодарил Господа, что сподобился ради Него понести раны безвинно, помолился, чтобы Бог простил убийц, и, проведши ночь в келлии в страданиях, на другой день с большим трудом, однако же сам, пришел в обитель во время самой литургии. Вид его был ужасен! Волосы на бороде и голове были смочены кровью, смяты, спутаны, покрыты пылью и сором; лицо и руки избиты; вышиблено несколько зубов; уши и уста запеклись кровью; одежда измятая, окровавленная, засохла и по местам пристала к ранам. Братия, увидев его в таком положении, ужаснулась и спрашивала: что с ним такое случилось? Ни слова не отвечая, о. Серафим просил пригласить к себе настоятеля о. Исаию и монастырского духовника, которым в подробности и рассказал все случившееся. И настоятель, и братия глубоко опечалены

были страданиями старца. Таким несчастьем о. Серафим вынужден был остаться в монастыре для поправления здоровья. Дьявол, воздвигший злодеев, по-видимому, торжествовал теперь победу над старцем, воображая, что навсегда изгнал его из пустыни.

Первые восемь суток были для больного очень тяжки: не принимая ни пищи, ни воды, он не имел и сна от нестерпимой боли. В монастыре не надеялись, чтобы он пережил свои страдания. Настоятель, старец Исаия, на седьмой день болезни, не видя перелома к лучшему, послал в Арзамас за врачами. Освидетельствовавши старца, врачи нашли болезнь его в следующем состоянии: голова у него была проломлена, ребра перебиты, грудь оттоптана, все тело по разным местам покрыто смертельными ранами. Удивлялись они, как это старец мог остаться в живых после таких побоев. По старинной методе лечения врачи считали необходимым открыть кровь больному. Настоятель, зная, что больной и без того много потерял ее от ран, не соглашался на эту меру, но, по настоятельному убеждению консилиума врачей, решился предложить о том о. Серафиму. Консилиум опять собрался в келлии о. Серафима. Он состоял из трех врачей; с ними было три подлекаря. В ожидании настоятеля, они опять осмотрели больного, долго на латинском языке рассуждали между собою и положили: пустить кровь, обмыть больного, к ранам приложить пластырь, а в некоторых местах употребить спирт. Согласились также насчет того, что помощь необходимо подать как можно скорее. Отец Серафим с глубокою признательностью в сердце примечал их внимательность и попечение о себе.

Когда все это происходило, кто-то вдруг крикнул: «Отец настоятель идет, идет отец настоятель!» В эту минуту о. Серафим уснул; сон его был краткий, тонкий и приятный. Во сне увидел он дивное видение: подходит к нему с правой стороны постели Пресвятая Богородица в царской порфире, окруженная славою. За Нею следовали святые апостолы Петр и Иоанн Богослов. Остановившись у одра, Пресвятая Дева перстом правой руки показала на больного и, обратясь Пречистым ликом Своим в ту сторону, где стояли врачи, произнесла: «Что вы трудитесь?» Потом опять, обратясь лицом к старцу, сказала: «**Сей от рода Нашего**» – и кончилось видение, о котором присутствующие не подозревали.

Когда вошел настоятель, больной опять пришел в сознание. Отец Исаия с чувством глубокой любви и участия предложил ему воспользоваться советами и помощью врачей. Но больной, после стольких забот о нем, при отчаянном состоянии здоровья своего, к удивлению всех, отвечал, что он не желает теперь пособия от людей, прося отца настоятеля предоставить жизнь его Богу и Пресвятой Богородице, Истинным и Верным Врачам душ и телес. Нечего было делать, оставили старца в покое, уважая его терпение и удивляясь силе и крепости веры. Он же от дивного посещения исполнился неизреченной радости, и сия радость небесная продолжалась часа четыре. Потом старец успокоился, вошел в обыкновенное состояние, почувствовав облегчение от болезни; сила и крепость стали возвращаться к нему; встал он с постели, начал немного ходить по келлии и вечером, в девятом часу, подкрепился пищею, вкусил немного хлеба и белой квашеной капусты. С того же дня он опять стал понемногу предаваться духовным подвигам.

Еще в прежнее время о. Серафим, занимаясь однажды работами в лесу, при порубе дерева был придавлен им и от этого обстоятельства потерял свою природную прямогу и стройность, сделался согбенным. После нападения разбойников от побоев, ран и болезни согбенность еще больше увеличилась. С этого времени он начал ходить, подкрепляясь топориком, мотыгою или палкою. Так, эта согбенность, это уязвление в пятую, служили всю жизнь венцом победы великого подвижника над дьяволом.

Со дня болезни старец Серафим провел в монастыре, не видя своей пустыни, около пяти месяцев. Когда здоровье возвратилось к нему, когда он почувствовал себя опять крепким к прохождению пустынножизни, то просил настоятеля Исаию снова отпустить его из монастыря в пустынь. Настоятель же, по внушению братии и сам, искренне жалея старца, упрашивал было его остаться навсегда в монастыре, представляя возможным повторение подобных

крайне несчастных случаев. Отец Серафим отвечал, что ни во что вменяет такие нападения и готов, подражая святым мученикам, страдавшим за имя Господне, даже до смерти перенести всякие оскорбления, какие бы ни случились. Уступая христианской неустрашимости духа и любви к пустынножительству, о. Исаия благословил желание старца, и старец Серафим снова возвратился в свою пустынную келлию.

С новым поселением старца в пустыни диавол претерпел совершеннейшее поражение. Крестьяне, избившие старца, были найдены; они оказались крепостными людьми помещика Татищева, Ардатовского уезда, из села Кременок. Но о. Серафим не только простил их самих, но и упрашивал настоятеля обители не взыскивать с них, а затем такую же просьбу написал помещику. Все были до такой степени возмущены поступком этих крестьян, что казалось невозможным простить их, а о. Серафим настаивал на своем: «В противном случае, – говорил старец, – я оставлю Саровскую обитель и удалюсь в другое место». Строителю же, о. Исаии, своему духовнику, он говорил, что лучше его удалили бы из обители, нежели нанесли крестьянам какое-либо наказание. Отец Серафим предоставил отомщение Господу Богу. Гнев Божий действительно настиг этих крестьян: в непродолжительном времени пожар истребил жилища их. Тогда они пришли сами просить у о. Серафима, со слезами раскаяния, прощения и святых его молитв.

Старец о. Исаия очень почитал и любил о. Серафима, а также дорожил его беседами; поэтому он, когда был свеж, бодр и наслаждался здоровьем, нередко сам ходил в пустынь к о. Серафиму. В 1806 году Исаия, по старости лет и от трудов, понесенных для спасения себя и братии, сделался особенно слаб здоровьем и, по собственному прошению, уволился от обязанности и звания настоятеля. Жребий занять его место в обители, по общему желанию братии, пал на о. Серафима. Вот уже второй раз старец избирается на начальственные должности по монастырям, но и на этот раз, по своему смирению и из крайней любви к пустыни, он отказался от предлагаемой почести. Тогда голосом всей братии настоятелем избран был старец Нифонт, исполнявший до того времени послушание казначея.

Старец о. Серафим после смерти строителя Исаии не изменил прежнего рода жизни и остался жить в пустыньке. Он только принял на себя еще больший труд, а именно **молчальничество**. К посетителям он более не выходил. Если ему самому случалось неожиданно встретить кого в лесу, старец падал ниц лицом и до тех пор не поднимал глаз, пока встретившийся не проходил мимо. Таким образом он безмолвствовал в продолжение трех лет и некоторое время перестал посещать обитель по воскресным и праздничным дням. Один из послушников носил ему и пищу в пустынь, особенно в зимнее время, когда у о. Серафима не было своих овощей. Пища приносилась однажды в неделю, в день воскресный. Трудно было назначенному иноку совершать это послушание в зимнее время, так как в пустыньку о. Серафима дороги не было. Бывало, бредет он во время вьюги по снегу, утопая в нем по колена, с недельным запасом в руках для старца-молчальника. Вошедши в сени, он произносил молитву, а старец, сказавши про себя: «Аминь», отворял дверь из келлии в сени. Сложив руки на груди крестообразно, он становился у двери, потупив лицо долу, на землю; сам ни благословит брата, ни даже взглянет на него. А пришедший брат, помолившись, по обычаю, и поклонившись старцу в ноги, полагал пищу на лоточек, лежавший на столе в сенях. Со своей стороны, старец клал на лоточек же или малую частицу хлеба, или немного капусты. Пришедший брат внимательно замечал это. Этими знаками старец безмолвно давал знать, чего принести ему в будущее воскресение: хлеба или капусты.

И опять пришедший брат, сотворив молитву, кланялся старцу в ноги и, испросив молитв его о себе, возвращался в обитель, не услышав от о. Серафима ни единого слова. Все это были только видимые, наружные знамения молчальничества. Сущность же подвига состояла не в наружном удалении от общительности, но в безмолвии ума, отречении от всяких житейских помыслов для чистейшего посвящения себя Господу.

Молчаливость о. Серафим соединил еще со **стоянием на камне**. В глухом лесу, на половине пути от келлии к монастырю, лежал необыкновенной величины гранитный камень. Вспомнив о трудном подвиге святых столпников, о. Серафим решился принять участие в подвижничестве сего рода. Для сего он восходил, чтобы не быть ни от кого видимым, в **ночное** время на этот камень для усиления молитвенного подвига. Молился он обыкновенно или на ногах, или стоя на коленях, с воздетыми вверх, подобно святому Пахомию, руками, вызывая мытаревым гласом: «Боже, милостив буди ми грешному». Чтобы уравнивать ночные подвиги дневным, о. Серафим и в келлии имел камень. На нем он молился **во время дня**, с утра до вечера, оставляя камень только для отдохновения от изнеможения сил и для подкрепления себя пищею. Такого рода молитвенный подвиг он нес, по временам, в течение тысячи суток.

От стояния на камнях, от трудности этого молитвенного подвига, тело его очень заметно изменилось, в ногах возобновилась болезнь, которая с этого времени до кончины дней не переставала мучить его. Отец Серафим понял, что продолжение таких подвигов привело бы к изнурению сил духа и тела, и оставил моление на камнях. Подвиги сии он проходил в такой тайне, что ни одна душа человеческая не ведала о них и не догадывалась. К бывшему после Исаии игумену Нифонту был тайный запрос об о. Серафиме от епископа Тамбовского. В бумагах обители сохранился **черновой** отзыв Нифонта, в котором настоятель отвечал: «О подвигах и жизни о. Серафима мы знаем; о тайных же действиях каких, также и о стоянии 1000 дней и ночей на камне, никому не было известно». При кончине дней своих, чтобы не остаться загадкой для людей, по подобию других подвижников, в числе прочих явлений своей жизни, он, в назидание слушателям, рассказал и о сем подвиге некоторым из братии.

Часть вторая

Отец Серафим, со времени смерти старца Исаии, наложив на себя труд молчания, жил в пустыни своей безвыходно, точно как в затворе. Прежде он хаживал по воскресеньям и праздникам в обитель причащаться Святых Таин. Теперь, со времени стояния на камнях, у него болели ноги; ходить он не мог. Было неизвестно, кто его причащает Святых Таин, хотя ни на минуту не сомневались, что он без вкушения Тела и Крови Христовой не оставался. Строитель созвал монастырский собор из старших иеромонахов и вопрос о причащении о. Серафима предложил на рассмотрение. Решили же дело так: предложить о. Серафиму, чтобы он или ходил, буде здоров и крепок ногами, по-прежнему, в обитель по воскресным и праздничным дням для причащения Святых Таин, или же, если ноги не служат, перешел бы навсегда жить в монастырскую келлию. Общим советом присудили спросить через брата, носившего пищу по воскресеньям, что изберет о. Серафим? Брат, в первый же приход к старцу, исполнил решение Саровского собора, но о. Серафим, выслушав безмолвно предложение собора, отпустил брата, не сказав ни слова. Брат, как дело было, передал строителю, а строитель велел ему повторить соборное предложение в следующее воскресенье. Принесши пищу на будущую неделю, брат повторил предложение. Тогда старец Серафим, благословив брата, вместе же с ним отправился пешком в обитель.

Приняв второе предложение собора, старец показал, что он не в силах был, по болезни, ходить, как прежде, по воскресным и праздничным дням в обитель. Это было весною 8 мая 1810 года. Вступив в монастырские врата, после 15-тилетнего пребывания в пустыни, о. Серафим, не заходя в свою келлию, отправился прямо в больницу. Это было днем, до наступления всенощной службы. Когда ударили в колокол, о. Серафим явился на всенощное бдение в храм Успения Богородицы.

Братия удивилась, когда мгновенно разнесся слух, что старец решился жить в обители. Но удивление их возросло еще более, когда произошли следующие обстоятельства: на другой день, 9 мая, в день святителя и Чудотворца Николая, о. Серафим пришел, по обычаю, в больничную церковь к ранней литургии и причастился Святых Христовых Таин. По выходе же из церкви, он направил стопы свои в келлию строителя Нифонта и, принявши от него благословение, водворился в прежней своей монастырской келлии; к себе никого не принимал, сам никуда не выходил и не говорил ни с кем ни слова, то есть он принял на себя новый труднейший подвиг затворничества.

О подвигах о. Серафима в затворе известно еще менее, чем о его пустынножительстве. В келлии своей он не хотел иметь, для отсечения своеволия, ничего, даже самых необходимых вещей. Икона, пред которой горела лампада, и отрубок пня, служивший взамен стула, составляли все. Для себя же он не употреблял даже огня.

В течение всех лет затвора старец во все воскресные и праздничные дни причащался Святого Тела и Крови Христовой. Для сохранения во всей чистоте затвора и молчальничества, Пренебесные Тайны, по благословию строителя Нифонта, приносили ему из больничной церкви в келлию после ранней литургии.

Чтобы никогда не забывать о часе смертном, чтобы яснее представить и ближе видеть его пред собою, о. Серафим изготовил себе гроб из цельного дуба и поставил его в сенях затворнической келлии. Здесь старец часто молился, готовясь к исходу от настоящей жизни. Отец Серафим в беседах с саровскими братьями часто говорил насчет этого гроба: «Когда я умру, умоляю вас, братия, положите меня в моем гробе».

Старец провел в затворе около пяти лет, потом несколько ослабил внешний вид его. Келейная дверь у него была открыта, всякий мог прийти к нему, видеть его; старец не стеснялся присутствием других в своих духовных занятиях. Некоторые, вступив в келлию, пред-

лагали разные вопросы, имея нужду в советах и наставлениях старца; но, принявши на себя обет молчания пред Богом, старец на вопросы не давал ответов, продолжая обычные занятия.

В 1815 году Господь, по новому явлению о. Серафиму Пречистой Матери Своей, повелел ему не скрывать своего светильника под спудом и, отворив двери затвора, быть доступным и видимым для каждого. Поставя себе в пример Великого Илариона, он стал принимать всех без исключения, беседуя и поучая спасению. Маленькая келлия его освещалась всегда одной только лампадой и возжженными у икон свечами. Она не отапливалась никогда печкой, имела два маленьких оконца и была всегда завалена мешками с песком и камнями, служившими ему вместо постели; обрубок дерева употреблялся вместо стула, и в сенях дубовый гроб, изготовленный его же руками. Келлия растворялась для всех братий монастыря во всякое время, для сторонних – после ранней обедни до восьми часов вечера.

Старец принимал к себе всех охотно, давал благословение и каждому, смотря по душевным потребностям, делал различного рода краткие наставления. Приходящих старец принимал так: он одет был в обыкновенный белый балахон и полумантию; на шее имел епитрахиль и на руках поручи. Епитрахиль и поручи он носил на себе не всегда при приеме посетителей, а в те лишь дни, когда причащался Святых Таин, следовательно, по воскресным и праздничным дням. В ком видел он искреннее раскаяние во грехах, кто являл в себе горячее усердие к христианскому житию, тех принимал с особенным усердием и радостью. После беседы с ними он, заставив их наклонить голову, возлагал на нее конец епитрахили и правую руку свою, предлагая произносить за собою следующую покаянную молитву: «Согрешил я, Господи, согрешил душою и телом, словом, делом, умом и помышлением и всеми моими чувствами: зрением, слухом, обонянием, вкусом, осязанием, волею или неволею, ведением или неведением». Сам затем произносил молитву разрешения от грехов. По окончании такого действия он помазывал крестообразно чело пришедшего елеем от святой иконы и, если это было ранее полудня, следовательно, до принятия пищи, давал вкушать из чаши «великой агиасмы», то есть святой Богоявленской воды, благословлял частицею антидора либо святого хлеба, освящаемого на всенощном богослужении. Потом, целуя пришедшего в уста, говорил во всякое время: «**Христос Воскресе!**» и давал прикладываться к образу Божией Матери или ко кресту, висевшему у него на груди. Иногда же, особенно знатым особам, он советовал зайти в храм помолиться Матери Божией пред святою иконою Ее Успения или Живоносного Источника.

Если пришедший не имел нужды в особенных наставлениях, то старец делал общехристианское назидание. В особенности, он советовал всегда иметь память о Боге и для сего непрестанно призывать в сердце имя Божие, повторяя молитву Иисусову: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного. «В этом да будет, – говорил он, – все твоё внимание и обучение! Ходя и сидя, делая и в церкви до начала богослужения стоя, входя и исходя, сие непрестанно содержи на устах и в сердце твоём. С призыванием таким образом имени Божия ты найдешь покой, достигнешь чистоты духовной и телесной и вселится в тебя Святой Дух, Источник всех благ, и управит Он тебя во святые, во всяком благочестии и чистоте».

Многие, приходя к о. Серафиму, жаловались, что они мало молятся Богу, даже оставляют необходимые дневные молитвы. Иные говорили, что делают это по безграмотству, другие – по недосугу. Отец Серафим завещал таким людям следующее молитвенное правило: «Вставши от сна, всякий христианин, став пред святыми иконами, пусть прочитает молитву Господню: Отче наш – трижды; в честь Пресвятой Троицы, потом песнь Богородице: Богородице Дево, радуйся – также трижды и, наконец, Символ веры: Верую во Единого Бога – единожды.

Совершив это правило, всякий христианин пусть занимается своим делом, на которое поставлен или призван. Во время же работы дома или на пути куда-нибудь пусть читает тихо: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного или грешную; а если окружают его другие, то, занимаясь делом, пусть говорит умом только это: Господи, помилуй и продолжает до обеда.

Пред самым же обедом пусть совершает вышепоказанное утреннее правило.

После обеда, исполняя свое дело, всякий христианин пусть читает также тихо: Пресвятая Богородице, спаси мя грешного, и это пусть продолжает до самого сна.

Когда случится ему проводить время в уединении, то пусть читает он: Господи Иисусе Христе, Богородицею помилуй мя грешного или грешную.

Отходя же ко сну, всякий христианин пусть опять прочитает вышепоказанное утреннее правило, то есть трижды Отче наш, трижды Богородице и однажды Символ веры. После того пусть засыпает, оградив себя крестным знамением».

Однажды прибежал в обитель простой крестьянин с шапкою в руке, с растрепанными волосами, спрашивая в отчаянии у первого встречного инок: «Батюшка! Ты, что ли, о. Серафим?» Ему указали о. Серафима. Бросившись туда, он упал к нему в ноги и убедительно говорил: «Батюшка! У меня украли лошадь, и я теперь без нее совсем нищий; не знаю, чем кормить буду семью. А, говорят, ты угадываешь!» Отец Серафим, ласково взяв его за голову и приложив к своей, сказал: «Огради себя молчанием и поспеши в **такое-то** (он назвал его) село. Когда будешь подходить к нему, свороти с дороги вправо и пройди задами четыре дома: там ты увидишь калиточку; войди в нее, отвяжи свою лошадь от колоды и выведи молча». Крестьянин тотчас с верою и радостью побежал обратно, нигде не останавливаясь. После в Сарове был слух, что он действительно отыскал лошадь в показанном месте.

Нижегородской губернии, Ардатовского уезда, в родовом своем имении, селе Нуча, жили сироты, брат с сестрою, дворяне-помещики Михаил Васильевич и Елена Васильевна Мантуровы. Михаил Васильевич много лет служил в Лифляндии в военной службе и женился там на Лифляндской уроженке Анне Михайловне Эрнц, но затем так сильно заболел, что принужден был оставить службу и переехать на жительство в свое имение, село Нуча. Елена Васильевна, гораздо моложе своего брата по годам, была веселого характера и мечтала только о светской жизни и скорейшем замужестве.

Болезнь Михаила Васильевича Мантурова имела решающее влияние на всю жизнь его, и самые лучшие доктора затруднялись определить ее причину и свойства. Таким образом, всякая надежда на медицинскую помощь была потеряна, и оставалось обратиться за исцелением к Господу и Его Святой Церкви. Молва о святой жизни батюшки о. Серафима, обежавшая уже всю Россию, конечно, достигла и села Нучи, лежавшего всего в сорока верстах от Сарова. Когда болезнь приняла угрожающие размеры, так что у Михаила Васильевича выпадали кусочки кости из ног, он решился ехать, по совету близких и знакомых, в Саров к о. Серафиму. С большим трудом он был приведен крепостными людьми своими в сени келлии старца-затворника. Когда Михаил Васильевич, по обычаю, сотворил молитву, батюшка о. Серафим вышел и милостиво спросил его: «Что пожаловал, посмотреть на убогого Серафима?» Мантуров упал ему в ноги и стал слезно просить старца исцелить его от ужасного недуга. Тогда с живейшим участием и отеческою любовью трижды спросил его о. Серафим: «Веруешь ли ты Богу?» И, получив также трижды в ответ самое искреннее, сильное, горячее уверение в безусловной вере в Бога, великий старец сказал ему: «Радость моя! Если ты так веруешь, то верь же и в то, что верующему все возможно от Бога, а потому веруй, что и тебя исцелит Господь, а я, убогий Серафим, помолюсь». Затем о. Серафим посадил Михаила Васильевича близ гроба, стоявшего в сенях, а сам удалился в келлию, откуда спустя немного времени вышел, неся с собою святого елея. Он приказал Мантурову раздеться, обнажить ноги, и, приготовившись потереть их принесенным святым елеем, произнес: «По данной мне от Господа благодати я первого тебя врачую!» Отец Серафим помазал ноги Михаилу Васильевичу и надел на них чулки из посконного холста. После того старец вынес из келлии большое количество сухарей, всыпал ему их в фалды сюртука и приказал так и идти с ношею в монастырскую гостиницу. Михаил Васильевич вначале исполнил приказание батюшки не без страха, но затем, удостоверившись в совершенном с ним чуде, пришел в невыразимую радость и какой-то благоговейный ужас.

Несколько минут тому назад он не был в состоянии взойти в сени к о. Серафиму без посторонней помощи, а тут вдруг, по слову святого старца, нес уже целую груду сухарей, чувствуя себя совершенно здоровым, крепким и как бы никогда не болевшим. В радости, он бросился в ноги о. Серафиму, лобызая их и благодаря за исцеление, но великий старец приподнял Михаила Васильевича и строго сказал: «Разве Серафимово дело мертвить и живить, низводить во ад и возводить? Что ты, батюшка! Это дело Единого Господа, Который творит волю боящихся Его и молитву их слушает! Господу Всемогущему да Пречистой Его Матери даждь благодарение!» Затем о. Серафим отпустил Мантурова.

Прошло некоторое время. Вдруг Михаил Васильевич с ужасом вспомнил про прошедшую болезнь свою, которую он уже начал совершенно забывать, и решил еще раз съездить к о. Серафиму, принять его благословение. Дорогою Мантуров размышлял: ведь должен же я, как сказал батюшка, поблагодарить Господа... И только он приехал в Саров и вошел к о. Серафиму, как великий старец встретил его словами: «Радость моя! А ведь мы обещались поблагодарить Господа, что Он возвратил нам жизнь-то!» Удивясь прозорливости старца, Михаил Васильевич ответил: «Я не знаю, батюшка, чем и как; что же вы прикажете?!» Тогда о. Серафим, взглянув на него особенным образом, весело сказал: «Вот, радость моя, все, что ни имеешь, отдай Господу и возьми на себя самопроизвольную нищету!» Смутился Мантуров; тысяча мыслей пробежали у него в голове в один миг, ибо он никак не ожидал такого предложения со стороны великого старца. Ему вспомнился евангельский юноша, которому Христос предложил также добровольную нищету для совершенного пути в Царство Небесное... Ему вспомнилось, что он не один, имеет молодую жену и что, отдав все, нечем будет жить... Но прозорливый старец, уразумев мысли его, продолжал: «Оставь все и не пекись о том, о чем ты думаешь; Господь тебя не оставит ни в сей жизни, ни в будущей; богат не будешь, хлеб же насущный все будешь иметь». Горячий, впечатлительный, любящий и готовый, по чистоте своей души, исполнить каждую мысль, каждое требование столь великого и святого старца, которого он видел всего второй раз, но любил уже, без сомнения, больше всего на свете, Михаил Васильевич тотчас ответил: «Согласен, батюшка! Что же благословите мне сделать?» Но великий мудрый старец, желая испытать пылкого Михаила Васильевича, ответил: «А вот, радость моя, помолимся, и я укажу тебе, как вразумит меня Бог!» После этого они расстались, как будущие друзья и самые верные слуги Дивеевской обители, избранной Царицею Небесною Себе в земной жребий.

По благословию батюшки о. Серафима, Михаил Васильевич Мантуров продал свое имение, отпустил на свободу крепостных людей своих и, сохранив до времени деньги, купил только в Дивеево 15 десятин земли на указанном ему о. Серафимом месте, со строжайшею заповедью: хранить эту землю, никогда не продавать, никому не отдавать ее и завещать после смерти своей Серафимовой обители. На этой земле Михаил Васильевич поселился с женою и стал терпеть недостатки. Он претерпевал множество насмешек от знакомых и друзей, а также упреков от своей жены Анны Михайловны, лютеранки, вовсе не подготовленной к духовным подвигам молодой женщины, не терпящей бедности, весьма нетерпеливого и горячего характера, хотя, в общем, хорошей и честной особы. Всю жизнь свою чудесный Михаил Васильевич Мантуров, истинный ученик Христов, терпел унижения за свой евангельский поступок. Но он переносил все безропотно, молча, терпеливо, смиренно, кротко, с благодушием, по любви и необычайной вере своей к святому старцу, во всем беспрекословно его слушаясь, не делая шага без его благословения, как бы предав всего себя и всю жизнь свою в руки о. Серафима. Неудивительно, что Михаил Васильевич стал наивернейшим учеником о. Серафима и наиближайшим, любимейшим его другом. Батюшка о. Серафим, говоря о нем с кем бы то ни было, не иначе называл его, как «Мишенька», и все, касающееся устройства Дивеева, поручал только ему одному, вследствие чего все знали это и свято чтили Мантурова, повинуюсь ему во всем беспрекословно, как бы распорядителю самого батюшки.

Отец Серафим после исцеления М. В. Мантурова начал принимать других посетителей и, верный обещанию, данному о. Пахомию, не забывал Дивеевской общины. Он посылал некоторых послушниц к начальнице Ксении Михайловне и, ежедневно молясь о них, получал откровения о будущем этой общины.

Принимая посетителей к себе в монастырскую келлию в течении пятнадцати лет, о. Серафим все-таки не оставил затвора и никуда не выходил. Но в 1825 году он начал просить Господа о благословении его на окончание затвора.

25 ноября 1825 года, на день памяти святителя Климента, папы Римского, и Петра Александрийского, в сонном видении, Матерь Божия в сопровождении этих святых явилась о. Серафиму и разрешила ему выйти из затвора и посещать пустынь.

Как известно, с 1825 года к о. Серафиму начали ходить за благословением сперва сестры, а потом и сама добродетельная начальница Дивеевской общины, Ксения Михайловна, которую батюшка называл «огненный столб от земли до неба» и «терпуг духовный». Конечно, старица Ксения Михайловна глубоко уважала и высоко почитала о. Серафима, но, однако, она не согласилась изменить устав своей общины, который казался тяжелым как о. Серафиму, так и всем спасавшимся в общине сестрам. Число сестер настолько увеличилось в общинке, что требовалось распространить их владения; но это было невозможно ни в ту, ни в другую сторону. Батюшка о. Серафим, призвав к себе Ксению Михайловну, стал уговаривать ее заменить тяжелый Саровский устав более легким, но она и слышать не хотела. «Послушайся меня, радость моя!» – говорил о. Серафим, но непоколебимая старица наконец ответила ему: «Нет, батюшка, пусть будет по-старому, нас уже устроил отец строитель Пахомий!» Тогда о. Серафим отпустил начальницу Дивеевской общинки, успокоенный, что заповеданное ему великой старицею матерью Александрою более не лежит на его совести или же что не пришел тому еще час воли Божией. Временно о. Серафим не входил в дела общинки и только по дару предвидения посылал избранных Божиею Материю сестер на жительство в Дивеево, говоря: «Гряди, чадо, в общинку, здесь, поблизости, матушки-то полковницы Агафии Семеновны Мельгуновой, к великой рабе Божией и столпу, матушке Ксении Михайловне – она всему тебя научит!»

В записках Н. А. Мотовилова об основании мельничной обители о. Серафима говорится:

«Когда 1825 года, 25 ноября, на день святых угодников Божиих Климента, папы Римского, и Петра Александрийского, как то сам батюшка Серафим лично мне, а также и многим, постоянно говаривал, пробираясь, по обычаю, сквозь чащи леса по берегу реки Саровки к своей дальней пустыньке, увидел он ниже того места, где был некогда Богословский колодезь, и почти близ берега реки Саровки, Божию Матерь, явившуюся ему тут (где ныне колодезь его и где тогда была лишь трясина), а дальше и позади Ее на пригорке двух апостолов: Петра Верховного и евангелиста Иоанна Богослова. И Божия Матерь, ударив жезлом землю так, что ископел из земли источник фонтаном светлой воды, сказала ему: “Зачем ты хочешь оставить заповедь рабы Моей Агафии – монахини Александры? Ксению с сестрами ее оставь, а заповедь сей рабы Моей не только не оставляй, но и потщись вполне исполнить ее, ибо по воле Моей она дала тебе оную. А Я укажу тебе другое место, тоже в селе Дивееве, и на нем устрой эту обетованную Мною обитель Мою. А в память обетования, ей данного Мною, возьми с места кончины ее из общины Ксении восемь сестер”. И сказала ему по именам, которых именно взять, а место указала на востоке, на задах села Дивеева, против алтаря церкви Казанского явления Своего, устроенного монахиною Александрою. И указала, как обнести это место канавою и валом; и с сих восьми сестер повелела ему начать обитель сию, Ее четвертого вселенского жребия на земле, для которой приказала сначала из саровского леса ему срубить двухпоставную ветряную мельницу и келлии первые, а потом, по времени, соорудить в честь Рождества Ее и Сына Ее Единородного двухпрестольную церковь для сей обители, приложив оную к паперти церкви Казанского явления Своего дивеевской монахине Александре. И Сама дала ему для сей обители устав новый и нигде до того времени ни в какой обители еще не существовавший.

И за неперменное правило поставила заповедь, чтобы в сию обитель не дерзала быть принимаема ни одна вдовица, а принимал бы и он, и потом бы всегда принимались бы лишь одни девицы, на прием которых Сама Она изъявит Свое благоволение; и обещалась Сама быть всегдашнею Игумениею сей обители Своей, изливая на нее все милости Свои и всех благодатей Божиих, благословения со всех Своих трех прежних жребиев: Иверии, Афона и Киева. Место же, где стояли Пречистые стопы ног Ее и где от удара жезлом Ее ископел источник и принял целебность на память будущих родов выкопаньем тут колодца, обещала дать водам того большее благословение Свое, чем некогда имели воды Вифезды Иерусалимской».

Ныне на месте явления Божией Матери о. Серафиму 25 ноября 1825 года устроен колодец, отличающийся чудотворною силою, и ниже, вблизи его, существует прежний Богословский колодезь. Летом 1826 года, по желанию старца, Богословский родник был возобновлен. Накат, закрывавший бассейн, снят, сделан новый сруб с трубою для истока воды. Около бассейна старец стал теперь заниматься телесными трудами.

Собирая в реке Саровке камешки, он выкидывал их на берег и ими унизывал бассейн родника. Устроил здесь для себя гряды, удабривал их мхом, сажал лук и картофель. Старец избрал себе это место, потому что, по болезни, не мог ходить в прежнюю свою келлию за шесть верст от монастыря. Даже затруднительно становилось ему, после утренних трудов на ногах, посещать для отдохновения в полуденное время келлию о. Дорофея, которая стояла от родника всего на четверть версты. Для о. Серафима устроен был на берегу горы, подле родника, новый небольшой сруб, вышиною в три аршина, длиною в три и шириною в два. Сверху его накрывал скат на одну сторону. Не было в нем ни окон, ни двери. Вход же в этот срубец был открыт земляной со стороны горы, под стенкой. Подлезши под стенку, старец отдыхал в этом убежище после трудов, скрываясь от полуденного зноя. Потом, в 1827 году, здесь же, на горке около родника, ему поставили новую келлию с дверями, но без окон; внутри нее была печь, сновне сколочены сенцы из досок. В течение 1825–1826 годов старец ежедневно хаживал к этому месту. А когда устроили ему келлию, он начал уже постоянно проводить все дни здесь, в пустыни; вечером возвращался в обитель. Идя в обитель и из обители в обыкновенном белом ветхом холщовом балахоне, в убогой камилавке, с топором или мотыгой в руках, он носил за плечами суму, грузно наполненную камнями и песком, в которой лежало и Святое Евангелие. Некоторые спрашивали: «Для чего он это делает?» Он отвечал словами святого Ефрема Сирина: «Я томлю томящего мя». Место это известно с тех пор под именем **ближней** пустыни о. Серафима, а родник стали называть **колодцем о. Серафима**.

Со времени построения новой келлии, в 1827 году, деятельность и труды о. Серафима разделились между обителью и ближнею пустынькою. В монастыре он оставался по воскресным и праздничным дням, причащаясь за раннею литургиею; в будни же он почти ежедневно ходил в лес в ближнюю пустынь. В монастыре он проводил ночи. Число посетителей его весьма увеличилось. Одни дожидались его в монастыре, жажда увидать его, принять благословение и услышать слово назидания. Другие приходили к нему в пустынную келлию. Старец почти не имел покоя ни в пустыни, ни на дороге, ни в монастыре. Умилительно было видеть, как старец после причастия Святых Таин возвращался из церкви в свою келлию. Он шел в мантии, епитрахили и поручах, как обыкновенно приступал к таинству. Шествие его было медленно от множества толпившегося народа, из среды которого всякий силился, хотя слегка, взглянуть на старца. Но он в это время ни с кем не говорил, никого не благословлял и как бы ни души не видал вокруг себя; взор его был потуплен долу, а ум погружен внутрь себя. В эти минуты он входил своею душою в размышление о великих благодеяниях Божиих, явленных людям таинством Святого Причащения. И, благоговев к чудному старцу, никто не смел даже прикоснуться к нему. Пришедши в свою келлию, он уже всех усердствующих принимал к себе, благословлял, а желающим предлагал и душеспасительное слово.

Но всего более усладительна была его беседа. Ум у о. Серафима был светлый, память твердая, взгляд истинно христианский, сердце для всех доступное, воля непреклонная, дар слова живой и обильный. Речь его была столь действенна, что слушатель получал от нее душевную пользу. Беседы его были исполнены духом смирения, согревали сердце, снимали с очей как бы некоторую завесу, озаряли умы собеседников светом духовного разума, приводили их в чувство раскаяния и возбуждали решительную перемену к лучшему; невольно покоряли себе волю и сердце других, разливали в них мир и тишину. Как собственные действия свои, так и свои слова старец Серафим основывал на слове Божию, подтверждая их наиболее местами Нового Завета, на писаниях святых отцов и на примерах святых, Богу благоугодивших. Все сие потому еще имело особенную силу, что прямо прилагалось к потребностям слушателей. По чистоте духа своего он имел дар прозорливости; иным, прежде раскрытия обстоятельств, давал наставления, относившиеся прямо ко внутренним их чувствам и мыслям сердечным.

Особенным свойством его обхождения и бесед были любовь и смиренномудрие. Кто бы ни был приходивший к нему, бедняк ли в рубище или богач в светлой одежде, с какими бы кто ни приходил нуждами, в каком бы греховном состоянии ни находилась его совесть, он всех лобызал с любовью, всем кланялся до земли и, благословляя, сам целовал руки даже у непосвященных людей. Никого не поражал он жестокими укоризнами или строгими выговорами; ни на кого не возлагал тяжкого бремени, сам неся крест Христов со всеми скорбями. Говорил он иным и обличения, но кротко, растворяя слово свое смирением и любовью. Старался возбудить голос совести советами, указывал пути спасения, и часто так, что слушатель его на первый раз и не понимал, что дело идет о душе его. После же сила слова, осененного благодарью, непременно производила свое действие. Не выходили от него без действительного наставления ни богатые, ни бедные, ни простые, ни ученые, ни вельможи, ни простолюдины; для всех было довольно живой воды, текущей из уст прежнего молчальника, смиренного и убогого старца. Народу, особенно в последние десять лет его жизни, к нему стекалось ежедневно целые тысячи. Ежедневно при многочисленном собрании пришельцев в Саров у него бывало в кельи около двух тысяч человек и более. Он не тяготился и со всяким находил время побеседовать на пользу души. В кратких словах он объяснял каждому то, что ему именно было благопотребно, открывая часто самые сокровенные помыслы обращающихся к нему. Все ощущали его благоприветливую, истинно-родственную любовь и ее силу, потоки слез иногда вырывались и у таких людей, которые имели твердое и окаменелое сердце.

Приехал однажды в Саров заслуженный генерал-лейтенант Л. Целью приезда его было любопытство. И так, пообсмотрев монастырские здания, он хотел уже и проститься с монастырем, не получив для души своей никакого духовного дара, но встретил здесь помещика Алексея Неофитовича Прокудина и разговорился с ним. Собеседник предложил генералу зайти к затворнику старцу Серафиму, но генерал только с трудом уступил убеждениям Прокудина. Как только вступили они в келью, старец Серафим, идя к ним навстречу, поклонился генералу в ноги. Такое смирение поразило гордость Л. Прокудин, заметив, что ему не следует оставаться в кельи, вышел в сени, и генерал, украшенный орденами, около получаса беседовал с затворником. Через несколько минут послышался из кельи старца плач: то плакал генерал, точно дитя малое. Через полчаса раскрылась дверь, и о. Серафим вывел генерала под руки; он продолжал плакать, закрыв лицо руками. Ордена и фуражка были забыты им от горести у о. Серафима. Предание говорит, будто ордена свалились у него во время беседы сами собою. Отец Серафим вынес все это и ордена надел на фуражку.

Впоследствии генерал этот говорил, что он прошел всю Европу, знает множество людей разного рода, но в первый раз в жизни увидел такое смирение, с каким встретил его Саровский затворник, и еще никогда не знал о той прозорливости, по которой старец раскрыл пред ним всю его жизнь до тайных подробностей. Между прочим, когда кресты свалились у него, о. Серафим сказал: «Это потому, что ты получил их незаслуженно».

С особенным усердием заботился старец Серафим о тех, у кого видел расположение к добру; на пути блага он старался утвердить их всеми духовно-христианскими средствами и силами. Впрочем, несмотря на любовь ко всем, о. Серафим к некоторым был строг. Но и с нелюбящими его он был **мирен**, обходился кротко и любовно. Не было замечено, чтобы он какое-либо дело отнес к себе или хвалил себя, но всегда, благословляя Господа Бога, говорил: Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу (Пс. 113, 9). Когда же видел, что приходявшие к нему внимали его советам, следовали его наставлениям, то не восхищался сим, как бы плодом своего дела. «Мы, – говорил он, – должны всякую радость земную от себя удалять, следуя учению Иисуса Христа, Который сказал: О сем не радуйтесь, яко дуси вам повинуются: радуйтесь же, яко имена ваша написана суть на небесех (Лк. 10, 20)».

Кроме дара прозорливости, Господь Бог продолжал являть в старце Серафиме благодать исцеления недугов и болезней телесных. Так, 11 июня 1827 года исцелена была Александра, жена (Нижегородской губернии, Ардатовского уезда, села Елизарьева) дворового человека Варфоломея Тимофеева Лебедева. В то время этой женщине было 22 года, и она имела двух детей. 6 апреля 1826 года, в день сельского праздника, она, возвратившись после литургии из церкви, пообедала и потом вышла за ворота прогуляться с мужем. Вдруг, Бог знает с чего, с нею сделалась дурнота, головокружение; муж едва мог довести ее до сеней. Здесь она упала на пол. С нею началась рвота и ужасные судороги; больная помертвела и впала в совершенное беспамятство.

Через полчаса, как бы пришедши в себя, она начала скрежетать зубами, грызть все, что попадалось, и, наконец, уснула. Спустя месяц, эти болезненные припадки стали повторяться с нею ежедневно, хотя не всякий раз в одинаково сильной степени.

Сначала больную лечил домашний сельский лекарь Афанасий Яковлев, но предпринимаемые им средства не имели никакого успеха. Потом возили Александру на Илевский и Вознесенский железные заводы – там был иностранный доктор; он взялся лечить ее, давал разные медикаменты, но, не видя успеха, отказался от дальнейшего лечения и советовал еще съездить в Выксу, на чугунные заводы. «В Выксе же, – по описанию мужа больной, – доктор был иностранец **с большою привилегиею**». По доброму согласию с управляющим, который принимал участие в больной, выксинский доктор истощил все свое внимание, познания и искусство и, наконец, дал такой совет: «Теперь вы положитесь на волю Всевышнего и просите у Него помощи и защиты; из людей же никто вас вылечить не сможет». Такой конец лечения очень опечалил всех, и больную поверг в отчаяние.

В ночь на 11 июня 1827 года больная увидела сон: явилась ей незнакомая женщина, весьма старая, со впалыми глазами, и сказала: «Что ты страдешь и не ищешь себе врача?» Больная испугалась и, положивши на себя крестное знамение, начала читать молитву Святому Кресту: «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его...» Явившаяся отвечала ей: «Не убойся меня, я такой же человек, только теперь не сего света, а из царства мертвых. Встань с одра своего и поспеши скорее в Саровскую обитель к о. Серафиму: он тебя ожидает к себе завтра и исцелит тебя». Больная осмелилась спросить ее: «Кто ты и откуда?» Явившаяся отвечала: «Я из Дивеевской общины, первая тамошняя настоятельница Агафия». На другой день утром родные запрягли пару господских лошадей и поехали в Саров. Только больную невозможно было везти шибко: беспрестанно делались с нею обмороки и судороги. Сарова достигла больная уже после поздней литургии, во время трапезы братии. Отец Серафим затворился и никого не принимал, но больная, приблизившись к его келлии, едва успела сотворить молитву, как о. Серафим вышел к ней, взял ее за руки и ввел в свою келлию. Там он накрыл ее епитрахилью и тихо произнес молитвы ко Господу и Пресвятой Богородице; потом он напоил больную святою Богоявленскою водою, дал ей частицу святого антидора да три сухарика и сказал: «Каждые сутки принимай по сухарю со святою водою, да еще сходи в Дивеево на могилу рабы Божией Агафии, возьми себе земли и сотвори на сем месте, сколько можешь, поклонов: она (Агафия) о

тебе сожалеет и желает тебе исцеления». Потом прибавил: «Когда тебе будет скучно, ты помолись Богу и скажи: отче Серафиме! Помяни меня на молитве и помолися обо мне, грешной, чтобы не впасть мне опять в сию болезнь от супостата и врага Божия». Тогда от болящей недуг отошел ощутительно с великим шумом; она была здорова во все последующее время и невредима.

После этого недуга она родила еще четырех сыновей и пять дочерей. Собственноручная запись о сем мужа исцеленной оканчивается следующим послесловием: «Имя о. Серафима мы и поднесь в нашем сердце глубоко сохраняем и на каждой панихиде поминаем его со своими родными».

9 декабря 1826 года в Дивеевской общине, по приказанию о. Серафима, состоялась закладка мельницы, а летом, 7 июля, она замолола.

В этом же 1827 году о. Серафим сказал постоянно приходившему к нему за приказаниями и распоряжениями Михаилу Васильевичу Мантурову: «Радость моя! Бедная-то общинка наша в Дивееве своей церкви не имеет, а ходить-то им в приходскую, где крестины да свадьбы, не приходится: ведь они девушки. Царице Небесной угодно, чтобы была у них своя церковь к паперти же Казанской церкви пристроена, так как паперть эта достойна алтаря, батюшка! Ведь матушка Агафия Семеновна, стоя на молитве, всю токами слез своего смирения омыла ее; вот, радость моя, и выстрой ты храм этот Рождеству Сына Ее Единородного – сиротам моим!» У Михаила Васильевича Мантурова хранились в неприкосновенности деньги от продажи имения, которые батюшка приказал спрятать до времени. Теперь настал час Михаилу Васильевичу отдать все свое достояние Господу, и такие деньги были, несомненно, угодны Спасителю мира. Следовательно, церковь Рождества Христова создавалась на средства человека, принявшего на себя добровольно подвиг нищенства.

Насколько часто сестры дивеевские должны были первое время ходить к о. Серафиму работать и за продовольствием, которое он посылал им от себя из Сарова, видно, например, из повествования сестры Прасковьи Ивановны, впоследствии монахини Серафимы. Вновь поступающих он заставлял приходить чаще других, чтобы преподать им духовное назидание. В праздник Сретения 1828–1829 годов он приказал сестре Прасковье Ивановне, как только что поступившей в обитель, дважды успеть прийти к нему и возвратиться. Следовательно, ей надо было пройти пятьдесят верст и еще провести время в Сарове. Она смутилась и сказала: «Не успею так, батюшка!» – «Что ты, что ты, матушка, – ответил о. Серафим, – ведь день теперь продолжается десять часов». – «Хорошо, батюшка», – сказала Прасковья с любовью. Первый раз она пришла в келлию к батюшке в монастырь, когда шла ранняя обедня. Батюшка отворил дверь и весело встретил ее, назвав: «радость моя!» Посадил отдохнуть, накормил частичками просфоры со святою водою и потом дал нести в обитель к себе большой мешок с толокном и сухарями. В Дивеево она немного отдохнула и опять пошла в Саров. Служили вечерню, когда она вошла к батюшке, который в восторге приветствовал ее, говоря: «Гряди, гряди, радость моя! Вот я накормлю тебя своею пищею». Посадил Прасковью и поставил перед нею большое блюдо пареной капусты с соком. «Это все твое», – сказал батюшка. Она начала есть и ощутила такой вкус, который ее несказанно удивил. Потом из расспросов она узнала, что за трапезой не бывает этой пищи, и она была хороша, потому что батюшка сам по молитве своей готовил такую необыкновенную пищу. Однажды батюшка ей приказал работать в лесу, собирать дрова, и припас ей пищи. Часу в третьем дня он сам захотел поесть и говорит: «Подика, матушка, в пустыньку, там у меня на веревочке висит кусочек хлеба, принеси его». Сестра Прасковья принесла. Батюшка посолил черствый хлеб, помочил его в холодной воде и начал кушать. Частицу он отделил Прасковье, но она не могла даже разжевать – так засох хлеб – и подумала: вот, какое терпит лишение батюшка. Отвечая ей на мысль, о. Серафим сказал: «Это, матушка, еще хлеб насущный! А когда я был в затворе, то питался зелием, траву снить обливал горячею водою, так и вкушал; это пустынная пища, и вы ее вкушайте». В другой раз

сестра Прасковья Ивановна впала в искушение: начала малодушествовать, скучать, тосковать и задумала уйти из обители, но не знала, открыться ли батюшке. Вдруг он присылает за ней.

Она входит смущенная и робкая. Батюшка начал рассказывать о себе и о своей жизни в монастыре, а затем прибавил: «Я, матушка, всю монастырскую жизнь прошел и никогда, ниже мыслию, не выходил из монастыря». Повторяя еще несколько раз это и приводя примеры из своего прошлого, он совершенно исцелил ее, так что Прасковья Ивановна свидетельствует в своем повествовании, что в продолжение рассказа «все мои мысли понемногу успокоились, а когда кончил батюшка, так я почувствовала такое утешение, как будто больной член отрезан прочь ножом». В бытность Прасковьи Ивановны при батюшке в ближней пустыньке к нему подошли курские купцы, заехавшие в Саров с Нижегородской ярмарки. Перед прощанием они спросили батюшку: «Что прикажете сказать вашему братцу?» Отец Серафим ответил: «Скажите ему, что я молю о нем Господа и Пречистую Его Матерь день и ночь». Они отошли, а батюшка, воздевши руки, с восторгом несколько раз повторил: «Нет лучше монашеского жития, нет лучше!» Однажды, когда Прасковья Ивановна работала у источника, к ней батюшка вышел со светлым сияющим лицом и в новом белом балахончике. Еще издали воскликнул он: «Что я тебе, матушка, принес!» – и подошел к ней, держа в руках зеленую веточку с фруктами. Сорвав один, он вложил ей в уста, и вкус его был невыразимо приятен и сладок. Затем, вкладывая в уста еще такой же фрукт, он произнес: «Вкуси, матушка, это райская пища!» В то время года еще не могли созреть никакие фрукты.

Старшая сестра в мельничной обители о. Серафима, Прасковья Семеновна, свидетельствовала много о батюшкиных милостях к сестрам и, между прочим, рассказала, как страшно было послушаться его. Однажды батюшка приказал ей, чтобы она приехала с отроковицей Марией Семеновной на двух лошадях за бревнами. Они поехали прямо к батюшке в лес, где он их уже дожидался и приготовил на каждую лошадь по два тоненьких бревнышка. Думая, что все четыре бревна может свезти одна лошадь, сестры переложили дорогою эти бревнышки на одну, а на другую лошадь взвалили большое, толстое бревно. Но лишь тронулись они с места, как лошадь эта упала, захрипела и начала околевать. Сознывая себя виновными, что они поступили против благословения батюшки, они, упав на колени, тут же, в слезах, заочно начали просить прощения, а затем скинули толстое бревно и разложили бревнышки попрежнему. Лошадь сама вскочила и так скоро побежала, что они едва-едва могли догнать ее.

Батюшка о. Серафим постоянно исцелял своих сирот от разных болезней. Раз сестра Ксения Кузьминична страдала зубной болью, от которой не спала ночи, ничего не ела и изнемогла, так как приходилось днем работать. Сказали о ней старшей сестре Прасковье Семеновне; она послала Ксению к батюшке. «Как только он меня увидел, – рассказывала Ксения, – то и говорит: что это ты, радость моя, давно ко мне не пришла! Пойди к отцу Павлу, он тебя исцелит. – А я подумала: что это? Разве он сам не может меня исцелить? Но возражать не смела. Я отыскала отца Павла и сказала ему, что меня послал к нему батюшка. Он туго-натуго сжал мне лицо обеими руками и несколько раз провел по щекам. И зубы затихли, как рукой сняло».

Сестра Евдокия Назарова также рассказывала, что, будучи молодой девицей, она страдала два года параличом рук и ног и ее привезли к батюшке о. Серафиму, который, увидав ее, стал манить к себе. Ее с большим трудом подвели к батюшке, но он дал ей в руки грабли и велел грести сено. Тут почувствовала она, что с нее что-то спало, и она начала грести, как здоровая. Одновременно работали у батюшки Прасковья Ивановна и Ирина Васильевна. Последние стали выговаривать ей, зачем она, такая больная, пришла с ними трудиться, но батюшка, уразумев духом мысли их, сказал им: «Примите ее к себе в Дивеево, она будет вам прясть и ткать». Так трудилась она до вечерни. Батюшка накормил ее обедом, и затем она дошла до дома совершенно здоровой.

Старица Варвара Ильинична также свидетельствовала об излечении ее о. Серафимом: «Он, кормилец мой, два раза исцелял меня, – говорила она. – В первый-то, я словно порченная

была, а потом у меня очень болели зубы, весь рот был в нарывах. Я пришла к нему, он меня поставил поодаль от себя, а мне велел рот открыть; сильно дунул на меня, завязал платочком мне все лицо, да тут же велел идти домой, а солнце-то было уже на закате. Я ничего не убоялась за его святою молитвою, ночью же пришла домой, а боль как рукой сняло. У батюшки я часто бывала. Он мне говаривал: “Радость моя! Ты будешь забвенная у всех”. И доподлинно, бывало, приду к матушке Ксении Михайловне просить чего или из обуви, или одежды, а она скажет: “Ты бы вовремя приходила и просила; ступай на поклоны”. Всем дает, а мне нет. Раз Татьяна Григорьевна что-то на меня оскорбилась и говорит: “Ах ты забвенная!”, а я вспомнила это слово батюшки, да как закричу, заплачу! Так и сбылось слово батюшки: всю свою жизнь я была у всех “забвенная”. Раз мы с Акулиной Васильевной пришли к батюшке, долго что-то он говорил ей наедине, все в чем-то убеждал, но, видно, она послушалась. Он вышел и говорит: “Вынь из моего ковчега (так называл свой гробик) сухарей”. Навязал их целый узел, отдал Акулине, а другой узел мне; потом насыпал целый мешок сухарей да и начал его бить палкою, а мы смеемся, так и катаемся со смеху! Батюшка взглянет на нас, до еще пуще его бьет, а мы – знать, ничего не понимаем. Потом завязал батюшка да и повесил на шею Аграфене и велел нам идти в обитель. После уже поняли, как эта сестра Акулина Васильевна вышла из обители и в миру терпела страшные побои. Она потом опять поступила к нам и скончалась в Дивеево. Я, как возвратилась в обитель, прямо пришла к матушке Ксении Михайловне да сказала, что мы три ночи ночевали в Сарове. Она строго мне выговорила: “Ах ты самовольница! Как без благословения столько жила!” Я прошу прощения, говорю: “Батюшка нас задержал”, и подаю ей сухари, что принесла. Она отвечает: “Коли батюшка оставил, так Бог простит. Только он дал их тебе к терпению”. Так вскоре и вышло: на меня много наговорили матушке, и она меня выслала. Я все плакала да и пошла к батюшке Серафиму, все ему рассказала; сама плачу, стою пред ним на коленях, а он смеется да так ручками сшибается. Стал молиться и приказал идти к своим девушкам на мельницу, к начальнице Прасковье Степановне. Она, по его благословению, и оставила меня у себя». – «Раз я прихожу к батюшке Серафиму в пустыньку, а у него на лице мухи, а кровь ручьями бежит по щекам. Мне жаль его стало, хотела смахнуть их, а он говорит: “Не тронь их, радость моя, всякое дыхание да хвалит Господа!” Такой он терпеливец».

Часть третья

Великая старица, высокой жизни, Евдокия Ефремовна (монахиня Евпраксия) так говорила о гонениях, которые претерпевал о. Серафим: «То всем уж известно, как не любили саровцы за нас батюшку о. Серафима; даже гнали и преследовали его за нас постоянно, много-много делая ему терпения и скорби! А он, родной наш, все переносил благодушно, даже смеялся, и часто, сам зная это, шутил над нами. Прихожу я к батюшкету, а он всем ведь при жизни-то своей сам питал и снабжал нас всегда с отеческою заботою, спрашивая: есть ли все? Не надо ли чего? Со мною, бывало, да вот с Ксенией Васильевной и посылавал, больше меду, холста, елею, свечей, ладану и вина красного для службы. Так-то и тут, пришла я, наложил он мне, по обыкновению, большую суму-ношу, так что насилу сам ее с гробика-то поднял, индо крикнул, и говорит: “Во, неси, матушка, и прямо иди во святые ворота, никого не бойся!” Что это, думаю, батюшка-то, всегда, бывало, сам посылает меня мимо конного двора задними воротами, а тут вдруг прямо на терпение да на скорбь-то святыми воротами посылает! А в ту пору в Сарове-то стояли солдаты и всегда у ворот на часах были. Саровские игумен и казначей с братиею больно скорбели на батюшку, что все дает-де нам, посылает; и приказали солдатам-то всегда караулить да ловить нас, особенно же меня им указали. Ослушаться батюшку я не смела и пошла, сама не своя, так и тряслась вся, потому что не знала, чего мне так много наложил батюшка. Только подошла я это к воротам, читаю молитву; солдаты-то, двое, сейчас тут-де меня за шиворот и арестовали. “Иди, – говорят, – к игумену!” Я и молю-то их, и дрожу вся; не тут-то было. “Иди, – говорят, – да и только!” Притащили меня к игумену в сенки. Его звали Нифонтом; он был строгий, батюшку Серафима не любил, а нас – еще пуще. Приказал он мне, так сурово, развязать суму.

Я развязываю, а руки-то у меня трясутся, так ходуном и ходят, а он глядит. Развязала, вынимаю все... а там: старые лапти, корочки сломанные, отрубки да камни разные, и все-то крепко так упихано. “Ах, Серафим, Серафим! – воскликнул Нифонт. – Глядите-ка, вот ведь какой, сам-то мучается да и Дивеевских-то мучает!” – и отпустил меня. Так вот и в другой раз пришла я к батюшке, а он мне сумочку дает же. “Ступай, – говорит, – прямо к святым воротам!” Пошла, остановили же меня и опять взяли и повели к игумену. Развязали суму, а в ней песок да камни! Игумен ахал-ахал, да отпустил меня. Прихожу, рассказала я батюшке, а он и говорит мне: “Ну, матушка, уж теперь в последний раз, ходи и не бойся! Уж больше трогать вас не будут!” И воистину, бывало, идешь, и в святых воротах только спросят: чего несешь? – “Не знаю, кормилец, – ответишь им, – батюшка послал”. Тут же пропустят».

Чтобы видимо убедить всех, что Господу и Царице Небесной угодно, дабы о. Серафим занимался Дивеевской обителью, великий старец выбрал вековое дерево и помолился, чтобы оно преклонилось, в знак Божия определения. Действительно, наутро это дерево оказалось выворочено с громадным корнем при совершенно тихой погоде. Об этом дереве имеется множество записанных повествований сирот о. Серафима.

Так, Анна Алексеевна, одна из двенадцати первых сестер обители, рассказывает следующее: «Была я тоже свидетельницею великого чуда с покойной сестрой обители, Ксенией Ильиничной Потехиной, впоследствии недолго бывшей начальницей нашей мельничной общинки, позже благочинной монастыря нашего, монахиней Клавдией. Приходит к батюшке Серафиму живописец тамбовский, саровский послушник Иван Тихонович. Долго толковал с ним батюшка, что напрасно блазнятся на него, что печется он о нас; что это он делает не от себя, а по приказанию ему Самой Царицы Небесной. “Помолимся, – говорит батюшка Серафим. – Мню, что древу этому более ста лет...” – при этом он указал на дерево громадных размеров. “Простоит оно еще много лет... Аще же я творю послушание Царицы Небесной – преклонится древо сие в их сторону!...” – и указал на нас. “Так и знай, – продолжал о. Сера-

фим, – что нет мне дороги оставлять их, хотя они и девушки! И если брошу я их, то и до царя, пожалуй, дойдет!” Приходим мы на другой день, а батюшка-то и показывает нам это самое здоровое и громадное дерево, точно бурею какою вывороченное со всеми своими корнями. И приказал батюшка, радостный, весь сияющий, разрубить дерево и отвезти к нам в Дивеев». (Корень его хранится доселе в кладбищенской церкви с прочими вещами о. Серафима.)

Настоятель Николо-Барковской пустыни, игумен Георгий, бывший гостинник Саровской пустыни Гурий, свидетельствует, что, пришедши однажды к старцу о. Серафиму в пустыньку, нашел его, что он перерубал сосну для дров, упавшую с корнем. По обычном приветствии, старец открыл об этой сосне, которую рубил, следующее: «Вот я занимаюсь Дивеевскою общиною; вы и многие меня за это зазирали, что для чего я ими занимаюсь; вот я вчерашний день был здесь, просил Господа для уверения вашего, угодно ли Ему, что я ими занимаюсь? Если угодно Господу, то, в уверение того, – чтобы это дерево преклонилось. На этом дереве, от корня аршина полтора вышины, заметка была вырублена крестом. Я просил Господа сего уверения; вместе с тем, что если вы или кто о них попечется, то будет ли угодно это Богу? Господь исполнил для вашего уверения: вот – дерево преклонилось. Почему я занимаюсь ими? Я о них имею попечение за послушание старцев строителя Пахомия и казначея Исаии, моих покровителей; они о них обещались пещись до кончины своей, а по кончине заповедали они, чтобы Саровская обитель вечно не оставляла их. А за что? Когда строился холодный соборный храм, денег не было в обители, и тогда странствовала вдова полковника, имя ей Агафия; она пришла сюда, и с нею три рабыни единомышленные. Эта Агафия, возжелав спастись близ старцев, избрала местом спасения село Дивеево, тут поселилась и сделала пожертвование деньгами на устройство собора; не знаю, сколько тысяч, но знаю только, что привезено было от нее три мешка денег: один был с золотыми, один с серебряными, а третий с медными, и были они полны оными-то деньгами. Собор и сооружен ее усердием; вот за что обещались о них вечно пещись и мне заповедали. Вот и я вас прошу: имейте о них попечение, ведь они жили тут двенадцать человек, а тринадцатая сама Агафия. Они трудились для Саровской обители, шили и обмывали белье, а им из обители давали на содержание всю пищу; как у нас трапеза была, и у них такова же была. Это продолжалось долго, но батюшка игумен Нифонт это прекратил и отделил их от обители; по какому случаю, не знаю! Батюшка Пахомий и Исаия пеклись о них, но никогда в их распоряжения не входили, ни Пахомий, ни Иосиф; я и то не распоряжался ими, и никому нет дороги ими распоряжаться».

В столь трудное время для дивного старца о. Серафима его одобряла и укрепляла Царица Небесная. Вот что пишет по этому поводу протоиерей о. Василий Садовский: «Однажды (1830 г.), дня три спустя после праздника иконы Успения Божией Матери, пришел я к батюшке Серафиму в Саровскую пустынь и нашел его в келлии без посетителей. Принял он меня весьма милостиво, ласково и, благословившись, начал беседу о богоугодном житии святых, как они от Господа сподоблялись дарований, чудных явлений, даже посещений Самой Царицы Небесной. И, довольно побеседовавши таким образом, он спросил меня: “Есть ли у тебя, батюшка, платочек?” Я ответил, что есть. “Дай его мне!” – сказал батюшка. Я подал. Он его разложил, стал класть из какой-то посуды пригоршнями сухарики в платок, которые были столь необыкновенно белы, что с роду я таких не видывал. “Вот, и у меня, батюшка, была Царица, так вот, после гостей-то и осталось!” – изволил сказать батюшка. Личико его до того сделалось божественно при этом и весело, что и выразить невозможно! Он наклал полный платочек и, сам завязав его крепко-накрепко, сказал: “Ну, гляди, батюшка, а придешь домой, то самых этих сухариков покушай, дай своему подружью (так он всегда звал жену мою), потом поди в обитель и духовным-то своим чадам, каждой, вложи сам в уста по три сухарика, даже и тем, которые близ обители живут в келлиях: они все наши будут!” Действительно, впоследствии все поступили в обитель. По молодости лет, я и не понял, что Царица Небесная посетила его, а просто думал, не какая ли земная царица инкогнито была у батюшки, а спросить его не посмел, но

потом сам угодник Божий уже разъяснил мне это, говоря: “Небесная Царица, батюшка, Сама Царица Небесная посетила убогого Серафима, и во! Радость-то нам какая, батюшка! Матерь-то Божия неизъяснимою благодатию покрыла убогого Серафима. «Любимиче мой! – рекла Преподобная Владычица, Пречистая Дева. – Проси от меня, чего хочешь!» Слышишь ли, батюшка? Какую нам милость-то явила Царица Небесная!” – и угодник Божий весь сам так и просветлел, так и сиял от восторга. “А убогий-то Серафим, – продолжал батюшка, – Серафим-то убогий и умолил Матерь-то Божию о сиротах своих, батюшка! И просил, чтобы все, все в Серафимовой-то пустыни спаслись бы сироточки, батюшка! И обещала Матерь Божия убогому Серафиму сию неизреченную радость, батюшка! Только трем не дано, три погибнут, рекла Матерь Божия! – при этом светлый лик старца затуманился. – Одна сгорит, одну мельница смелет, а третья...” (сколько ни старался я вспомнить, никак не могу; видно, уж так надо)».

Благодатная сестра Евдокия Ефремовна, удостоившаяся быть при следующем посещении Царицы Небесной о. Серафима, в 1831 году, сообщила свой разговор с батюшкой о том же посещении, которое только что передал о. Василий:

«“Вот, матушка, – сказал мне батюшка Серафим, – во обитель-то мою до тысячи человек соберется, и все, матушка, все спасутся; я упросил, убогий, Матерь Божию, и соизволила Царица Небесная на смиренную просьбу убогого Серафима; и, кроме трех, всех обещала Милосердая Владычица спасти, всех, радость моя! Только там, матушка, – продолжал, немного помолчав, батюшка, – там-то, в будущем, все разделятся на три разряда: **сочетанные**, которые чистотою своею, непрестанными молитвами и делами своими, чрез то и всем существом своим, сочетованы Господу; вся жизнь и дыхание их в Боге, и вечно они с Ним будут! **Избранные**, которые мои дела будут делать, матушка, и со мной же и будут в обители моей. И **званные**, которые лишь временно будут наш хлеб только кушать, которым темное место. Дастся им только коечка, в одних рубашечках будут, да всегда тосковать станут! Это нерадивые и ленивые, матушка, которые общее-то дело да послушание не берегут и заняты только своими делами; куда как мрачно и тяжело будет им! Будут сидеть, все качаясь из стороны в сторону, на одном месте!” И, взяв меня за руку, батюшка горько заплакал. “Послушание, матушка, послушание превыше поста и молитвы! – продолжал батюшка. – Говорю тебе, ничего нет выше послушания, матушка, и ты сказывай всем!” Затем, благословив, отпустил меня».

За год и девять месяцев до своей кончины о. Серафим сподобился еще посещения Богоматери. Посещение было ранним утром, в день Благовещения, 25 марта 1831 года. Записала его и подробно сообщила дивная старица Евдокия Ефремовна (впоследствии мать Евпраксия).

«В последний год жизни батюшки Серафима я прихожу к нему вечером, по его приказанию, накануне праздника Благовещения Божией Матери. Батюшка встретил и говорит: “Ах, радость моя, я тебя давно ожидал! Какая нам с тобою милость и благодать от Божией Матери готовится в настоящий праздник! Велик этот день будет для нас!” – “Достойна ли я, батюшка, получать благодать по грехам моим?” – отвечаю я. Но батюшка приказал: “Повторяй, матушка, несколько раз сряду: Радуйся, Невесто Невестная! Аллилуйя!” Потом начал говорить: “И слышать-то никогда не случалось, какой праздник нас с тобою ожидает!” Я начала было плакать... Говорю, что я недостойна; а батюшка не приказал, стал утешать меня, говоря: “Хотя и недостойна ты, но я о тебе упросил Господа и Божию Матерь, чтоб видеть тебе эту радость! Давай молиться!” И, сняв с себя мантию, надел ее на меня и начал читать акафисты: Господу Иисусу, Божией Матери, святителю Николаю, Иоанну Крестителю; каноны: Ангелу Хранителю, всем святым. Прочитав все это, говорит мне: “Не убойся, не утрашися, благодать Божия к нам является! Держись за меня крепко!” И вдруг сделался шум, подобно ветру, явился блистающий свет, послышалось пение. Я не могла все это видеть и слышать без трепета. Батюшка упал на колени и, воздев руки к небу, воззвал: “О Преподобная, Пречистая Дево, Владычице Богородице!” И вижу, как впереди идут два Ангела с ветвями в руках, а за ними Сама

Владычица наша. За Богородицей шли двенадцать дев, потом еще святые Иоанн Предтеча и Иоанн Богослов. Я упала от страха замертво на землю и не знаю, долго и я была в таком состоянии и что изволила говорить Царица Небесная с батюшкой Серафимом. Я ничего не слышала также, о чем батюшка просил Владычицу. Перед концом видения услышала я, лежа на полу, что Матерь Божия изволила спрашивать батюшку Серафима: “Кто это у тебя лежит на земле?” Батюшка ответил: “Это та самая старица, о которой я просил Тебя, Владычица, быть ей при явлении Твоем!” Тогда Пречистая изволила взять меня, недостойную, за правую руку, и батюшка за левую, и через батюшку приказала мне подойти к девам, пришедшим с Нею, и спросить: как их имена и какая жизнь была их на земле. Я и пошла по ряду спрашивать. Во-первых, подхожу к Ангелам, спрашиваю: кто вы? Они отвечают: мы Ангелы Божии. Потом подошла к Иоанну Крестителю, он также сказал мне имя свое и жизнь вкратце; точно так же святой Иоанн Богослов. Подошла к девам и их спросила, каждую, о имени; они рассказали мне свою жизнь. Святые девы по именам были: великомученицы Варвара и Екатерина, святая первомученица Фекла, святая великомученица Марина, святая великомученица и царица Ирина, преподобная Евпраксия, святые великомученицы Пелагея и Дорофея, преподобная Макрина, мученица Иустина, святая великомученица Иулиания и мученица Анисия. Когда я спросила их всех, то подумала: пойду, упаду к ножкам Царицы Небесной и буду просить прощения в грехах моих, но вдруг все стало невидимо. После батюшка говорит, что это видение продолжалось четыре часа.

Когда мы остались одни с батюшкой, я говорю ему: “Ах, батюшка, я думала, что умру от страха, и не успела попросить Царицу Небесную об отпущении грехов моих”. Но батюшка отвечал мне: “Я, убогий, упробил о вас Божию Матерь, и не только о вас, но о всех, любящих меня, и о тех, кто служил мне и мое слово исполнял; кто трудился для меня, кто обитель мою любит, а колыми паче вас не оставлю и не забуду. Я отец ваш, попекусь о вас и в сем веке, и в будущем; и кто в моей пустыни жить будет, всех не оставлю, и роды ваши не оставлены будут. Вот какой радости Господь сподобил нас, зачем нам унывать!” Тогда я стала просить батюшку, чтобы он научил меня, как жить и молиться. Он ответил: “Вот как молитесь: Господи, сподоби меня умереть христианскою кончиною, не остави меня, Господи, на Страшном Суде Твоем, не лиши Царствия Небесного! Царица Небесная, не остави меня!” После всего я поклонилась в ножки батюшке, а он, благословивши меня, сказал: “Гряди, чадо, с миром в Серафимову пустынь!”»

В другом рассказе старицы Евдокии Ефремовны встречаются еще большие подробности. Так, она говорит: «Впереди шли два Ангела, держа – один в правой, а другой в левой руке – по ветке, усаженной только что расцветшими цветами. Волосы их, похобие на золотисто-желтый лен, лежали распущенными на плечах. Одежда Иоанна Предтечи и апостола Иоанна Богослова была белая, блестящая от чистоты. Царица Небесная имела на Себе мантию, подобно той, как пишется на образе Скорбящей Божией Матери, блестящую, но какого цвета – сказать не могу, несказанной красоты, застегнутою под шею большою круглою пряжкой (застежкой), убранною крестами, разнообразно разукрашенными, но чем – не знаю, а помню только, что она сияла необыкновенным светом. Платье, сверх коего была мантия, – зеленое, перепоясанное высоким поясом. Сверх мантии была как бы епитрахиль, а на руках поручи, которые, равно как и епитрахиль, были убраны крестами. Владычица казалась ростом выше всех дев; на голове Ее была возвышенная корона, украшенная разнообразными крестами, прекрасная, чудная, сиявшая таким светом, что нельзя было смотреть глазами, равно как и на пряжку (застежку), и на самое лицо Царицы Небесной. Волосы Ее были распущены, лежали на плечах и были длиннее и прекраснее ангельских. Девы шли за Нею попарно, в венцах, в одеждах разного цвета и с распущенными волосами; они стали кругом всех нас. Царица Небесная была в середине. Келлия батюшки сделалась просторная, и весь верх исполнился огней, как бы горящих свеч. Свет был особый, непохожий на дневной свет и светлее солнечного.

Взяв меня за правую руку, Царица Небесная изволила сказать: “Встань, девица, и не убойся Нас. Такие же девы, как ты, пришли сюда со Мною”. Я не почувствовала, как встала. Царица Небесная изволила повторить: “Не убойся, Мы пришли посетить вас”. Батюшка Серафим стоял уже не на коленях, а на ногах пред Пресвятою Богородицею, и Она говорила столь милостиво, как бы с родным человеком. Объятая великою радостью, спросила я батюшку Серафима: где мы? Я думала, что я уже не живая; потом, когда спросила его: Кто это? – то Пречистая Богородица приказала мне подойти ко всем самой и спросить их и т. д.

Девы все говорили: “Не так Бог даровал нам эту славу, а за страдания и за поношения; и ты пострадаешь!” Пресвятая Богородица много говорила батюшке Серафиму, но всего не могла я расслышать, а вот что слышала хорошо: “Не оставь дев Моих дивеевских!” Отец Серафим отвечал: “О Владычица! Я собираю их, но сам собою не могу их управить!” На это Царица Небесная ответила: “Я тебе, любимиче Мой, во всем помогу! Возложи на них послушание; если исправят, то будут с тобою и близ Меня, и если потеряют мудрость, то лишатся участи сих ближних дев Моих; ни места, ни венца такого не будет. Кто обидит их, тот поражен будет от Меня; кто послужит им ради Господа, тот помилован будет пред Богом!” Потом, обратясь ко мне, сказала: “Вот, посмотри на сих дев Моих и на венцы их: иные из них оставили земное царство и богатство, возжелав Царства Вечного и Небесного, возлюбивши нищету самоизвольную, возлюбивши Единого Господа. И за это, видишь, какой славы и почести сподобились! Как было прежде, так и ныне. Только прежние мученицы страдали явно, а нынешние – тайно, сердечными скорбями, и мзда им будет такая же”. Видение кончилось тем, что Пресвятая Богородица сказала о. Серафиму: “Скоро, любимиче Мой, будешь с Нами!” – и благословила его. Простились с ним и все святые; девы целовались с ним рука в руку. Мне сказано было: “Это видение тебе дано ради молитв о. Серафима, Марка, Назария и Пахомия”. Батюшка, обратясь после этого ко мне, сказал: “Вот, матушка, какой благодати сподобил Господь нас, убогих! Мне таким образом уже двенадцатый раз было явление от Бога, и тебя Господь сподобил. Вот какой радости достигли! Есть нам, почему веру и надежду иметь ко Господу! Побеждай врага-дьявола и противу его будь во всем мудра; Господь тебе во всем поможет!”»

Батюшка Серафим, как сказано, принимал множество посетителей. Он поучал мирян, обличал в них ложные направления ума и жизни. Так, один священник привел с собою к о. Серафиму профессора, который не столько хотел слышать беседу старца, сколько принять его благословение на вступление в монашество. Старец благословил его по обычаю священства, но насчет его желания вступить в монашество не давал никакого ответа, занявшись беседою со священником. Профессор, стоя в стороне, внимал их беседе. Священник между тем во время разговора часто наводил речь на цель, с которою пришел к нему ученый.

Но старец, намеренно уклоняясь от сего предмета, продолжал свою беседу и только раз, как бы мимоходом, заметил о профессоре: «Не нужно ли ему еще доучиться чемунибудь?» Священник на это решительно объяснил ему, что он знает Православную веру, сам – профессор семинарии, и стал убедительнейше просить разрешить только недоумение его насчет монашества. Старец на это отвечал: «И я знаю, что он искусен сочинять проповеди. Но учить других так же легко, как с нашего собора бросать на землю камешки, а проходить делом то, чему учишь, все равно как бы самому носить камешки на верх собора. Так вот какая разница между учением других и прохождением самому дела». В заключение, он советовал профессору прочитать историю святого Иоанна Дамаскина, говоря, что из нее он усмотрит, чему еще надобно доучиться ему.

Однажды пришли к нему четыре старообрядца спросить о двуперстном сложении. Только что они переступили за порог келлии, не успели еще сказать своих помыслов, как старец подошел к ним, взял первого из них за правую руку, сложил персты в трехперстное сложение по чину Православной Церкви и, таким образом крестя его, держал следующую речь: «Вот христианское сложение креста! Так молитесь и прочим скажите. Сие сложение предано от свя-

тых апостолов, а сложение двуперстное противно святым уставам. Прошу и молю вас, ходите в Церковь Греко-Российскую: она во всей славе и силе Божией! Как корабль, имеющий многие снасти, паруса и великое кормило, она управляется Святым Духом. Добрые кормчие ее – учителя Церкви, архипастыри суть преемники апостольские. А ваша часовня подобна маленькой лодке, не имеющей кормила и весел; она причалена вервием к кораблю нашей Церкви, плывет за нею, заливаемая волнами, и непременно потонула бы, если бы не была привязана к кораблю».

В другое время пришел к нему один старообрядец и спросил: «Скажи, старец Божий, какая вера лучше: нынешняя церковная или старая?»

– Оставь свои бредни, – отвечал о. Серафим. – Жизнь наша есть море, Святая Православная Церковь наша – корабль, а Кормчий – Сам Спаситель. Если с Таким Кормчим люди, по своей греховной слабости, с трудом переплывают море житейское и не все спасаются от потопления, то куда же стремишься ты со своим ботиком и на чем утверждаешь свою надежду – спастись без Кормчего?

Однажды зимою привезли на санях больную женщину к монастырской келлии о. Серафима и о сем доложили ему. Несмотря на множество народа, толпившегося в сенях, о. Серафим просил принести ее к себе. Больная вся была скорчена, коленки сведены к груди. Ее внесли в жилище старца и положили на пол. Отец Серафим запер дверь и спросил ее:

– Откуда ты, матушка?

– Из Владимирской губернии.

– Давно ли ты больна?

– Три года с половиною.

– Какая же причина твоей болезни?

– Я была прежде, батюшка, Православной веры, но меня отдали замуж за старообрядца. Я долго не склонялась к ихней вере, и все была здорова. Наконец они меня уговорили: я переменила крест на двуперстие и в церковь ходить не стала. После того, вечером, пошла я раз по домашним делам во двор; там одно животное показалось мне огненным, даже опалило меня; я, в испуге, упала, меня начало ломать и корчить. Прошло немало времени. Домашние хватились, искали меня, вышли на двор и нашли – я лежала. Они меня внесли в комнату. С тех пор я хвораю.

– Понимаю... – отвечал старец. – А веруешь ли ты опять в Святую Православную Церковь?

– Верую теперь опять, батюшка, – отвечала больная. Тогда о. Серафим сложил по-православному персты, положил на себе крест и сказал:

– Перекрестись вот так, во имя Святой Троицы.

– Батюшка, рада бы, – отвечала больная, – да руками не владею.

Отец Серафим взял из лампады у Божией Матери Умиления елея и помазал грудь и руки больной. Вдруг ее стало расправлять, даже суставы затрещали, и тут же получила совершенное здравье.

Народ, стоявший в сенях, увидев чудо, разглашал по всему монастырю, и особенно в гостинице, что о. Серафим исцелил больную.

Когда это событие кончилось, то пришла к о. Серафиму одна из дивеевских сестер. Отец Серафим сказал ей:

– Это, матушка, не Серафим убогий исцелил ее, а Царица Небесная. – Потом спросил ее: – Нет ли у тебя, матушка, в роду таких, которые в церковь не ходят?

– Таких нет, батюшка, – отвечала сестра, – а двуперстным крестом молятся мои родители и родные все.

– Попроси их от моего имени, – сказал о. Серафим, – чтобы они слагали персты во имя Святой Троицы.

– Я им, батюшка, говорила о сем много раз, да не слушают.

– Послушают, попроси от моего имени. Начни с твоего брата, который меня любит; он первый согласится. А были ли у тебя из умерших родные, которые молились двуперстным крестом?

– К прискорбию, у нас в роду все так молились.

– Хотя и добродетельные были люди, – заметил о. Серафим, пораздумавши, – а будут связаны: Святая Православная Церковь не принимает этого креста... А знаешь ли ты их могилы?

Сестра назвала могилы тех, которых знала, где погребены.

– Сходи ты, матушка, на их могилы, положи по три поклона и молись Господу, чтобы Он разрешил их в вечности.

Сестра так и сделала. Сказала и живым, чтобы они приняли православное сложение перстов во имя Святой Троицы, и они точно послушались голоса о. Серафима, ибо знали, что он угодник Божий и разумеет тайны святой Христовой веры.

Однажды о. Серафим в неизобразимой радости сказал доверенному иноку:

– Вот, я тебе скажу об убогом Серафиме! Я усладился словом Господа моего Иисуса Христа, где Он говорит: в дому Отца Моего обители мнози суть (то есть для тех, которые служат Ему и прославляют Его святое имя). На этих словах Христа Спасителя я, убогий, остановился и возжелал видеть оные небесные обители и молил Господа моего Иисуса Христа, чтобы Он показал мне эти обители; и Господь не лишил меня, убогого, Своей милости; Он исполнил мое желание и прошение; вот я и был восхищен в эти небесные обители; только не знаю, с телом или кроме тела – Бог весть; это непостижимо. А о той радости и сладости небесной, которую я там вкусил, сказать тебе невозможно.

И с этими словами о. Серафим замолчал... Он поник головою, глядя тихонько рукою против сердца, лицо его стало постепенно меняться и, наконец, до того просветилось, что невозможно было смотреть на него. Во время таинственного своего молчания, он как будто созерцал что-то с умилением. Потом о. Серафим снова заговорил:

– Ах, если бы ты знал, – сказал старец инок, – какая радость, какая сладость ожидает душу праведного на небеси, то ты решился бы во временной жизни переносить всякие скорби, гонения и клевету с благодарением. Если бы самая эта келлия наша, – при этом он показал на свою келлию, – была полна червей и если бы эти черви ели плоть нашу во всю временную жизнь, то со всяким желанием надобно бы на это согласиться, чтобы только не лишиться той небесной радости, какую уготовил Бог любящим Его. Там нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания; там сладость и радость неизглаголаные; там праведники просветятся, как солнце. Но если той небесной славы и радости не мог изъяснить и сам святой апостол Павел (см.: 2 Кор. 12, 2–4), то какой же другой язык человеческий может изъяснить красоту горнего селения, в котором водворяются души праведных?

В заключение своей беседы старец говорил о том, как необходимо теперь тщательнейшим образом заботиться о своем спасении, пока не прошло еще благоприятное время.

Прозорливость старца Серафима простиралась очень далеко. Он давал наставления для будущего, которое человеку обыкновенному никак не предусмотреть. Так, пришла к нему в келлию одна молодая особа, никогда не думавшая оставить мир, чтобы попросить наставления, как ей спастись. Едва только эта мысль мелькнула в ее голове, старец уже начал говорить: «Много-то не смущайся, живи так, как живешь; в большем Сам Бог тебя научит». Потом, поклонившись ей до земли, сказал: «Только об одном прошу тебя: пожалуйста, во все распоряжения входи сама и суди справедливо; этим и спасешься». Находясь тогда еще в мире и совершенно не думая никогда быть в монастыре, эта особа никак не могла понять, к чему клонятся такие слова о. Серафима. Он же, продолжая свою речь, сказал ей: «Когда придет это время, тогда вспомните меня». Прощаясь с о. Серафимом, собеседница сказала, что, может быть, Господь приведет им опять свидеться. «Нет, – отвечал о. Серафим, – мы уже прощаемся

навсегда, а потому прошу не забывать меня в святых своих молитвах». Когда же она просила помолиться и за нее, он отвечал: «Я буду молиться, а ты теперь гряди с миром: на тебя уже сильно ропщут». Спутницы, действительно, встретили ее на гостинице с сильным ропотом за медлительность. Между тем слова о. Серафима не были произнесены на воздух. Собеседница, по неисповедимым судьбам Промысла, ступила в монашество под именем Каллисты и, быв игуменьей в Свяжском монастыре Казанской губернии, помнила наставления старца и по ним устроила свою жизнь.

В другом случае посетили о. Серафима две девицы, духовные дочери Стефана, Саровской пустыни схимонаха. Одна из них была купеческого сословия, молодых лет, другая из дворян, уже пожилая возрастом. Последняя от юности горела любовью к Богу и желала давно сделаться инокиней, только родители не давали ей на то благословения. Обе девицы пришли к о. Серафиму принять благословение и попросить у него советов. Благородная, сверх того, просила благословить ее на вступление в монастырь. Старец, напротив, стал советовать ей вступить в брак, говоря: «Брачная жизнь благословлена Самим Богом. В ней нужно только с обеих сторон соблюдать супружескую верность, любовь и мир. В браке ты будешь счастлива, а в монашество нет тебе дороги. Монашеская жизнь трудная; не для всех выносима». Девица же из купеческого звания, юная возрастом, о монашестве не думала и слова о том о. Серафиму не говорила. Между тем он, сам от себя, благословил ее, по своей прозорливости, поступить в иноческий сан, даже назвал монастырь, в котором она будет спасаться. Обе остались одинаково недовольны беседою старца; а девица пожилых лет даже оскорбилась его советами и охладела в своем усердии к нему. Сам духовный отец их, иеромонах Стефан, удивлялся и не понимал, почему, в самом деле, старец пожилую особу, ревностную к иноческому пути, отвлекает от монашества, а деву юную, не желающую иночества, благословляет на путь сей? Последствия, однако же, оправдали старца. Благородная девица, уже в преклонных летах, вступила в брак и была счастлива. А юная, действительно, пошла в тот монастырь, который назвал прозорливый старец.

Даром прозорливости своей о. Серафим приносил много пользы ближним. Так, была в Сарове из Пензы благочестивая вдова дьякона, по имени Евдокия. Желая принять благословение старца, она, в среде множества народа, пришла за ним из больничной церкви и остановилась на крыльце его келлии, ожидая позади всех, когда придет очередь ее подойти к о. Серафиму. Но о. Серафим, оставивши всех, вдруг говорит ей: «Евдокия, поди ты сюда поскорее». Евдокия необыкновенно удивлена была, что он назвал ее по имени, никогда не выдавши ее, и подошла к нему с чувством благоговения и трепета. Отец Серафим благословил ее, дал святого антидора и сказал: «Тебе надобно поспешить домой, чтоб застать дома сына». Евдокия поспешила и в самом деле едва застала сына своего дома: в ее отсутствие начальство Пензенской семинарии назначило его студентом Киевской академии и, по причине дальности расстояния Киева от Пензы, спешило скорее отправить его на место. Этот сын, по окончании курса в Киевской академии, пошел в монашество под именем Иринарха, был наставником в семинариях; в настоящее время (в 1918 году. – Прим. ред.) состоит в звании архимандрита и глубоко чтит память о. Серафима.

Алексею Гурьевичу Воротилову не раз говорил о. Серафим, что некогда на Россию восстанут три державы и много изнурят ее. Но за Православие Господь помилует и сохранит ее. Тогда эта речь, как сказание о будущем, непонятна была; но события объяснили, что старец говорит это о Крымской кампании.

Молитвы старца Серафима были так сильны пред Богом, что есть примеры восстановления болящих от одра смерти. Так, в мае 1829 года сильно заболела жена Алексея Гурьевича Воротилова, жителя Горбатовского уезда, села Павлово. Воротилов же имел большую веру в силу молитв о. Серафима, и старец, по свидетельству знающих людей, любил его, как бы своего ученика и наперсника. Тотчас же Воротилов отправился в Саров и, несмотря на то что

приехал туда в полночь, поспешил к келлии о. Серафима. Старец, как бы ожидая его, сидел на крылечке келлии и, увидавши, приветствовал его сими словами: «Что, радость моя, поспешил в такое время к убогому Серафиму?» Воротилов со слезами рассказал ему о причине поспешного прибытия в Саров и просил помочь болящей жене его. Но о. Серафим, к величайшей скорби Воротилова, объявил, что жена его должна умереть от болезни. Тогда Алексей Гурьевич, обливаясь потоком слез, припал к ногам подвижника, с верою и смирением умоляя его помолиться о возвращении ей жизни и здоровья. Отец Серафим тотчас погрузился в **умную** молитву минут на десять, потом открыл очи свои и, поднимая Воротилова на ноги, с радостью сказал: «Ну, радость моя, Господь дарует супружнице твоей живот. Гряди с миром в дом твой». С радостью Воротилов поспешил домой. Здесь он узнал, что жена его почувствовала облегчение именно в те минуты, когда о. Серафим пребывал в молитвенном подвиге. Вскоре же она и совсем выздоровела.

После затвора о. Серафим изменил свой образ жизни и стал иначе одеваться. Он вкушал пищу один раз в день, вечером, и одевался в подрясник из черного толстого сукна. Летом накидывал сверху белый холщовый балахон, а зимою носил шубу и рукавицы. В погоду осеннюю и ранней весны носил кафтан из толстого русского черного сукна. От дождя и жары надевал полумантию, сделанную из цельной кожи, с вырезами для надевания. Поверх одежды подпоясывался белым и всегда чистым полотенцем и носил медный свой крест. На труды монастырские летом выходил в лаптях, зимою в бахилах, а идя в церковь к богослужению, надевал, по приличию, кожаные коты. На голове носил зимою и летом камилавку. Сверх того, когда следовало по монастырскому уставу, он надевал мантию и, приступая к принятию Святых Таин, облачался в епитрахиль и поручи и потом, не снимая их, принимал в келлии богомольцев.

Один богатый человек, посетивши о. Серафима и видя его убожество, стал говорить ему: «Зачем ты такое рубище носишь на себе?» Отец Серафим отвечал: «Иоасаф царевич данную ему пустынною Варлаамом мантию счел выше и дороже царской багряницы» (Четья Минея, 19 ноября).

Противу сна о. Серафим подвизался очень строго. Известно стало в последние годы, что он предавался ночному покою иногда в сенях, иногда в келлии. Спал же он сидя на полу, спиною прислонившись к стене и протянувши ноги. В другой раз он преклонял голову на камень или на деревянный отрубок. Иногда же повергался на мешках, кирпичях и поленьях, бывших в его келлии. Приближаясь же к минуте своего отшествия, он начал опочивать таким образом: становился на колени и спал ниц к полу на локтях, поддерживая руками голову.

Его иноческое самоотвержение, любовь и преданность к Господу и Божией Матери были столь велики, что когда один господин, Иван Яковлевич Каратаев, бывший у него в 1831 году на благословении, спросил, не прикажет ли он сказать что-нибудь своему родному брату и другим родственникам в Курске, куда Каратаев ехал, то старец, указывая на лики Спасителя и Божией Матери, с улыбкою сказал: «Вот мои Родные, а для живых родных я уже живой мертвец».

Время, которое о. Серафиму оставалось от сна и занятий с приходящими, он проводил в молитве. Совершая молитвенное правило со всею точностью и усердием за спасение своей души, он был в то же время великим молитвенником и ходатаем пред Богом за всех живых и усопших православных христиан. Для сего, при чтении Псалтири, на каждой главе он неопустительно произносил от всего сердца следующие молитвы:

1. **За живых:** «Спаси, Господи, и помилуй всех православных христиан и на всяком месте владычества Твоего православно живущих: подаждь им, Господи, душевный мир и телесное здравие и прости им всякое согрешение, вольное же и невольное: и их святыми молитвами и меня, окаянного, помилуй».

2. **За усопших:** «Упокой, Господи, души усопших раб Твоих: праотец, отец и братий наших, zde лежащих и повсюду православных христиан преставившихся: подаждь им, Господи,

Царствие и причастие Твоей бесконечной и блаженной жизни и прости им, Господи, всякое согрешение, вольное же и невольное».

В молитве за усопших и живых особенное значение имели восковые свечи, горевшие в его келлии пред святынею. Это объяснил в ноябре 1831 года сам старец о. Серафим в беседе с Н. А. Мотовиловым. «Я, – рассказывал Николай Александрович, – видевши у батюшки о. Серафима много лампад, в особенности многие кучи восковых свеч, и больших, и малых, на разных круглых подносах, на которых от таявшего много лет и капавшего со свеч воска образовались как бы восковые холмики, подумал про себя: для чего это батюшка о. Серафим возжигает такое множество свеч и лампад, производя в келлии своей нестерпимый жар от теплоты огненной? А он, как бы заставляя мои помыслы умолкнуть, сказал мне:

– Вы хотите знать, ваше боголюбие, для чего я зажигаю так много лампад и свеч пред святыми иконами Божиими? Это вот для чего: я имею, как и вам известно, многих особ, усердствующих ко мне и благотворящих мельничным сиротам моим. Они приносят мне елей и свечи и просят помолиться за них. Вот, когда я читаю правило свое, то и поминаю их сначала единожды. А так как, по множеству имен, я не смогу повторять их на каждом месте правила где следует – тогда и времени мне не достало бы на совершение моего правила – то я и ставлю все эти свечи за них в жертву Богу, за каждого по одной свече, за иных – за несколько человек одну большую свечу, за иных же постоянно тепло лампады; и, где следует на правиле помянуть их, говорю: Господи, помяни всех тех людей, рабов Твоих, за их же души возжег Тебе аз, убогий, сии свещи и кандила (то есть лампады). А что это не моя, убогого Серафима, человеческая выдумка, или так, простое мое усердие, ни на чем божественном не основанное, то и приведу вам в подкрепление слова Божественного Писания. В Библии говорится, что Моисей слышал глас Господа, глаголавшего к нему: “Моисее, Моисее! Рцы брату твоему Аарону, да возжигает предо Мною кандила во дни и в ночи: сия бо угодно есть предо Мною и жертва благоприятна Ми есть”. Так вот, ваше боголюбие, почему Святая Церковь Божия приняла в обычай возжигать во святых храмах и в домах верных христиан кандила, или лампады, пред святыми иконами Господа, Божией Матери, святых Ангелов и святых человеков, Богу благоугодивших».

Молясь о живых, в особенности о требовавших у него молитвенной помощи, о. Серафим поминал всегда усопших и память о них творил в келейных молитвах своих по уставу Православной Церкви.

Раз сам о. Серафим рассказывал следующее обстоятельство: «Умерли две монахини, бывшие обе игумениями. Господь открыл мне, как души их были ведены по воздушным мытарствам, что на мытарствах они были истязуемы и потом осуждены. Трое суток молился я, убогий, прося о них Божию Матерь. Господь, по Своей благодати, молитвами Богородицы, помиловал их: они прошли все воздушные мытарства и получили от милосердия Божия прощение».

Однажды замечено было, что во время молитвы старец Серафим стоял на воздухе. Случай этот рассказан княгинею Е. С. Ш.

Приехал к ней из Петербурга больной племянник ее, господин Я. Она, не медля долго, повезла его в Саров к о. Серафиму.

Молодой человек был объят таким недугом и слабостью, что не ходил сам и его на кровати внесли в монастырскую ограду. Отец Серафим в это время стоял у дверей своей монастырской келлии, как бы ожидая встретить расслабленного. Тотчас он просил внести больного в свою келлию и, обратившись к нему, сказал: «Ты, радость моя, молись, и я буду за тебя молиться; только смотри, лежи, как лежишь, и в другую сторону не оборачивайся». Больной долго лежал, повинаясь словам старца. Но терпение его ослабело, любопытство подмывало его взглянуть, что делает старец. Оглянувшись же, он увидел о. Серафима **стоящим на воздухе** в молитвенном положении и от неожиданности и необычайности видения вскрикнул. Отец Серафим, по совершении молитвы, подошедши к нему, сказал: «Вот, ты теперь будешь всем толковать, что Серафим – святой, молится на воздухе... Господь тебя помилует... А ты

смотри, огради себя молчанием и не поведай того никому до дня преставления моего, иначе болезнь твоя опять вернется». Господин Я., действительно, встал с постели и, хотя опираясь на других, но уже сам, на своих ногах, вышел из келлии. В монастырской гостинице его осаждали вопросами: «Как и что делал и что говорил о. Серафим?» Но, к удивлению всех, он не сказал ни одного слова. Молодой человек, совершенно исцелившись, опять был в Петербурге и снова через несколько времени воротился в имение княгини Ш. Тут он сведал, что старец Серафим опочил от трудов своих, и тогда рассказал о его молении на воздухе. Один случай такой молитвы нечаянно был усмотрен, но, конечно, старец не один раз благодатию Божиею был воздвигаем на воздух во время своих продолжительных молитвенных подвигов.

За год до смерти о. Серафим почувствовал крайнее изнеможение сил душевных и телесных. Ему было теперь около 72-х лет. Обыкновенный порядок жизни его, заведенный с окончания затвора, неминуемо подвергся теперь изменению. Старец стал реже ходить в пустынную келлию. В монастыре также тяготился постоянно принимать посетителей. Народ, свыкшийся с мыслью беспрепятственно видеть о. Серафима во всякое время, скорбел, что теперь он начал уклоняться от взоров. Однако же усердие к нему заставляло многих немалое время проживать на монастырской гостинице, чтобы изыскать необременительный для глубокого старца случай увидеть его и выслушать из уст его желаемое слово назидания или утешения.

Кроме предсказаний другим, старец начал теперь предсказывать и о своей смерти.

Так, пришла раз к нему сестра Дивеевской общины Параскева Ивановна с другими сотрудницами из сестер же. Старец начал говорить им: «Я силами слабею; живите теперь одни, оставляю вас». Скорбная беседа о разлуке растрогала слушательниц; они заплакали и с тем расстались со старцем. Однако же они подумали по поводу этой беседы не о смерти его, а о том, что о. Серафим, по преклонности лет, хочет отложить попечение о них, чтобы удалиться в затвор.

В другой раз старца посетила одна Параскева Ивановна. Он был в лесу, в ближней пустыни. Благословивши ее, о. Серафим сел на отрубок дерева, а сестра около него стала на колени. Отец Серафим повел духовную беседу и пришел в необыкновенный восторг: встал на ноги, руки поднял горе, взоры к небу. Благодатный свет озарил его душу от представления блаженства будущей жизни. Ибо старец беседовал в настоящий раз собственно о том, какая вечная радость ожидает человека на небе за недолговременные скорби временной жизни. «Какая радость, какой восторг, – говорил он, – объемлют душу праведника, когда, по разлучении с телом, ее сретают Ангелы и представляют пред лице Божие!» Раскрывая эту мысль, старец несколько раз спрашивал сестру: понимает ли она его? Сестра же все слушала, не говоря ни слова. Она понимала беседу старца, но не видела, чтобы речь клонилась к его кончине. Тогда о. Серафим снова стал говорить прежнее: «Я силами ослабеваю; живите теперь одни, оставляю вас». Сестра подумала, что он хочет опять укрыться в затвор, но о. Серафим на ее мысли ответил: «Искал я вам матери (настоятельницы), искал... и не мог найти. После меня никто вам не заменит меня. Оставляю вас Господу и Пречистой Его Матери».

За полгода до смерти о. Серафим, прощаясь со многими, с решительностью говорил: «Мы не увидимся более с вами». Некоторые просили благословения приехать в Великий пост, поговеть в Сарове и еще раз насладиться лицезрением и беседою его. «Тогда двери мои затворятся, – отвечал на это старец, – вы меня не увидите». Стало очень заметно, что жизнь о. Серафима угасает; только дух его по-прежнему, и еще более прежнего, бодрствовал. «Жизнь моя сокращается, – говорил он некоторым между братиею, – духом я как бы сейчас родился, а телом по всему мертв».

Первого января 1833 года, в день воскресный, о. Серафим пришел в последний раз в больничную церковь во имя святых Зосимы и Савватия, ко всем иконам поставил сам свечи и приложился, чего прежде не замечали за ним; потом причастился, по обычаю, Святых Христовых Таин.

По окончании же литургии он простился со всеми здесь молившимися братьями, всех благословил, поцеловал и, утешая, говорил: «Спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте: нынешний день нам венцы готовятся». Простившись же со всеми, он приложился ко кресту и к образу Божией Матери; затем, обошедши кругом святого престола, сделал обычное поклонение и вышел из храма северными дверями, как бы знаменуя этим, что человек одними вратами, путем рождения, входит в мир сей, а другими, то есть вратами смерти, исходит из него. В сие время все заметили в нем крайнее изнеможение сил телесных; но духом старец был бодр, спокоен и весел.

После литургии у него была сестра Дивеевской общины Ирина Васильевна. Старец прислал с нею Параскеве Ивановне 200 рублей ассигнации денег, поручая последней купить в ближней деревне хлеба на эти деньги, ибо в то время весь запас вышел и сестры находились в большой нужде.

Старец Серафим имел обыкновение при выходе из монастыря в пустыню оставлять в своей келлии горящими зажженные с утра пред образами свечи. Брат Павел, пользуясь его расположением, иногда говаривал старцу, что от зажженных свеч может произойти пожар; но о. Серафим всегда отвечал на это: «Пока я жив, пожара не будет; а когда я умру, кончина моя откроется пожаром». Так и случилось.

В первый день 1833 года брат Павел заметил, что о. Серафим в течение сего дня раза три выходил на то место, которое было им указано для его погребения, и, оставаясь там довольно долгое время, смотрел на землю. Вечером же о. Павел слышал, как старец пел в своей келлии пасхальные песни.

Второго января, часу в шестом утра, брат Павел, выйдя из своей келлии к ранней литургии, почувствовал в сенях близ келлии о. Серафима запах дыма. Сотворив обычную молитву, он постучался в дверь о. Серафима, но дверь изнутри была заперта крючком и ответа на молитву не последовало. Он вышел на крыльцо и, заметив в темноте проходивших в церковь иноков, сказал им: «Отцы и братия! Слышен сильный дымный запах. Не горит ли что около нас? Старец, верно, ушел в пустыню». Тут один из проходивших, послушник Аникита, бросился к келлии о. Серафима и, почувствовав, что она заперта, усиленным толчком сорвал дверь с внутреннего крючка. Многие христиане, по усердию, приносили к о. Серафиму разные холщовые вещи. Эти вещи, вместе с книгами, лежали на этот раз на скамье в беспорядке близ двери. Они-то и тлели, вероятно от свечного нагара или от упавшей свечи, подсвечник которой тут же стоял. Огня не было, а тлели только вещи и некоторые книги. На дворе было темно, чуть брезжилось; в келлии о. Серафима света не было, самого старца также не видно было и не слышно. Думали, что он отдыхает от ночных подвигов, и в этих мыслях пришедшие толпились у келлии. В сенях произошло небольшое замешательство. Некоторые из братии бросились за снегом и погасили тлевшие вещи.

Ранняя литургия между тем безостановочно совершалась своим порядком в больничной церкви. Пели «Достойно есть...» В это время неожиданно прибежал в церковь мальчик, один из послушников, и тихонько повестил некоторых о происшедшем. Братия поспешила к келлии о. Серафима. Иноков собралось немало. Брат Павел и послушник Аникита, желая удостовериться, не отдыхает ли старец, в темноте начали ощупывать небольшое пространство его келлии и нашли его самого, стоящего на коленях в молитве, со сложенными крестообразно руками. Он был мертв.

После обедни о. Серафима положили в гроб, по завещанию его, с финифтяным изображением преподобного Сергия, полученным из Троицко-Сергиевой Лавры. Могилу блаженному старцу приготовили на том самом месте, которое давно было намечено им самим, и его тело в продолжение восьми суток стояло открытым в Успенском соборе. Саровская пустынь до дня погребения наполнена была тысячами народа, собравшегося из окрестных стран и губерний. Каждый наперерыв теснился облобызать великого старца. Все единодушно оплакивали

потерю его и молились об упокоении души его, как он при жизни своей молился о здравии и спасении всех. В день погребения за литургией народа так много было в соборе, что местные свечи около гроба тухли от жара.

В то время в Глинской обители, Курской губернии, подвизался иеромонах Филарет. Его ученик сообщил, что 2 января, выходя из храма после утрени, отец Филарет показал на небе необыкновенный свет и сказал: «Вот так-то души праведных возносятся на небо! Это душа отца Серафима возносится!»

Архимандрит Митрофан, занимавший должность ризничего в Невской Лавре, был послушником в Саровской пустыни и находился при гробе о. Серафима. Он передал дивеевским сиротам, что лично был свидетелем чуда: когда духовник хотел положить разрешительную молитву в руку о. Серафима, то рука сама разжалась. Игумен, казначей и другие видели это и долго оставались в недоумении, пораженные случившимся.

Погребение о. Серафима совершено было о. игуменом Нифонтом. Тело его предано земле по правую сторону соборного алтаря, подле могилы Марка затворника. (Впоследствии, усердием нижегородского купца Я. Сырева над могилою его воздвигнут чугунный памятник в виде гробницы, на котором написано: «Жил во славу Божию 73 года, 5 месяцев и 12 дней».)

Преподобный Серафим Саровский. Духовные наставления

Печатается по изданиям: «Духовные наставления отца Серафима, Саровской пустыни иеромонаха». – М., 1844; «Душеполезный собеседник». – М., 1903; «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря». – М., 1903.

1. О Боге

Бог есть огонь, согревающий и воспламеняющий сердца и утробы. Итак, если мы ощутим в сердцах своих холод, который от диавола, ибо диавол хладен, то призовем Господа: Он, пришед, согреет наше сердце совершенною любовью не только к Нему, но и к ближним. И от лица теплоты убежит хлад доброненавистника.

Отцы написали, когда их спрашивали: ищи Господа, но не испытуй, где Он живет.

Где Бог, там нет зла. Все, происходящее от Бога, мирно и полезно, и приводит человека к самоосуждению и смирению.

Бог являет нам Свое человеколюбие не только в тех случаях, когда мы добро делаем, но и тогда, когда оскорбляем грехами и прогневаем Его. Как долготерпеливо сносит Он наши беззакония! И, когда наказывает, как милостиво наказывает!

Не называй Бога правосудным, говорит преподобный Исаак, ибо в делах твоих не видно Его правосудия. Правда, Давид называл Его и правосудным, и правым, но Сын Его показал нам, что Бог более благ и милостив. Где Его правосудие? Мы были грешники, и Христос умер за нас (Слово 90).

Поколик человек совершенствуется здесь пред Богом, потолик ходит вслед Его; в истинном же веке Бог явит ему лице Свое. Ибо праведные, входя здесь на земле в созерцание Его, видят образ Его как в зеркале, а там удостоятся зреть явление истины.

Если ты не знаешь Бога, то невозможно, чтобы явилась в тебе и любовь к Нему. Ты не можешь любить Бога, если не увидишь Его. Видение же Бога бывает от познания Его: ибо созерцание не предшествует богопознанию.

О делах Божиих не рассуждай по насыщении своего чрева: при наполненном чреве какое может быть ведение Таин Божиих?

2. О вере

Прежде всего должно верить в Бога, яко есть, и взыскающим Его мздовоздатель бывает (Евр. 11, 6).

Вера, по учению преподобного Антиоха, есть начало нашего соединения с Богом: истинно верующий есть камень храма Божия, уготованный для здания Бога Отца, вознесенный на высоту силою Иисуса Христа, то есть крестом, помощью вервия, то есть благодати Духа Святаго.

Вера без дел мертва есть (Иак. 2, 26); а дела веры суть: любовь, мир, долготерпение, милость, смирение, несение креста и жизнь по духу. Лишь такая вера вменяется в правду. Истинная вера не может оставаться без дел; кто истинно верует, тот непременно творит и добрые дела.

3. О надежде

Все, имеющие твердую надежду на Бога, возводятся к Нему и просвещаются сиянием вечного света.

Если человек не имеет излишнего попечения о себе из любви к Богу и для дел добродетели, зная, что Бог печется о нем, то таковая надежда есть истинная и мудрая. А если человек все упование свое возлагает на свои дела, к Богу же обращается с молитвою лишь тогда, когда его постигают непредвиденные беды, и он, не видя в собственных силах средств к отвращению их, начинает надеяться на помощь Божию, то такая надежда суетна и ложна. Истинная надежда ищет единого Царствия Божия и уверена, что все земное, потребное для жизни временной, несомненно дано будет.

Сердце не может иметь и мира, пока не приобретет такой надежды. Она-то вполне умиротворяет его и вносит радость в него.

О сей-то надежде сказали святейшие уста Спасителя: приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы (Мф. 11, 28), то есть надейся на Меня, и утетишья от труда и страха.

В Евангелии святого Луки сказано о Симеоне: и бе ему обещано Духом Святым, не видети смерти, прежде даже не видит Христа Господня (Лк. 2, 26). И Симеон праведный не умертвил надежды своей, но ждал вожделенного Спасителя мира и, с радостию приняв Его на свои руки, сказал: теперь Ты отпускаешь меня, Владыко, в Твое вожделенное для меня Царство, ибо я увидел надежду мою – Христа Господня.

4. О любви к Богу

Стяжавший совершенную любовь к Богу существует в жизни сей так, как бы не существовал. Ибо считает себя чужим для видимого, с терпением ожидая невидимого. Он весь изменился в любовь к Богу и оставил все другие привязанности.

Кто себя любит, тот любить Бога не может. А кто не любит себя ради любви к Богу, тот любит Бога.

Истинно любящий Бога считает себя странником и пришельцем на земле сей, ибо в своем стремлении к Богу душою и умом созерцает только Его одного.

Душа, исполненная любви к Богу, и во время исхода своего из тела не убоится князя воздушного, но с Ангелами возлетит, как бы от чужой страны на родину.

5. О страхе Божиим

Человек, решившийся проходить путь внутреннего внимания, прежде всего должен иметь страх Божий, который есть начало премудрости.

Пусть будут в уме его всегда напечатлены сии пророческие слова: работайте Господеви со страхом, и радуйтесь Ему с трепетом (Пс. 2, 11).

Он должен проходить путь свой с крайнею осторожностью и благоговением ко всему священному, а не небрежно. В противном случае нужно опасаться, чтоб не отнеслось к нему сие страшное определение Божие: проклят (человек), творящий дело Господне с небрежением (Иер. 48, 10).

Благоговейная осторожность здесь нужна потому, что сие море (то есть сердце с своими помыслами и желаниями, которое должно очистить посредством внимания) велико и странно: тамо гади, имже несть числа, то есть в нем гнездятся многие помыслы суетные, неправые и нечистые – порождения злых духов.

Бойся Бога, говорит Премудрый, и заповеди Его храни (Еккл. 12, 13). А соблюдая заповеди, ты будешь силен во всяком деле, и дело твое будет всегда хорошо. Ибо, боясь Бога, ты из любви к Нему все делать будешь хорошо. А диавола не бойся; кто боится Бога, тот одолеет диавола: для того диавол бессилен.

Два вида страха: если не хочешь делать зла, то бойся Господа, и не делай; а если хочешь делать добро, то бойся Господа, и делай.

Но никто не может стяжать страха Божия, доколе не освободится от всех забот житейских. Когда ум будет беспопечителен, тогда движет его страх Божий и влечет к любви благодати Божией.

6. Об отречении от мира

Страх Божий приобретается тогда, когда человек, отрекшись от мира и всего, что в мире, соберет все свои мысли и чувства и весь погрузится в созерцание Бога и в чувство обещанного святым блаженства.

Нельзя вполне отречься от мира и прийти в состояние духовного созерцания, оставаясь в мире. Ибо, доколе страсти не утишатся, нельзя стяжать мира душевного. Но страсти не утишаются, доколе нас окружают предметы, возбуждающие страсти. Чтобы прийти в совершенное бесстрастие и достигнуть совершенного безмолвия души, нужно много подвизаться в духовном размышлении и молитве. Но как же возможно всецело и спокойно предаваться созерцанию Бога, поучаться в законе Его и всею душою возноситься к Нему в пламенной молитве, оставаясь среди непрестающего шума страстей, воюющих в мире? Мир во зле лежит.

Не освободясь от мира, душа не может любить Бога искренно. Ибо житейское, по словам преподобного Антиоха, для нее есть как бы покрывало.

Если мы, говорит он же, живем в чужом граде и наш град далеко от града сего, и если мы знаем град наш, то для чего мы медлим в чужом граде и в нем уготовляем себе поля и жилища? И како воспоем песнь Господню на земли чуждей?¹ Мир сей есть область иного, то есть князя века сего (Слово 15).

¹ В русском переводе: «Как нам петь песнь Господню на земле чужой?» (Пс.136, 4).

7. О уединении и молчании

Паче всего должно украшать себя молчанием, ибо Амвросий Медиоланский говорит: молчанием многих видел я спасающихся, многоглаголением же ни одного. И паки некто из отцов говорит, что молчание есть таинство будущего века, словеса же орудие сущь мира сего (Преподобные Каллист и Игнатий Ксанфопулы. Гл. 16).

Ты только сиди в келлии во внимании и молчании и всеми мерами старайся приблизить себя ко Господу; а Господь готов сделать тебя из человека Ангелом: на кого, говорит, воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словес Моих (Ис. 66, 2).

Когда мы в молчании пребываем, тогда враг-диавол ничего не успеет относительно к потаенному сердца человеку: сие же должно разуметь о молчании в разуме.

Проходящий таковой подвиг должен все упование свое возложить на Господа Бога, по учению апостола: всю печаль вашу возвергше нань, яко Той печется о вас (1 Пет. 5, 7).

Он должен быть постоянен в сем подвиге, последуя в сем случае примеру святого Иоанна Молчальника и пустынника (см.: Четьи Минеи, 3 декабря), который в прохождении пути сего утверждался сими Божественными словами: не имам тебе оставити, ниже имам от тебе отступити (Евр. 13, 5).

Ежели не всегда можно пребывать в уединении и молчании, живя в монастыре и занимаясь возложенными от настоятеля послушаниями, то хотя некоторое время, оставшееся от послушания, должно посвящать на уединение и молчание, и за сие малое не оставит Господь Бог ниспослать богатую Свою милость.

От уединения и молчания рождаются умиление и кротость; действие сей последней в сердце человеческом можно уподобить воде оной тихой Силоамской, которая течет без шума и звука, как говорит о ней пророк Исаия: воды Силоамли текуция тисе (Ис. 8, 6).

Пребывание в келлии в молчании, упражнении, молитве и поучении день и ночь закону Божию делает человека благочестивым, ибо, по словам святых отцов, келлия инока есть пещь Вавилонская, в ней же трие отроцы Сына Божия обретоша (Добротолюбие, ч. 3. Петра Дамаскина книга 1-я).

8. О безмолвии

Преподобный Варсонофий учит: доколе на море – корабль терпит беды и приращения ветров, а когда достигнет пристанища тихого и мирного – уже не боится бед и скорбей и приращения ветров, но остается в тиши. Так и ты, монах, доколе остаешься с людьми, ожидай скорбей и бед и приращения мысленных ветров, а когда в безмолвие вступишь, бояться тебе нечего (Ответы 8, 9).

Совершенное безмолвие есть крест, на котором должен человек распять себя со всеми страстями и похотями. Но подумай: Владыка наш Христос сколько наперед претерпел поношений и оскорблений, и потом уже восшел на крест. Так и нам нельзя прийти в совершенное безмолвие и надеяться святого совершенства, если не постраждем со Христом. Ибо, говорит апостол, аще с Ним страждем, с Ним и прославимся (см.: Рим. 8, 17). Другого пути нет (Ответ 346).

Пришедший в безмолвие должен непрестанно помнить, зачем пришел, чтобы не уклонилось сердце его к чему-либо другому.

9. О внимании самому себе

Проходящий путь внимания не должен верить одному только сердцу своему, но сердечные свои действия и самую жизнь поверять с законом Божиим и с деятельною жизнью подвижников благочестия, такой же подвиг проходивших. Сим средством удобнее можно и от лукавого избавиться, и истину узреть яснее.

Ум внимательного человека есть как бы поставленный страж, или неусыпный хранитель внутреннего Иерусалима. Стоя на высоте духовного созерцания, он смотрит оком чистоты на обходящие и приражающиеся к душе его противные силы, по словам Псалмопевца: и на враги моя возре око мое (Пс. 53, 9).

От ока его не скрыт диавол, яко лев рыкающий, иский кого поглотити (см.: 1 Пет. 5, 8), и те, которые напрягают лук свой состреляти во мраце правды сердцем (Пс. 10, 2).

По учению святых отцов, при каждом человеке находятся два ангела: один добрый, другой злой. Ангел добрый тих, кроток и безмолвен. Когда он войдет в сердце человека, то говорит с ним о правде, чистоте, честности, спокойствии, о всяком благом деле и о всякой добродетели. Когда почувствуешь это в сердце твоём, очевидно, в тебе находится Ангел правды. А дух лукавый острожелчен, жесток и безумен. Когда он войдет в сердце твоё, то узнавай это по делам его (Преподобный Антиох. Слово 61).

Внимай себе, возлюбленный, говорит Исаак Сирин, и, при непрестанном делании, имей пред глазами и приключаящиеся тебе скорби, и место пустыни, в которой живешь, и тонкость ума своего вместе с грубостью своего познания, и продолжительность безмолвия вместе со многими врачевствами, то есть искушениями, какие наводятся на тебя то истинным Врачом ко здравью внутреннего человека, то иногда и бесами, и состоят иногда в болезнях и трудах телесных, иногда в ужасающих помышлениях души твоей и в страшных напоминаниях о том, что будет при конце; иногда прививаются и обвязываются благодатная теплота и сладкие слезы, и духовная радость и подобное. И теперь, во всех ли этих обстоятельствах совершенно видишь, что язва твоя начала подживать и закрываться, то есть страсти стали ослабевать? Положи при мету, и непрестанно входи сам в себя, и смотри, какие страсти, по твоему замечанию, изнемогли пред тобой, какие истребились и совершенно оставили тебя, какие начали умолкать вследствие выздоравливания души твоей, а не удаления только того, что возбуждало их, и какие научился ты одолевать разумом своим, а не одним лишением себя причин страсти. И еще внимай, совершенно ли видишь, что в гниющей язве твоей начала нарастать живая плоть, то есть мир душевный; и какие страсти преследуют тебя одна за другою последовательно и стремительно и чрез какой промежуток времени; телесные ли или душевные это страсти, или сложные и смешанные; и проходят ли в памяти только как слабые или сильно восстают на душу, и как восстают – властительно или яко тать; как смотрит на них царь-ум, этот властитель чувств: вступает ли с ними в брань, когда выступают вперед и объявят войну, и доводит ли их до бессилия своею крепостию или, и видя, не видит их и вовсе не занимается ими; и какие остались из старых страстей, и какие вновь образовались; притом, возникают ли страсти в живых образах или в чувстве – без живых образов, и в памяти – без страстного движения, без размышления о них и без раздражения. И по этому можно узнавать меру душевного здравия (Слово 45).

А потому таковой человек, следуя учению божественного Павла, принимает вся оружия Божия, да возможет противиться в день лют (см.: Еф. 6, 13), и сими оружиеми, при содействии благодати Божией, отражает видимые приращения и побеждает невидимых ратников. Мы видим пример такового духовного бодрствования в Иове Многострадальном, о коем Святая Церковь воспевает так: богатство видов добродетелей Иовлих, украсти козньствоваше праведных враг, и растерзав столп телесе, сокровище не украде духа: обрете бо вооружену непорочнаго душу (тропарь святому, 6 мая).

Проходящий путь сей не должен внимать посторонним слухам, от которых голова может быть наполнена праздными и суетными помыслами и воспоминаниями, но должен быть внимательным к себе.

Особенно на сем пути наблюдать должно, чтоб не обращаться на чужие дела, не мыслить и не говорить о них, по Псаломнику: не возглаголют уста моя дел человеческих (Пс. 16, 4); а молить Господа: от тайных моих очисти мя, и от чуждих пощади раба Твоего (Пс. 18, 13, 14).

Чтоб сохранить внимание, надобно уединяться в себя, по глаголу Господню: ни когоже на пути целуйте (Лк. 10, 4), то есть без нужды не говорить, разве бежит кто за тобою, чтоб услышать полезное.

Встречающихся старцев или братии поклонами почитать должно, имея очи всегда заключенные.

10. О попечении души

Человек по телу подобен зажженной свече. Свеча должна сгореть, и человек должен умереть. Но душа его бессмертна; потому и попечение наше должно относиться более к душе, нежели к телу: кая бо польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит; или что даст человек измену за душу свою (Мф. 16, 26–27), за которую, как известно, ничто в мире не может быть выкупом? Если одна душа сама по себе драгоценнее всего мира и царства мирского, то несравненно дороже Царство Небесное. Душу же почитаем драгоценнее всего по той причине, как говорит Макарий Великий, что Бог ни с чем не благоволил сообщиться и соединиться Своим духовным естеством, ни с каким видимым созданием, но с одним человеком, которого возлюбил более всех тварей Своих (Слово о свободе ума. Гл. 32).

Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Кирилл Александрийский, Амвросий Медиоланский и прочие от юности до конца жизни были девственниками; вся их жизнь была обращена на попечение о душе, а не о теле. Так и нам все старание должно иметь о душе, тело же подкреплять для того только, чтоб оно способствовало к подкреплению духа.

Если самовольно изнурим свое тело до того, что изнурится и дух, то таковое удручение будет безрассудное, хотя бы сие делалось для снискания добродетели.

Буде же Господу Богу угодно будет, чтобы человек испытал на себе болезни, то Он же подаст ему и силу терпения.

Итак, пусть будут болезни не от нас самих, но от Бога.

11. Чем должно снабдевать душу?

Если хочешь устроить дом души своей, говорит преподобный Варсонофий, то прежде приготовь вещество и все потребное, чтобы Художнику оставалось прийти и устроить. Потребное для такового здания суть твердая вера для устройства стен; деревянные оконцы, вводящие свет солнечный, который бы освещал дом, чтобы не было в нем ни малейшей темноты. Оконца деревянные суть пять чувств, Честным Крестом Христовым утвержденные, вводящие свет мысленного Солнца правды и не позволяющие оставаться в доме твоём ни малейшей темноте врага и доброненавистника твоего. Потом требуется покров, да ни во дни солнце не ожжет тебе, ниже луна ночью (Пс. 120, 6). Покров скрепляется любовью к Богу, которая бы, покрывая дом, никогда не падала и не позволяла заходить солнцу во гнев твой, дабы не увидеть его обличающим тебя в День Судный и жгущим в огне гееннском, и луну, свидетельствующую о ночном нашем унынии и лени. Наконец, требуется дверь, вводящая в дом и хранящая живущего в нем. Разумей мысленную дверь – Сына Божия, Который говорит: Аз есмь дверь. Если так устроим дом души своей, и в нем не будет ничего неприличного и неугодного Богу, то Он придет с благословенным Отцем и Духом Святым, и обитель у тебя сотворит, и научит тебя, что такое мир души, просветив сердце твое радостию неизглаголанною (Ответ 171).

Душу снабдевать надобно словом Божиим, ибо слово Божие, как говорит Григорий Богослов, есть хлеб ангельский, им же питаются души, Бога алчущие. Всего же более должно упражняться в чтении Нового Завета и Псалтири; Евангелие и Послания апостолов должно читать стоя пред святыми иконами, а псалмы можно читать сидя. От чтения Святого Писания бывает просвещение в разуме, который от того изменяется изменением Божественным.

Надобно так обучить себя, чтобы ум как бы плавал в законе Господнем, по руководству которого должно устроить и жизнь свою.

Очень полезно заниматься чтением слова Божия в уединении и прочесть всю Библию разумно. За одно такое упражнение, кроме других добрых дел, Господь не оставит человека Своею милостию, но исполнит его дара разума.

Когда же человек снабдит душу свою словом Божиим, тогда исполняется разумением того, что есть добро и что есть зло.

Чтение слова Божия должно быть производимо в уединении для того, чтобы весь ум читающего углублен был в истине Священного Писания и принимал от Бога в себя теплоту, которая в уединении производит слезы; от них человек согревается весь и исполняется духовных дарований, улаждающих ум и сердце паче всякого слова.

Телесный труд и упражнение в Божественных Писаниях, учит преподобный Исаак Сирин, охраняют чистоту, а труд подкрепляется надеждою и страхом. Надежду же и страх производят в уме удаление от людей и непрестанная молитва. Пока не примет Утешителя, человек имеет нужду в Божественных Писаниях, чтобы воспоминание о благах напечатлевалось в уме его и от непрестанного чтения обновлялось в нем стремление ко благу и охраняло душу его от тонких путей греха, – имеет нужду потому, что не приобрел еще силы Духа, которая удаляет заблуждение, берет в плен душеполезные припоминания, и приближается к той холодности, какая бывает при рассеянности ума. Ибо, когда сила Духа низойдет на душевную силу, действующую в нем, тогда вместо закона Писаний укореняются в сердце заповеди Духа и тогда он втайне бывает наставляем Духом и не имеет нужды в помощи чего-либо чувственного. А пока сердце учится чрез вещественное, вслед за учением идет заблуждение и забвение. А когда учение будет от Духа, тогда память соблюдается невреждимою (Слово 58).

Следует также снабдевать душу и познаниями о Церкви, как она от начала и доселе сохраняется и что терпела она в то или другое время, – знать же сие не для того, чтоб желать управ-

лять людьми, но на случай могущих встретиться вопрошений, также – для убеждения и утешения своего духа.

Более же всего делать это должно собственно для себя, чтоб приобрести мир душевный, по учению Псаломника: мир мног любящим закон Твой, Господи (см.: Пс. 118, 165).

12. О мире душевном

Мир душевный приобретается скорбями. Писание говорит: проидохом сквозе огонь и воду, и извел еси ны в покой (Пс. 65, 12). Хотящим угодить Богу путь лежит сквозь многие скорби. Как ублажать нам святых мучеников за страдания, которые претерпели они ради Бога, когда мы не можем стерпеть и огневицы?

Ничто так не содействует стяжанию внутреннего мира, как молчание и, сколько возможно, непрестанная беседа с собою и редкая – с другими.

Ничто же лучше есть во Христе мира, в нем же разрушается всякая брань воздушных и земных духов. Ибо несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным (Еф. 6, 12).

Признак духовной жизни есть погружение человека внутрь себя и сокровенное делание в сердце своем.

Благодать Божия приосеняет такого человека, и он бывает сперва в мирном устроении, а путем сего переходит и в премирное: в мирном – то есть с совестью благою; в премирном же – когда его ум созерцает в себе благодать Святаго Духа, по слову Божию: в мире место Его (Пс. 75, 3).

Можно ли, видя солнце чувственными очами, не радоваться? Но сколько радостнее бывает, когда ум видит внутренним оком Солнце правды – Христа? Тогда воистину радуется он радостью ангельскою. О семто и апостол сказал: наше житие на небесех есть (Флп. 3, 20).

Кто в мирном устроении неуклонно ходит, тот, как бы лжицею², черпает духовные дары.

Святые отцы, имея мирное устроение и будучи осеняемы благодатию Божиею, жили долго.

Когда человек придет в мирное устроение, тогда он может от себя и на других изливать свет просвещения разума. Прежде сего человеку надобно повторять сии слова Анны пророчицы: да не изыдет велеречие из уст ваших (1 Цар. 2, 3), и слова Господни: лицемере, изми первое бервно³ из очесе твоего, и тогда узриши изъяти сучец из очесе брата твоего (Мф. 7, 5).

Сей мир, как некое бесценное сокровище, оставил Господь наш Иисус Христос ученикам Своим пред смертию Своею, глаголя: мир оставляю вам, мир Мой даю вам (Ин. 14, 27). О нем также говорит и апостол: и мир Божий, превосходяй всяк ум, да соблюдет сердца ваша и разумения ваша о Христе Иисусе (Флп. 4, 7); мир имейте и святыню со всеми, ихже кроме никтоже узрит Господа (Евр. 12, 14).

Итак, мы должны все свои мысли, желания и действия сосредоточивать к тому, чтобы получить мир Божий, и с Церковию всегда зывать: Господи, Боже наш, мир даждь нам (Ис. 26, 12).

² Специальная ложечка с длинной ручкой для раздачи Святого Причастия, Святых Даров. – Ред.

³ Бревно. – Ред.

13. О сохранении мира душевного

Всеми мерами надобно стараться, чтоб сохранить мир душевный и не возмущаться оскорблениями от других; для сего нужно всячески стараться удерживать гнев и посредством внимания ум и сердце соблюдать от непристойных движений.

И потому оскорбления от других переносить должно равнодушно, и приобучаться к такому расположению духа, как бы их оскорбления не до нас, а до других касались.

Таковое упражнение может доставить человеческому сердцу тишину и соделать оное обителию для Самого Бога.

Образ такового безгневия мы видим на Григории чудотворце, с которого в публичном месте жена, некая блудница, просила мзды, аки бы за содеянный с нею грех; а он, на нее нимало не разгневавшись, кротко сказал некоему своему другу: даждь скоро ей цену, колико требует. Жена, только что прияла несправедную мзду, подверглась нападению беса; святой же отгнал от нее беса молитвою (см.: Четьи Минеи, 17 ноября).

Ежели же невозможно, чтоб не возмутиться, то по крайней мере надобно стараться удерживать язык, по Псаломнику: смятохся и не глаголах (Пс. 76, 5).

В сем случае можем в образец себе взять святого Спиридона Тримифунтского и преподобного Ефрема Сирина. Первый так перенес оскорбление: когда по требованию царя греческого входил он во дворец, то некто из слуг, в палате царской бывших, сочтя его за нищего, рассмеялся над ним, не пускал его в палату, а потом ударил и в ланиту. Святой Спиридон, будучи незлобив, по слову Господню, обратил ему и другую (см.: Мф. 5, 39, см. также: Четьи Минеи, 12 декабря).

Преподобный Ефрем, постясь в пустыне, лишен был учеником пищи таким образом: ученик, неся ему пищу, сокрушил на пути, нехотя, сосуд. Преподобный, увидев печального ученика, сказал к нему: не скорби, брате, еще бо не восхоте приити к нам пища, то мы пойдем к ней; и пошел, сел при сокрушенном сосуде и, собирая снедь, вкушал ее: так был он безгневен (см.: Четьи Минеи, 28 января).

А каким образом побеждать гнев, сие можно видеть из жития Великого Паисия, который явившегося ему Господа Иисуса Христа просил, дабы Он освободил его от гнева.

И рече ему Христос: еще гнев и ярость купно победити хощеши, ничесоже возжелай, ни возненавиди кого, ни уничижи (см.: Четьи Минеи, 19 июня).

Дабы сохранить мир душевный, должно отдалять от себя уныние и стараться иметь радостный дух, а не печальный, по слову Сираха: многи бо печаль уби, и несть пользы в ней (Сир. 30, 25).

Когда человек имеет большой недостаток в потребных для тела вещах, то трудно победить уныние. Но сие, конечно, к слабым душам относить должно.

Для сохранения мира душевного также всячески должно избегать осуждения других. Неосуждением и молчанием сохраняется мир душевный: когда в таком устроении бывает человек, то получает Божественные откровения.

Чтобы избавиться осуждения, должно внимать себе, ни от кого не принимать посторонних мыслей и быть ко всему мертву.

К сохранению душевного мира надобно чаще входить в себя и спрашивать: где я?

При сем должно наблюдать, чтобы телесные чувства, особенно зрение, служили для внутреннего человека и не развлекали душу чувственными предметами, ибо благодатные дарования получают токмо те, кои имеют внутреннее делание и бдят о душах своих.

14. О свете Христовом

Дабы принять и ощутить в сердце своем свет Христов, надобно, сколько можно, отвлечь себя от видимых предметов. Предочистив душу покаянием и добрыми делами, при искренней вере в Распятого, закрыв телесные очи, должно погрузить ум внутрь сердца и вопиять, непрестанно призывая имя Господа нашего Иисуса Христа. Тогда, по мере усердия и горячности духа к Возлюбленному (см.: Лк. 3, 22), человек в призываемом имени находит услаждение, которое возбуждает желание искать высшего просвещения.

Когда ум с таким упражнением долго пребудет, укоснит в сердце, тогда воссияет свет Христов, освещая храмину души Божественным сиянием, как говорит от лица Бога святой пророк Малахия: и возсияет вам боящимся имени Моего Солнце правды (Мал. 4, 2). Сей свет есть купно и жизнь, по евангельскому слову: в Том живот бе, и живот бе свет человеком (Ин. 1, 4).

Когда человек созерцает внутренно свет вечный, тогда ум его бывает чист и не имеет в себе никаких чувственных представлений; но, весь будучи углублен в созерцание несозданной доброты, забывает все чувственное, не хочет зреть и себя, но желает скрыться в сердце земли, только бы не лишиться сего истинного блага – Бога.

15. О подвигах

Выше меры подвигов предпринимать не должно, а стараться, чтоб друг – плоть наша – был верен и способен к творению добродетелей.

Надобно идти средним путем, не уклоняться ни на десно, ни на шуе (см.: Притч. 4, 27); и давать духу духовное, телу телесное, для поддержания временной жизни потребное, и жизни общественной ею законно требуемое, по словам Священного Писания: воздадите убо кесарева кесареви, и Божия Богови (Мф. 22, 21).

Должно снисходить душе своей в ее немощах и несовершенствах и терпеть свои недостатки, как терпим других, но не обленяться и побуждать себя к лучшему.

Употребил ли пищи много, или что другое подобное сему, сродное слабости человеческой, сделал, не возмущайся сим и не прилагай ко вреду вред; но мужественно подвигни себя ко исправлению, а между тем старайся сохранить мир душевный, по слову апостола: блажен не осуждаяй себе, о немже искушается (Рим. 14, 22).

Тот же смысл заключают и слова Спасителя: аще не обратитесь и будете яко дети, не увидите в Царство Небесное (Мф. 18, 3).

Тело, изможденное подвигами или болезнями, должно подкреплять умеренным сном, пищею и питием, не наблюдая даже и времени. Иисус Христос, по воскресении дщери Иаировой от смерти, тут же повелел даты ей ясти (Лк. 8, 55).

Всякий успех в чем-либо мы должны относить ко Господу и с пророком говорить: не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу (Пс. 113, 9).

Лет до тридцати пяти, то есть до преполовления земной жизни, велик подвиг бывает человеку в сохранении себя, и многие в сии лета не устаивают в добродетели, но совращаются с правого пути к собственным пожеланиям; как о сем святой Василий Великий свидетельствует: многие многое собрали в юности, и, посреде жития бывши, восставшим на них искушениям от духов лукавствия не стерпели волнения; всего того лишились (Беседа на начало Притчей).

А потому, чтоб не испытать такового превращения, надобно поставить себя как бы на мериле испытания и внимательного за собою наблюдения, по учению святого Исаака Сирина: яко же на мериле приличествует известити⁴ коемуждо жительство свое (Слово 40).

⁴ Известити – подтвердить, засвидетельствовать. – Ред.

16. О молитве

Истинно решившиеся служить Господу Богу должны упражняться в памяти Божией и непрестанной молитве ко Иисусу Христу, говоря умом: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного; в часы же после обеденные можно говорить сию молитву так: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитвами Богородицы помилуй мя грешного; или же прибегать собственно ко Пресвятой Богородице, моляся: Пресвятая Богородице, спаси нас, или говорить приветствие Ангельское: Богородице Дево, радуйся. Таковым упражнением, при охранении себя от рассеяния и при соблюдении мира совести, можно приблизиться к Богу и соединиться с Ним. Ибо, по словам святого Исаака Сирина, кроме непрестанной молитвы мы приблизиться к Богу не можем (Слово 69).

Образ молитвы весьма хорошо расположил святой Симеон Новый Богослов (см.: Добротолюбие, ч. 1).

Достоинство же оной очень хорошо изобразил святой Златоуст: велие, говорит он, есть оружие молитва, сокровище неоскудно, богатство никогда же иждиваемо⁵, пристанище безволненно, тишины вина и тьмам благих корень, источник и мати есть (Маргарит. Слово 5. О непостижимом⁶).

В церкви на молитве стоять полезно с закрытыми очами во внутреннем внимании; открывать же очи разве тогда, когда уныешь или сон будет отягощать тебя и склонять к дреманию; тогда очи обращать должно на образ и на горящую пред ним свещу.

Если в молитве случится плениться умом в расхищение мыслей, то должно смириться пред Господом Богом и просить прощения, говоря: согреших, Господи, словом, делом, помышлением и всеми моими чувствами.

Почему всегда должно стараться, чтоб не предавать себя рассеянию мыслей, ибо чрез сие уклоняется душа от памяти Божией и любви Его, по действию диавола, как святой Макарий говорит: все супостата нашего тщание сие есть, да мысль нашу от памятования о Боге и страха и любви отвратить (Слово 2, гл. 15).

Когда же ум и сердце будут соединены в молитве и помыслы души не рассеяны, тогда сердце согревается теплотою духовною, в которой воссиявает свет Христов, исполняя мира и радости всего внутреннего человека.

О всем мы должны благодарить Господа и предавать себя Его воле; должны также представлять Ему все свои мысли, слова и деяния и стараться, чтобы все служило только к Его благоугождению.

⁵ Иждивать – расходовать, проживать, истратить. – Ред.

⁶ Свт. Иоанн Златоуст. «Маргарит», слово 5. «О непостижимом, против аномеев». В русском переводе: «Молитва есть оружие великое, сокровище неоскудевающее, богатство неистощимое, пристань безмятежная, основание спокойствия; молитва – корень, источник и мать бесчисленных благ».

17. О слезах

Все святые и мира отрекшиеся иноки всю жизнь свою плакали, в чаянии вечного утешения, по уверению Спасителя мира: блажени плачущии, яко тии утешатся (Мф. 5, 4).

Так и мы должны плакать об оставлении грехов своих. К сему да убедят нас слова порфинозного пророка: ходящий хожду и плакахуся, метаяще семена своя: грядуще же придут радостию, вземлюще рукояти своя (Пс. 125, 6); и слова Исаака Сирина: «Омочи ланиты твои плачем очию твоею, да почиет на тебе Святый Дух и омыет тя от скверны злобы твоея. Умилостиви Господа твоего слезами, да придет к тебе» (Слово 68. Об отречении от мира).

Когда мы плачем в молитве и к слезам примешивается смех, то это – от диавольской хитрости. Трудно постигнуть тайные и тонкие действия врага нашего.

У кого текут слезы умиления, у того сердце озаряется лучами Солнца правды – Христа Бога.

18. О покаянии

Желающему спастися всегда должно иметь сердце, расположенное к покаянию и сокрушенное: жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит (Пс. 50, 19).

В таком сокрушении духа человек с легкостью может безбедно проходить хитрые козни диавола, коего все силы направлены к тому, чтобы возмутить дух человека

и в возмущении посеять свои плевелы, по словеси евангельскому: Господи, не доброе ли семя сеял еси на селе Твоем? откуда убо плевелы? Он же рече: враг человек сие сотвори (Мф. 13, 27–28).

Когда же человек старается иметь сердце смиренное и мысль сохранить в мире, тогда все козни вражии бывают бездейственны, ибо, где мир помыслов, там почивает Сам Бог: в мире, сказано, место Его (Пс. 75, 3).

Начало покаяния зарождается от страха Божия и внимания к себе, как говорит святой мученик Вонифатий: страх Божий есть отец внимания, а внимание – мать внутреннего покоя (см.: Четьи Минеи, 19 декабря). Страх Господень пробуждает спящую совесть, которая делает то, что душа, как в некоей воде чистой и невозмущенной, видит свою некрасоту, и так рождаются начатки и разрастаются корни покаяния.

Мы всю жизнь грехопадениями своими оскорбляем величество Божие, а потому и должны всегда со смирением просить у Господа оставления долгов наших.

Можно ли облагодатствованному человеку по падении восстать чрез покаяние?

Можно, по Псаломнику: превратихся пасти, и Господь прият мя (Пс. 117, 13). Когда святой пророк Нафан обличил Давида в грехе его, то он, покаявшись, тут же получил прощение (см.: 2 Цар. 12, 13).

К сему примером служит и один пустынный, который, пошедши за водой, при источнике пал в грех. Но, возвратившись в келлию, он сознал свое согрешение и паки начал проводить жизнь подвижническую, как прежде. Враг смущал его, представляя ему тяжесть греха, отрицая возможность прощения и стараясь отвлечь его от подвижнической жизни. Но воин Христов устоял на своем пути. О сем случае Бог открыл некоему блаженному отцу и велел брата, падшего в грехе, ублажить за таковую победу над диаволом.

Когда мы искренно каемся во грехах наших и обращаемся ко Господу нашему Иисусу Христу всем сердцем нашим, Он радуется нам, учреждает праздник и созывает на него любезные Ему Силы, показывая им драхму, которую Он обрел паки, то есть царский образ Свой и подобие. Возложив на рамена⁷ заблудшую овцу, Он приводит ее ко Отцу Своему. В жилище всех веселящихся Бог водворяет и душу покаявшегося вместе с теми, которые не отбегали от Него.

Итак, не вознерадим⁸ обращаться к благоутробному Владыке нашему скоро и не предадимся беспечности и отчаянию, ради тяжких и бесчисленных грехов наших. Отчаяние есть совершеннейшая радость диаволу. Оно есть грех к смерти, как гласит Писание (см.: 1 Ин. 5, 16; см. также: Преподобный Антиох. Слово 77). «Аще не предашься унынию и нерадению, – говорит Варсонофий, – то имаши почудитися и прославити Бога, как Он применяет тя от еже небыти во еже быти», то есть из грешника в праведника (Ответ 114).

Покаяние во грехе, между прочим, состоит в том, чтобы не делать его опять.

Как всякой болезни есть врачевание, так и всякому греху есть покаяние.

⁷ Плечи. – Ред.

⁸ Вознерадеть – не стараться, не усердствовать. Не вознерадим – поусердствуем. – Ред.

Итак, несомненно приступай к покаянию – и оно будет ходатайствовать за тебя пред Богом. Непрестанно твори сию молитву преподобного Антиоха:

Дерзая, Владыко, на бездну благоутробия Твоего, приношу Тебе от скверных уст и нечистых устен молитву сию: помяни, яко призвася на мне имя святое Твое и искупил мя еси ценою Крове Твоея, яко запечатлел мя еси обручением Святаго Духа Твоего, и возвел мя еси от глубины беззаконий моих; да не похитит мя враг. Иисусе Христе, заступи мя и буди ми помощник крепкий в брани, яко раб есмь похоти и воюем от нея. Но Ты, Господи, не остави мя на земли повержена во осуждении дел моих: свободи мя, Владыко, лукаваго рабства миродержителя и усвой мя в заповедех Твоих. Путь живота моего, Христе мой, и свет очей моих – лице Твое. Боже, Владыко и Господи, возношения очей моих не даждь ми, и похоть злую отстави от мене; заступи мя рукою Твоею святою. Пожелания и похотствования да не обымут мя, и душе бесстыдней не предаждь мене. Просвети во мне свет лица Твоего, Господи, да не обьимет мене тма, и ходящий в ней да не похитят мя. Не предаждь, Господи, зверем невидимым душу, исповедающуюся Тебе. Не попусти, Господи, уязвиться рабу Твоему от псов чуждих. Приятелище Святаго Духа Твоего быти мя сподоби и дом Христа Твоего, Отче Святыи, созижди мя. Путеводителю заблуждших, путеводствуй мя, да не уклонюся в шуяя. Лице Твое, Господи, видети вожделех. Боже, светом лица Твоего путеводи мя. Источник слез даруй ми, рабу Твоему, и росу Святаго Духа даждь созданию Твоему, да не изсохну, яко смоковница, юже Ты проклял еси: и да будут слезы питием моим, и молитва пищею моею. Обрати, Господи, плач мой в радость мне и приими мя в вечныя Твоя скинии. Да постигнет мя милость Твоя, Господи, и щедроты Твоя да обымут мя, и отпусти вся грехи моя. Ты бо еси Бог истинный, отпускай беззакония. И не попусти, Господи, посрамиться делу рук Твоих по множеству беззаконий моих, но воззови мя, Владыко, Единородным Твоим Сыном, Спасителем нашим. И воздвигни мя во грехах лежащаго, яко Левия мытаря, и оживотвори мя, грехми умерщвленного, яко сына вдовицы. Ты бо един еси воскресение мертвых, и Тебе слава подобает во веки. Аминь (Слово 77).

19. О посте

Пост состоит не в том только, чтобы есть редко, но в том, чтобы есть мало; и не в том, чтобы есть однажды, но в том, чтобы не есть много. Неразумен тот постник, который дожидается определенного часа, а в час трапезы весь предается ненасытному вкушению и телом и умом.

В рассуждении пищи должно наблюдать и то, чтобы не разбирать между снедями вкусными и невкусными. Это дело, свойственное животным, в разумном человеке недостойно похвал. Отказываемся же мы от приятной пищи для того, чтобы усмирить воюющие члены плоти и дать свободу действиям духа.

Истинный пост состоит не в одном изнурении плоти, но и в том, чтобы ту часть хлеба, которую ты сам хотел бы съесть, отдать алчущему. Блажени алчущии... яко тии насытятся (Мф. 5, 6).

Подвигоположник и Спаситель наш Господь Иисус Христос, пред выступлением на подвиг искупления рода человеческого, укрепил Себя продолжительным постом. И все подвижники, начиная работать Господу, вооружали себя постом и не иначе вступали на путь крестный, как в подвиге поста. Самые успехи в подвижничестве измеряли они успехами в посте.

К строгому посту святые люди приступали не вдруг, делаясь постепенно и мало-помалу способными довольствоваться самою скудною пищею. Преподобный Дорофей, приучая ученика своего Досифея к посту, постепенно отнимал от стола его по малой части, так что от четырех фунтов меры его ежедневной пищи низвел наконец до осьми лотов хлеба.

При всем том святые постники, к удивлению других, не знали расслабления, но всегда были бодры, сильны и готовы к делу. Болезни между ними были редки, и жизнь их текла чрезвычайно продолжительно.

В той мере, как плоть постящегося становится тонкою и легкою, духовная жизнь приходит в совершенство и открывает себя чудными явлениями. Тогда дух совершает свои действия как бы в бестелесном теле. Внешние чувства точно закрываются, и ум, отрешась от земли, возносится к небу и всецело погружается в созерцание мира духовного.

Однако ж не всякий сможет наложить на себя строгое правило воздержания во всем или лишить себя всего, что может служить к облегчению немощей. Могий вместити да вместит (Мф. 19, 12).

Пищи употреблять должно каждый день столько, чтобы тело, укрепясь, было другом и помощником душе в совершении добродетели; иначе может быть и то, что при изнеможении тела и душа ослабеет. По пятницам и средам, особенно же в четыре поста, пищу, по примеру отцов, употребляй один раз в день, – и Ангел Господень прилепится к тебе.

20. О хранении сердца

Мы непрестанно должны хранить сердце свое от непристойных помыслов и впечатлений, по слову Приточника: всяцем хранением блюди твое сердце: от сих бо исходища живота (Притч. 4, 23). От бдительного хранения сердца рождается в нем чистота, для которой доступно видение Господа, по уверению вечной Истины: блажени чистии сердцем: яко тии Бога узрят (Мф. 5, 8).

Что есть лучшего в сердце, того мы без надобности не должны обнаруживать; ибо тогда только собранное остается в безопасности от видимых и невидимых врагов, когда оно, как сокровище, хранится во внутренности сердца. Не всем открывай тайны сердца твоего.

21. О хранении познанных истин

Не должно без нужды другому открывать сердца своего; из тысячи можно найти только одного, который бы сохранил твою тайну.

Когда мы сами не сохраняем ее в себе, то как можем надеяться, что может она быть сохранена другим?

С человеком душевным надобно говорить о человеческих вещах; с человеком же, имущим разум духовный, надобно говорить о небесных.

Исполненные духовною мудростию люди рассуждают о духе какого-либо человека по Священному Писанию, смотря – сообразны ли слова его с волею Божиею; и потому делают о нем заключение.

Когда случится быть среди людей в мире, о духовных вещах говорить не должно; особенно когда в них не примечается и желания к слушанию.

Надобно в сем случае следовать учению святого Дионисия Ареопагита (в книге о Небесной Иерархии, гл. 2): «Соделавшись сам божествен Божественных вещей познанием и в тайне ума Святая сокрыв от неосвященного народа, яко единообразная, храни: не бо праведно есть, яко же Писание глаголет, повергнута в свиния умных маргаритов чистое, световидное и драгоценное благоукрашение. Надобно содержать в памяти слово Господне: ни пометайте бисер ваших пред свиниями, да не поперут их ногами своими и вращшеся расторгнут вы (Мф. 7, 6)».

А потому всеми мерами должно стараться скрывать в себе сокровище дарований.

В противном случае потеряешь, и не найдешь. Ибо, по опытному учению святого Исаака Сирина, лучше есть помощь, яже от охранения, паче помощи, яже от дел (Слово 89).

Когда же надобность потребует, или дело дойдет, то откровенно в славу Божию действовать должно по глаголу: Аз прославляю Мя прослаблю (1 Цар. 2, 30), потому что путь уже открылся.

22. О многословии

Одного многословия с теми, которые противных с нами нравов, довольно расстроить внутренность внимательного человека.

Но всего жалостнее то, что от сего может погаснуть тот огонь, который Господь наш Иисус Христос пришел вверещи на землю сердец человеческих, ибо «ничтоже тако устужает огонь, от Святаго Духа вдыхаемый в сердце инока к освящению души, якоже соображение и многословие и собеседование, кроме одного, еже со чады Таин Божиих, еже к возвращению разума Его и приближению» (Преподобный Исаак Сирин. Слово 8).

Особенно же должно хранить себя от обращения с женским полом, ибо, как восковая свеча, хотя и незажженная, но поставленная между зажженными, растаевает, так и сердце инока от собеседования с женским полом не приметно расслабевает, – о чем и святой Исидор Пелусиот говорит так: «Аще (глаголющу Писанию) кия беседы злыя тлят обычаи благи, то беседа с женами, аще и добра будет, обаче сильна есть растлити внутреннего человека тайно помыслы скверными, и чисту сущу телу, пребудет душа осквернена, что бо твердее есть камене; что же воды мягчае; обаче всегдашнее прилежание и естество побеждает; аще убо естество, едва подвижимое, подвизается, и от тоя вещи, юже имать ни во чтоже, страждет и умаляется, то како воля человеческая, яже есть удобь колеблема, от обыкновения долгаго не будет побеждена и превращена» (Письмо 284; см. также: Четьи Минеи, 4 февраля).

А потому для сохранения внутреннего человека надобно удерживать язык от многоглаголания: муж бо мудр безмолвие водит (Притч. 11, 12); и иже хранит свои уста, соблюдает свою душу (Притч. 13, 3); и помнить слова Иова: завет положи очима моима, да не помышлю на девицу (Иов. 31, 1), и слова Господа Иисуса Христа: всяк, иже воззрит на жену ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердца своем (Мф. 5, 28).

Не выслушав прежде другого, отвечать не должно: иже бо отвещает слово прежде слышания, безумие ему есть и поношение (Притч. 18, 13).

23. О распознавании действий сердечных

Когда человек примет что-либо Божественное, то радуется в сердце, а когда диавольское, то входит в смущение.

Сердце христианское, приняв что-либо Божественное, не требует стороннего убеждения в том, что сие от Господа, но самым тем действием убеждается, что восприятие его есть небесное, ибо ощущает в себе плоды духовные: любви, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость, воздержание (Гал. 5, 22).

А диавол хотя бы преобразился и в Ангела света (2 Кор. 11, 14) или представлял мысли самые благовидные, сердце все будет чувствовать какую-то неясность, волнение в мыслях и смятение чувств. Объясняя сие, святой Макарий Египетский говорит: «Хотя бы (сатана) и светлые видения представлял, благого обаче действия подати отнюдь не возможет: чрез что и известный знак его дел бывает» (Слово 4, гл. 13).

Итак, по разнообразным действиям сердечным человек может познать, что есть Божественное и что диавольское, как о сем пишет святой Григорий Синаит: «От действия убо можешь познать возсиявый свет в душе твоей, Божий ли есть или сатанин» (О безмолвии и молитве).

24. О болезнях

Тело есть раб души, а душа – царица, а потому часто милосердием Божиим бывает и то, когда тело изнуряется болезнями: от сего ослабевают страсти, и человек приходит в себя; да и самая болезнь телесная рождается иногда от страстей.

Отними грех, и болезней не будет, ибо они бывают в нас от греха, как сие утверждает святой Василий Великий: «Откуда недуги? откуда повреждения телесные? Господь создал тело, а не недуг; душу, а не грех. Что же паче всего полезно и нужно? Соединение с Богом и общение с Ним посредством любви. Теряя любовь сию, мы отпадаем от Него, а отпадая, подвергаемся различным и многообразным недугам» (О том, что Бог не есть причина зла).

Кто переносит болезнь с терпением и благодарением, тому вменяется она вместо подвига, или даже более.

Один старец, страдавший водяною болезнью, говорил братиям, которые приходили к нему с желанием лечить его: «Отцы, молитесь, чтобы не подвергся подобной болезни мой внутренний человек; а что касается до настоящей болезни, то я прошу Бога о том, чтобы Он не вдруг освободил меня от нее, ибо, поколику внешний наш человек тлеет, потолику внутренний обновляется» (2 Кор. 4, 16).

25. О милостыне

ДОЛЖНО быть милостиву к убогим и странном: о сем много пеклись великие светильники и отцы Церкви.

В отношении к сей добродетели мы должны всеми мерами стараться исполнять следующую заповедь Божию: будите... милосерди, якоже и Отец ваш милосерд есть (Лк. 6, 36), также: милости хошу, а не жертвы (Мф. 9, 13).

Сим спасительным словам мудрые внимают, а неразумные не внимают; оттого и награда будет не одинакова, как сказано: сеющий скудостию, скудостию и пожнут; сеющий же о благословении, о благословении и пожнут (см.: 2 Кор. 9, 6).

Пример Петра Хлебодара, который за кусок хлеба, поданный нищему, получил прощение во всех его грехах, как это было показано ему в видении, да подвигнет нас к тому, чтобы и мы были милостивы к ближним, ибо и малая милостыня много способствует к получению Царства Небесного (см.: Четьи Минеи, 22 сентября).

Творить милостыню мы должны с душевным благорасположением, по учению святого Исаака Сирина: «Аще даси что требующему, да предварит даяние твое веселие лица твоего, и словесы благими утешай скорбь его» (Слово 89).

26. О помыслах и плотских движениях

Мы должны стараться быть свободными от помыслов нечистых, особенно когда приносим молитву Богу. Ибо нет единения между срадом и благовоением.

Для сего нужно отражать первое нападение греховных помыслов и движений и рассеивать их от земли сердца нашего. Пока дети вавилонские, то есть движения и помыслы злые, еще младенцы, должно разбивать и сокрушать их о камень, который есть Христос; особенно же нужно сокрушать следующие три страсти: чревоугодие, сребролюбие и тщеславие, которыми ухищрялся диавол искусить даже Самого Господа нашего Иисуса Христа в конце подвигов Его в пустыне.

Диавол, как лев, скрываясь в ограде своей (см.: Пс. 9, 30), тайно расставляет нам сети нечистых и нечестивых помыслов. Итак, немедленно, как только увидим, надобно расторгать их посредством благочестивого размышления и молитвы.

Требуется подвиг и великая бдительность, чтобы во время псалмопения ум наш согласовался с сердцем и устами, дабы в молитве нашей к фимиаму не примешивалось зловоние. Ибо Господь гнушается сердцем с нечистыми помыслами. Закон говорит: не ореши юнцем и ослятем (Втор. 22, 10), то есть с помыслом чистым и нечистым не приноси молитвы⁹.

Будем подражать Давиду, который говорит: воутрия избивах вся грешныя земли, еже потребити от града Господня вся делающыя беззаконие (Пс. 100, 8). Законом запрещено было нечистому входить в дом Господа. Дом сей – мы, и Иерусалим – внутрь нас. Грешные земли суть кроющиеся в сердце нашем змиевидные помыслы. Будем и мы с ним взывать ко Господу: устрой душу мою от злодейства их (Пс. 34, 17); расточи языки хотящыя бранем (Пс. 67, 31), дабы и нам услышать: в скорби призвал Мя еси, и избавих тя (Пс. 80, 8).

Будем непрестанно, день и ночь, со слезами повергать себя пред лицом благости Божией, да очистит Он сердца наши от всякого злого помышления, чтобы мы достойно могли проходить путь звания нашего и чистыми руками приносить Ему дары служения нашего.

Ежели мы не согласны со влагаемыми от диавола злыми помышлениями, то мы добро творим.

Нечистый дух только на страстных имеет сильное влияние, а к очистившимся от страстей приражается лишь со стороны, или внешне.

Человеку в молодых летах не можно не возмущаться от плотских помыслов. Но должно молиться Господу Богу, да потухнет искра порочных страстей при самом начале. Тогда не усилится пламень.

⁹ Когда помысл нечистый замутил чистоту. – Ред.

27. О бодрствовании противу искушений

Надобно быть по приличию и потребности иногда младенцем, а иногда львом; особенно сим последним тогда, когда противу нас восстают страсти или лукавые духи, потому что несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным (Еф. 6, 12).

Мы всегда должны быть внимательны к нападениям диавола, ибо можем ли надеяться, чтоб он оставил нас без искушения, когда не оставил искушать и Самого Подвигоположника нашего и Начальника веры и Совершителя Господа Иисуса Христа? Сам Господь апостолу Петру сказал: Симоне! Симоне! се, сатана просит вас, дабы сеял, яко пшеницу (Лк. 22, 31).

Итак, мы должны всегда во смирении призывать Господа и молить, да не попустит в нас быти искушению выше силы нашей, но да избавит нас от лукавого.

Ибо когда Господь оставит человека самому себе, тогда диавол готов стереть его, яко мельничный жернов пшеничное зерно.

28. О терпении и смирении

Надобно всегда терпеть и все, что бы ни случилось, Бога ради, с благодарностию.

Наша жизнь – одна минута в сравнении с вечностию; и потому недостойны, по апостолу, страсти нынешняго времени к хотящей славе явиться в нас (Рим. 8, 18).

В молчании переноси, когда оскорбляет тебя враг, и Единому Господу открывай тогда свое сердце.

Кто уничижает или отнимает твою честь, всеми мерами старайся простить ему, по слову Евангелия: от взимающего твоя, не истязуй (Лк. 6, 30).

Когда люди поносят нас, то мы должны считать себя недостойными похвалы, представляя, что ежели бы мы были достойны, то все кланялись бы нам.

Мы всегда и пред всеми должны уничижать себя, следуя учению святого Исаака Сирина: «Уничижи себе, и узриши славу Божию в себе» (Слово 57).

Итак, возлюбим смирение, узрим славу Божию: «И идеже бо истекает смирение, тамо слава Божия источается» (Там же).

Не сущу свету, вся мрачна: так и без смирения ничего нет в человеке, как только одна тьма.

Как воск, не разогретый и не размягченный, не может принять налагаемой на него печати, так и душа, не искушенная трудами и немощами, не может принять на себя печати добродетели Божией. Когда диавол оставил Господа, тогда приступили Ангелы и служили Ему (см.: Мф. 4, 11): так, если во время искушений несколько отходят от нас Ангелы Божии, то не далеко, и скоро приступают и служат нам Божественными помышлениями, умилением, услаждением, терпением. Душа, потрудившись, стяжывает и прочие совершенства. Почему святой преподобный Исаия говорит: терпящий Господа изменят крепость, окрыlateют, аки орли, потекут – и не утрулятся, пойдут – и не взалчут (Ис. 40, 31).

Так терпел и кротчайший Давид, ибо, когда Семей поносил его и метал на него камни, говоря: изыди, мужу... беззаконный, – он не сердился; и когда Авесса, вознегодовав на сие, сказал ему: почто проклинает пес умерший сей господина моего царя? – он запретил ему, говоря: оставите его, и тако да проклинает мя, ибо Господь увидит и воздаст мне благое (см.: 2 Цар. 16, 7–12). Почему после и воспел: терпя потерпех Господа, и внят ми и услыша молитву мою (Пс. 39, 2).

Сосуды скудельничи искушает пещь, и искушение человеческо в помышлении его (Сир. 27, 5). Но горе вам погубльшим терпение: и что сотворите, егда посетит Господь? (Сир. 2, 14).

Как чадолюбивый отец, когда видит, что сын его живет беспорядочно, наказывает его, а когда увидит, что он малодушен и наказание сносит с трудом, тогда утешает: так поступает с нами и благий Господь и Отец наш, употребляя все для нашей пользы, как утешения, так и наказания, по Своему человеколюбию. И потому мы, находясь в скорбях, как дети благопокорливые, должны благодарить Бога. Ибо если станем благодарить Его только в благополучии, то подобны будем неблагодарным иудеям, которые, насытившись чудной трапезы в пустыне, говорили, что Христос воистину есть Пророк, хотели взять Его и сделать царем; а когда Он сказал им: делайте не брашно гиблющее, но брашно пребывающее в живот вечный (Ин. 6, 27), тогда говорили Ему: кое убо Ты твориши знамение?... Отцы наши ядоша манну в пустыни (Ин. 6, 30, 31). Прямо на таких падает слово: исповестся Тебе, егда благосотвориши ему, – и такой даже до века не узрит света (Пс. 48, 19, 20).

Посему апостол Иаков учит нас: всяку радость имейте, братие моя, егда во искушения впадаете различна, ведяще, яко искушение ваша веры соделовает терпение: терпение же дело совершенно да имать, и прибавляет: блажен муж, иже претерпит искушение: зане искусен быв примет венец жизни (Иак. 1, 2–4, 12).

29. О должностях и любви к ближним

С ближними надобно обходиться ласково, не делая даже и видом оскорбления.

Когда мы отвращаемся от человека или оскорбляем его, тогда на сердце нашем как бы камень ложится.

Дух смущенного или унывающего человека надобно стараться ободрить словом любви.

Брату грешащу, покрой его, как советует святой Исаак Сирий: «Простри ризу твою над согрешающим и покрой его» (Слово 89).

Все мы требуем милости Божией, как Церковь поет: аще не Господь бы был в нас, кто доволен цел сохранен быти от врага, купно и человекоубийцы?

Мы, в отношении к ближним, должны быть, как словом, так и мыслию, чисты и ко всем равны; иначе жизнь нашу сделаем бесполезною.

Мы должны любить ближнего не менее, как самих себя, по заповеди Господней: возлюбиши ближняго твоего, яко сам себе (Лк. 10, 27). Но не так, чтоб любовь к ближним, выходя из границ умеренности, отвлекала нас от исполнения первой и главной заповеди, то есть любви Божией, как о сем поучает Господь наш Иисус Христос: иже любит отца, или мать паче Мене, несть Мене достоин: и иже любит сына или дочь паче Мене, несть Мене достоин (Мф. 10, 37). О сем предмете весьма хорошо рассуждает святитель Димитрий Ростовский: «Там видна неправдивая к Богу в христианском человеке любовь, где тварь с Творцом сравнивается; а там видна правдивая любовь, где один Создатель паче всего создания любит и предпочитается».

30. О неосуждении ближнего и о прощении обид

Не должно судить никого, хотя бы собственными очами видел кого согрешающим или коснеющим в преступлении заповедей Божиих, по слову Божию: не судите, да не судими будете (Мф. 7, 1); ты кто еси судяй чуждему рабу? Своему Господеви стоит или падает. Станет же, силен бо есть Бог поставить его (Рим. 14, 4).

Гораздо лучше всегда приводить себе на память сии апостольские слова: мняйся стояти да блюдется, да не падет (1 Кор. 10, 12). Ибо не известно, сколько времени мы можем пребывать в добродетели, как говорит Пророк, опытом сие дознавший: рех во обилии моем: не подвижуся во век... Отвратил же еси лице Твое, и бых смущен (Пс. 29, 7, 8).

За обиду, какова бы она ни была, не должно отмщать, но, напротив, прощать обидчика от сердца, хотя бы оно и противилось сему, и склонять его убеждением слова Божия: аще ли не отпускаете человеком согрешения их, ни Отец ваш Небесный отпустит вам согрешений ваших (Мф. 6, 15); молитесь за творящих вам напасть (Мф. 5, 44).

Не должно питать в сердце злобы или ненависти к ближнему – враждующему, но должно любить его и, сколько можно, творить ему добро, следуя учению Господа нашего Иисуса Христа: любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас (Мф. 5, 44).

Итак, если мы будем, сколько есть сил, стараться все сие исполнять, то можем надеяться, что в сердцах наших воссияет свет Божественный, озаряющий нам путь к горнему Иерусалиму.

Поревнуем возлюбленным Божиим: поревнуем кротости Давида, о котором преблагий и любоблагий Господь сказал: нашел Я мужа по сердцу Моему... который исполнит все хотения Мои (Деян. 13, 22). Так Он говорит о Давиде незлопамятном и добром ко врагам своим. И мы не будем делать ничего в отмщение брату нашему, дабы, как говорит преподобный Антиох, не было остановки во время молитвы. Закон велит заботиться об осле врага (см.: Исх. 23, 5). Об Иове свидетельствовал Бог как о человеке незлобивом (см.: Иов. 2, 3); Иосиф не мстил братьям, которые умыслили на него зло; Авель в простоте и без подозрения пошел с братом своим Каином. По свидетельству слова Божия, святые все жили в незлобии. Иеремия, беседа с Богом (см.: Иер. 18, 20), говорит о гнавшем его Израиле: еда воздаются злая за благая? Помяни стоящего мя пред Тобою, еже глаголати за них благая (Преподобный Антиох. Слово 52).

Бог заповедал нам вражду только против змия, то есть против того, кто изначально обольстил человека и изгнал из рая, – против человекоубийцы диавола. Повелено нам враждовать и против мадианитян, то есть против нечистых духов блуда и студодеяния¹⁰, которые сеют в сердце нечистые и скверные помыслы.

Предел добродетели и мудрости есть бесхитростное действование с разумом.

Отчего мы осуждаем братии своих? Оттого, что не стараемся познать самих себя. Кто занят познанием самого себя, тому некогда замечать за другими. Осуждай себя, и перестанешь осуждать других.

Осуждай дурное дело, а самого делающего не осуждай.

Самих себя должно нам считать грешнейшими всех и всякое дурное дело прощать ближнему, а ненавидеть только диавола, который прельстил его. Случается же, что нам кажется, другой делает худо, а в самом деле, по благому намерению делающего, это хорошо. Притом дверь покаяния всем отверста, и неизвестно, кто прежде войдет в нее – ты ли, осуждающий, или осуждаемый тобою.

Если осуждаешь ближнего, учит преподобный Антиох, то вместе с ним и ты осуждаешься в том же, в чем его осуждаешь. Судить или осуждать не нам надлежит, но единому Богу и Великому Судии, ведущему сердца наши и сокровенные страсти естества (Слово 49).

¹⁰ Постыдное, срамное дело. – Ред.

Итак, возлюбленные, не будем наблюдать за чужими грехами и осуждать других, чтобы не слышать: сынове человечестии, зубы их оружия и стрелы, и язык их мечь остр (Пс. 56, 5). Ибо, когда Господь оставит человека самому себе, тогда диавол готов стереть его, яко мельничный жернов зерно пшенично.

* * *

Многие, приходя к отцу Серафиму, жаловались, что они мало молятся Богу, даже оставляют необходимые дневные молитвы. Иные говорили, что делают это по безграмотству, другие – по недосугу. Отец Серафим завещавал таким людям следующее молитвенное правило.

«Вставши от сна, всякий христианин, став пред святыми иконами, пусть прочитает молитву Господню: Отче наш – трижды, в честь Пресвятой Троицы, потом песнь Богородице: Богородице Дево, радуйся – также трижды, и, наконец, Символ веры: Верую во Единого Бога – единожды.

Совершив это правило, всякий христианин пусть занимается своим делом, на которое поставлен или призван. Во время же работы дома или на пути куда-нибудь пусть читает тихо: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного или грешную; а если окружают его другие, то, занимаясь делом, пусть говорит умом только это: Господи, помилуй, и продолжает до обеда.

Пред самым же обедом пусть совершает вышепоказанное утреннее правило. После обеда, исполняя свое дело, всякий христианин пусть читает также тихо: Пресвятая Богородице, спаси мя грешного, и это пусть продолжает до самого сна.

Когда случится ему проводить время в уединении, то пусть читает он: Господи Иисусе Христе, Богородицею помилуй мя грешного или грешную.

Отходя же ко сну, всякий христианин пусть опять прочитывает вышесказанное утреннее правило, то есть трижды Отче наш, трижды Богородице и однажды Символ веры. После того пусть засыпает, оградив себя крестным знамением».

31. Против излишней попечительности

Излишнее попечение о вещах житейских свойственно человеку неверующему и малодушному. И горе нам, если мы, заботясь сами о себе, не утверждаемся надеждою нашею в Боге, пекущемся о нас! Если видимых благ, которыми в настоящем веке пользуемся, не относим к Нему, то как можем ожидать от Него тех благ, которые обещаны в будущем? Не будем такими маловерными, а лучше будем искать прежде Царствия Божия, и сия вся приложатся нам (Мф. 6, 33), по слову Спасителя.

Лучше для нас презирать то, что не наше, то есть временное и преходящее, и желать нашего, то есть нетления и бессмертия. Ибо, когда будем нетленны и бессмертны, тогда удостоимся видимого богосозерцания, подобно апостолам при Божественнейшем преображении, и приобщимся превыше умного единения с Богом, подобно небесным умам.

Ибо будем подобны Ангелам, и сынами Божиими, воскресения сынове суще (Лк. 20, 36).

Есть недуг, говорит Екклезиаст, егоже видех под солнцем, богатство хранимо от стяжателя в зло ему: и погибнет богатство оно в попечении лукавие: еси дние его во тме, и плачи, и в ярости мнозе, и в недуге, и в гневе (Еккл. 5, 12, 16).

32. О печали

Когда злой дух печали овладеет душою, тогда, наполнив ее горестию и неприятностию, не дает ей совершать молитву с должным усердием, мешает заниматься чтением Писаний с надлежащим вниманием, лишает ее кротости и благодушия в обращении с братьями и рождает отвращение от всякого собеседования. Ибо душа, исполненная печали, делаясь как бы безумною и исступленною, не может спокойно ни принимать благого совета, ни кротко отвечать на предлагаемые вопросы. Она убегает людей, как бы виновников ее смущения, не понимая, что причина болезни внутри нее. Печаль есть червь сердца, грызущий рождающую его мать.

Печальный монах не движет ума к созерцанию и никогда не может совершать чистой молитвы.

Кто победил страсти, тот победил и печаль. А побежденный страстями не избежит оков печали. Как больной виден по цвету лица, так обладаемый страстию обличается от печали.

Кто любит мир, тому невозможно не печалиться, а презревший мир всегда весел.

Как огонь очищает золото, так печаль по Бозе очищает греховное сердце (Преподобный Антиох. Слово 25).

33. Об отчаянии

Отчаяние, по учению святого Иоанна Лествичника, рождается или от сознания множества грехов, отягчения совести и несносной печали, когда душа, множеством язв покрытая, от невыносимой их боли погружается во глубину отчаяния, или от гордости и надмения, когда кто почитает себя не заслуживающим того греха, в который впал. Первого рода отчаяние влечет человека во все пороки без разбора, а при отчаянии второго рода человек держится еще своего подвига, что, по словам Иоанна Лествичника, и несовместно (непонятно) разуму. Первое врачуетсЯ воздержанием и благою надеждою, а второе – смирением и неосуждением ближнего (Лествица. Степень 26).

Господь печется о нашем спасении. Но человекоубийца диавол старается привести человека в отчаяние.

Душа высокая и твердая не отчаивается при несчастьях, каковы бы они ни были. Иуда предатель был малодушен и не искусен в брани, и потому враг, видя его отчаяние, напал на него и обольстил его удавиться; но Петр – твердый камень, когда впал в грех, как искусный в брани, не отчаялся и не потерял духа, но пролил горькие слезы от горячего сердца, и враг, увидя их, как огнем палимый в глаза, далеко убежал от него с болезненным воплем.

Итак, братия, учит преподобный Антиох, когда отчаяние будет нападать на нас, не покоримся ему, но, укрепляясь и ограждаясь светом веры, с великим мужеством скажем лукавому духу: «Что нам и тебе, отчужденный от Бога, беглец с небес и раб лукавый? Ты не смеешь сделать нам ничего. Христос, Сын Божий, власть имеет и над нами, и над всем. Ему согрешили мы, Ему и оправдаемся. А ты, пагубный, удались от нас. Укрепляемые честным Его крестом, мы попираем твою змииную главу» (Слово 27). И с умилением будем молиться ко Господу: Владыко Господи небесе и земли, Царю веков! благоволи отверсти мне дверь покаяния, ибо я в болезни сердца молю Тебя, истинного Бога, Отца Господа нашего Иисуса Христа, Света миру, призри многим Твоим благоутробием и приими моление мое; не отврати его, но прости мне, впадшему во многие прегрешения. Приклони ухо Твое к молению моему, и прости мне все злое, которое соделал я, побежденный моим произволением. Ибо ищу покоя, и не обретаю, потому что совесть моя не прощает меня. Жду мира, и нет во мне мира, по причине глубокого множества беззаконий моих. Услыши, Господи, сердце, вопиющее к Тебе, не посмотри на мои злые дела, но призри на болезнь души моей и поспеши уврачевать меня, жестоко уязвленного. Дай мне время покаяния ради благодати человеколюбия Твоего и избавь меня от бесчестных дел, и не возмешь мне по правде Твоей и не воздай мне достойное по делам моим, чтобы мне не погибнуть совершенно. Услыши, Господи, меня, в отчаянии находящегося. Ибо я, лишенный всякой готовности и всякой мысли ко исправлению себя, припадаю к щедротам Твоим: помилуй меня, поверженного на землю и осужденного за грехи мои. Воззови меня, Владыко, плененного и содержимого моими злыми деяниями и как бы цепями связанного. Ибо Ты един ведаешь разрешать узников, врачевать раны, никому не известные, которые знаешь только Ты, ведущий сокровенное. И потому во всех моих злых болезнях призываю только Тебя – Врача всех страждущих, Дверь рыдающих вне, Путь заблудившихся, свет омраченных, Искупителя заключенных, всегда сокращающего десницу Свою и удерживающего гнев Свой, уготованный на грешников, но ради великого человеколюбия, дающего время покаянию. Воссияй мне свет лица Твоего, Владыко, тяжко падшему, скорый в милости и медленный в наказании. И Твоим благоутробием прости мне руку и восставь меня из рова беззаконий моих. Ибо Ты един Бог наш, не веселящийся о гибели грешников и не отвращающий лица Своего от молящегося к Тебе со слезами. Услыши, Господи, глас раба Твоего, вопиющего к Тебе, и яви свет Твой на мне, лишенном света, и даруй мне благодать, чтобы я, не имеющий никакой надежды, всегда надеялся на помощь и силу Твою. Обрати, Господи, плач мой в радость мне, расторгни вре-

тище и препояшь меня веселием. И благоволи, да успокоюсь от вечерних дел моих, и да получу успокоение утреннее, как избранные Твои, Господи, от которых отбежала болезнь, печаль и воздыхание, и да отверзется мне дверь Царствия Твоего, дабы, вошедши с наслаждающимися светом лица Твоего, Господи, получить мне жизнь вечную во Христе Иисусе Господе нашем. Аминь.

34. О причинах пришествия в мир Иисуса Христа

Причины пришествия в мир Иисуса Христа, Сына Божия суть:

1. Любовь Божия к роду человеческому: тако бо возлюбил Бог мир, яко и Сына Своего Единородного дал есть (Ин. 3, 16).

1. Восстановление в падшем человеке образа и подобия Божия, как о сем воспевает Святая Церковь (1-й канон на Рождество Господне, песнь 1-я): истлевша преступлением, по образу Божию бывшего, всего тления суща, лучшия отпадша Божественныя жизни, паки обновляет мудрый Содетель.

2. Спасение душ человеческих: не посла бо Бог Сына Своего в мир, да судит мирови, но да спасется Им мир (Ин. 3, 17).

Итак, мы, следуя цели Искупителя нашего Господа Иисуса Христа, должны жизнь свою препровождать согласно Его Божественному учению, дабы чрез сие получить спасение душам нашим.

35. О таинстве Святой Троицы

Чтоб воззреть к Святейшей Троице, надобно просить о сем учивших о Троице – Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого, которых ходатайство может привлечь на человека благословение Святейшей Троицы; а самому прямо взирать надобно остерегаться.

36. О жизни деятельной и умосозерцательной

Человек состоит из души и тела, а потому и путь жизни его должен состоять из действий телесных и душевных – из деяния и умосозерцания.

Путь деятельной жизни составляют: пост, воздержание, бдение, коленопреклонение, молитва и прочие телесные подвиги, составляющие тесный путь и прискорбный, который, по слову Божию, вводит в живот вечный (см.: Мф. 7, 14).

Путь умосозерцательной жизни состоит в возвышении ума ко Господу Богу, в сердечном внимании, умной молитве и созерцании чрез таковые упражнения вещей духовных.

Всякому, желающему проходить жизнь духовную, должно начинать от деятельной жизни, а потом уже приходить и в умосозерцательную, ибо без деятельной жизни в умосозерцательную прийти невозможно.

Деятельная жизнь служит ко очищению нас от греховных страстей и возводит нас на степень деятельного совершенства, а тем самым пролагает нам путь к умосозерцательной жизни. Ибо одни токмо очистившиеся от страстей и совершенные к оной жизни приступать могут, как сие видеть можно из слов Священного Писания: блажени чистии сердцем: яко тии Бога узрят (Мф. 5, 8), и из слов святого Григория Богослова: к созерцанию могут безопасно приступать только совершеннейшие по своей опытности (Слово на Святую Пасху).

Так и Церковь, ублажая святителя Николая, воспевает: молчаньми прежде и бореньми с помыслы, деянию богомыслие приложил еси, богомыслием же разум совершен стяжал еси, имже дерзновенно с Богом и Ангелы беседовал еси (акафист святителю Николаю, кондак 10).

К умосозерцательной жизни приступать должно со страхом и трепетом, с сокрушением сердца и смирением, со многим испытанием Святых Писаний и, если можно найти, под руководством какого-либо искусного старца, а не с дерзостию и самочинием. «Дерзый бо и презорливый, – по словам Григория Синаита, – паче достоинства своего взыскав, с кичением понуждается до того прежде времени dospети. И паки: аще мечтает кто мнением высокая достигнути, желание сатанино, а не истину стяжав, – сего диавол своими мрежами удобь уловляет, яко своего слугу» (О прелести и о иных многих предложениях).

Если же можно найти наставника, могущего руководствовать к умосозерцательной жизни, то в таком случае должно руководствоваться Священным Писанием, ибо Сам Господь повелевает нам учиться от Священного Писания, глаголя: испытайте Писаний, яко вы мните в них имети живот вечный (Ин. 5, 39).

Также должно тщательно прочитывать отеческие писания и стараться, сколько можно, по сим исполнять то, чему научают оные, и таким образом, мало-помалу, от деятельной жизни восходить к совершенству умосозерцательной.

Ибо, по словам святого Григория Богослова, самое лучшее дело, когда мы каждый сам собою достигаем совершенства и приносим призывающему нас Богу жертву живую, святую и всегда и во всем освящаемую (Слово на Святую Пасху).

Не должно оставлять деятельную жизнь и тогда, когда бы в ней человек имел преспеяние и пришел бы уже в умосозерцательную, ибо она содействует умосозерцательной жизни и ее возвышает.

Проходя путь внутренней и умосозерцательной жизни, не должно ослабевать и оставлять оного потому, что люди, прилепившиеся ко внешности и чувственности, поражают нас противностию своих мнений в самое чувство сердечное и всячески стараются отвлечь нас от прохождения внутреннего пути, поставляя нам на оном различные препятствия, ибо, по мнению учителей церковных, умосозерцание вещей духовных предпочитается познанию вещей чувственных (Блаженный Феодорит. Толкование на Песнь песней).

А потому никакими противностями в прохождении сего пути колебаться не должно, утверждаясь в сем случае на слове Божию: страха же их не убоимся, ниже смутимся, яко с нами Бог. Господа Бога нашего освятим в сердечной памяти Его Божественного имени, и Той будет нам в страх (Ис. 8, 12, 13).

37. О должности подчиненных к начальникам

Не должно входить в дела начальнические и судить оные; сим оскорбляется величество Божие, от Коего власти поставляются, ибо несть власть, аще не от Бога; сущия же власти от Бога учинены суть (Рим. 13, 1).

Не должно противиться власти во благое, чтоб не согрешить пред Богом и не подвергнуться Его праведному наказанию: противляйся власти Божью повелению противляется; противляющийся же себе грех приемлют (Рим. 13, 2).

Должно быть у начальника в повиновении, ибо послушливый чрез сие много к созиданию души преуспевает, кроме того что он приобретает чрез сие понятие в вещах и приходит в умиление.

38. Каков должен быть настоятель

Настоятель должен быть совершен во всякой добродетели и душевные свои чувства иметь обучена долгим учением в рассуждении добра и зла (см.: Евр. 5, 14).

Настоятель должен быть искусен в Священном Писании: он день и ночь должен поучаться в законе Господнем; чрез таковые упражнения может он снискать себе дар рассуждения добра и зла.

Истинное познание добра и зла только можно иметь тогда, когда подвижник благочестия придет в сочувствие будущего осуждения и предвкушение вечного блаженства, что совершается в душе благочестивой еще в здешней земной жизни, таинственным и духовным образом.

Прежде рассуждения добра и зла человек не способен пасти словесных овец, но разве бессловесных, потому что без познания добра и зла мы действий лукавого постигать не можем.

А потому настоятель, яко пастырь словесных овец, и должен иметь дар рассуждения, дабы во всяком случае мог давать полезные советы каждому требующему его наставления, ибо, как говорит Петр Дамаскин, несть всякий человек верен дати совет ищущим; но кто от Бога прием дар рассуждения и от многого пребывания в подвижничестве стяжа ум презрителен (Добротолюбие, ч. 3. Петра Дамаскина книга 1-я. О назидании души добродетельми).

Настоятелю должно также иметь дар проницательности, дабы из соображения вещей настоящих и прошедших мог он предусматривать и будущие, и проразумевать козни вражие.

Отличительным характером настоятеля должна быть любовь его к своим подчиненным: истинного бо пастыря, по словам Иоанна Лествичника, показывает любовь его к своему стаду. Ибо любовь принудила распяться на Кресте Верховного Пастыря (В книге к Пастырю, гл. 5).

39. Наставление настоятелю, как управлять братиею

Некоторый настоятель, быв по случаю в Саровской пустыни, при встрече с отцом Серафимом просил у него совета, как управлять братиею. Отец Серафим дал ему следующее наставление: всякий настоятель да сделается и пребудет всегда в отношении к подчиненным благо-разумною матерью.

Чадолубивая мать не в свое угождение живет, но в угождение детей. Немощи немощных чад сносит с любовью, в нечистоту впадших очищает, оmyвает тихо-мирно, облачает в ризы белые и новые, обувает, согревает, питает, промышляет, утешает и со всех сторон старается дух их покоить так, чтоб никогда не слышать ей малейшего их вопля, и таковые чада бывают благорасположены к матери своей. Так всякий настоятель должен жить не в свое угождение, но в угождение подчиненных, – должен к слабостям их быть снисходителен, немощи немощных несть с любовью, болезни греховные врачевать пластырем милосердия, падших преступлениями подымать с кротостию, замаравшихся скверною какого-либо порока очищать тихо и оmyвать их возложением на них поста и молитв сверх определенных обще для всех, одевать учением и примерною жизнью своею в одежды добродетелей, непрестанно бдеть о них, всеми способами утешать их и со всех сторон ограждать мир их и покой так, чтобы никогда не было слышано ни малейшего их вопля, ниже ропота; и тогда они с ревностию будут стремиться, чтобы доставить мир и покой настоятелю.

40. Наставление новонаначальному иноку

По совету ли, или по власти других, или каким бы то ни было образом пришел ты в сию обитель, не унывай: посещение Божие есть. Аще соблюдеши, яже тебе скажу, спасеши сам и присныя твои, о которых заботишься: не видех, глаголет Пророк, праведника оставлена, ниже семени его (Пс. 36, 25). Живя же в сей обители сие соблюдай: стоя в церкви, внимай всему без упущения, узнай весь церковный порядок, то есть вечерню, повечерие, полунощницу, утреню, часы, выучись содержать в разуме.

Если находишься в келлии, не имея рукоделия, всячески прилежи чтению, а наипаче Псалтири; старайся каждую статью прочитывать многократно, дабы содержать все в разуме. Если есть рукоделие, занимайся оным; если зовут на послушание, иди на оное. За рукоделием или будучи где-либо на послушании, твори беспрестанно молитву: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго. В молитве внемли себе, то есть ум собери и соедини с душою. Сначала день, два и множае твори молитву сию одним умом, отдельно, внимая каждому особо слову. Потом, когда Господь согреет сердце твое теплотою благодати Своей и соединит в тебе оную в един дух, тогда да потечет в тебе молитва оная беспрестанно, и всегда будет с тобою, наслаждая и питая тебя. Сие-то самое есть реченное пророком Исаиею: роса бо, яже от Тебе, исцеление им есть (Ис. 26, 19). Когда же будешь содержать в себе сию пищу душевную, то есть беседу с Самим Господом, то зачем ходить по келлиям братии, хотя кем и будешь призываем? Истинно скажу тебе, что празднословие сие есть и празднолюбие. Аще себя не понимаешь, то можешь ли рассуждать о чем и других учить? Молчи, беспрестанно молчи, помни всегда присутствие Божие и имя Его. Ни с кем не вступай в разговор, но всячески блюдись осуждать много разговаривающих или смеющихся. Будь в сем случае глух и нем; что бы о тебе ни говорили, пропускай все мимо ушей. В пример себе взять можешь Стефана Нового, которого молитва была непрестанна, нрав кроток, уста молчаливы, сердце смиренно, дух умилен, тело с душою чисто, девство непорочно, нищета истинная и нестяжание пустынно-ническое; послушание его было безропотно, повиновение тщательное, делание терпеливо и труд усерден (см.: Четьи Минеи, 28 ноября).

Сидя за трапезой, не смотри и не осуждай, кто сколько ест, но внимай себе, питая душу молитвою. За обедом ешь довольно, за ужином повоздержись. В среду и пяток, аще можешь, вкушай пооднажды. Каждый день непременно в нощи спи четыре часа: 10-й, 11-й и 12-й и час за полунощ; аще изнеможешь, можно вдобавок днем спать. Сие держи несомненно до кончины жизни, ибо оно нужно для успокоения головы твоей. И я с молодых лет держал таковой путь. Мы и Господа Бога всегда просим о упокоении себя в ночное время. Аще тако будешь хранить себя, то не будешь уныл, но здоров и весел.

Скажу тебе истинно, аще тако будешь вести себя, то неисходно пребудешь в обители до скончания твоего. Смиряться, и Господь поможет тебе, и изведет яко свет правду твою и судьбу твою яко полудне (Пс. 36, 6), и просветится свет твой пред человеки (см.: Мф. 5, 16).

41. Ответ одному брату, требовавшему наставления к прохождению пустынной жизни

Один инок, когда намерен был удалиться в пустыню, пришел к отцу Серафиму, в пустыне живущему, спросил его: как, отче, другие говорят, что удаление из общежития в пустыню есть фарисейство и что таким применением делается пренебрежение братии или еще осуждение оной? Отец Серафим на сие отвечал: не наше дело судить других, и удаляемся мы из числа братства не из ненависти к ним, а для того более, что мы приняли и носим на себе чин ангельский, которому не вместительно быть там, где словом и делом прогневаются Господь Бог. И потому мы, отлучаясь от братства, удаляемся только от слышания и видения того, что противно заповедям Божиим, что во множестве братии случается. Мы бегаем не людей, которые с нами одного естества и носят одно и то же имя Христово; но пороков, ими творимых, как и Великому Арсению сказано было: бегай людей, и спасешия (см.: Четьи Минеи, 8 мая).

Одному иноку благословлено было от настоятеля начать пустынножизнь, и настоятель сам писал к о. Серафиму, чтоб принял того инок и наказал бы его в духовной жизни так, как сам себя. С каковым писанием инок оный когда пришел к отцу Серафиму, то он принял его весьма ласково и не так далеко от своей келлии благословил построить ему другую. Когда же инок оный начал требовать у него наставления, то он ему от глубочайшего смирения сказал, что я-де и сам ничего не знаю, и напомнил ему слова Спасителя: научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим (Мф. 11, 29); потом при-
сокупил: по разуму святого Иоанна Лествичника не от Ангела или человека, но от Самого Господа мы должны научиться.

Приложение. Из летописи Серафимо-Дивеевского монастыря

Источниками для составления летописи Серафимо-Дивеевского монастыря послужили рукописи, записки, документы и печатные материалы из монастырского архива. Они опубликованы в книге «Да будет воля Твоя». Житие и труды священномученика Серафима (Чичагова). – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2003.

Из летописи Серафимо-Дивеевского монастыря

Нижегородской губернии Ардатовского уезда с жизнеописанием основателей ее: преподобного Серафима и схимонахини Александры, урожд. А. С. Мельгуновой. Составил священномученик Серафим (Чичагов)

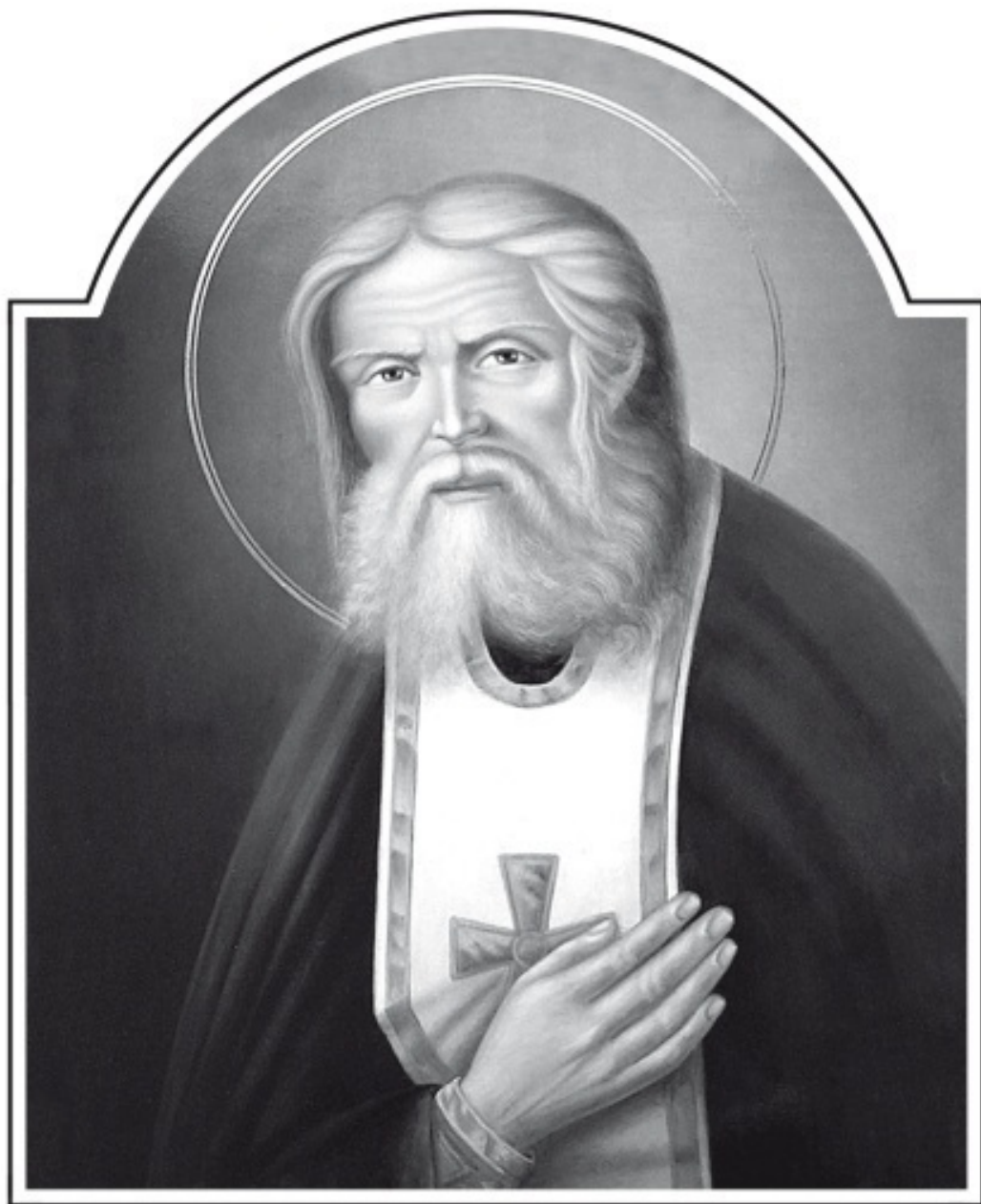
Многие причины препятствовали до сих пор напечатанию летописи Серафимо-Дивеевского монастыря, отличающегося от других обителей редкой по интересу историей своего основания и развития; в особенности препятствовали события, происшедшие после смерти блаженного старца, о. Серафима Саровского. В продолжение двадцати восьми лет обитель о. Серафима беспрерывно страдала и терпела потрясения вследствие вмешательства в судьбу монастыря постороннего лица, и затем в 1861 году возгорелась особая, нигде не бывавшая еще смута, потребовавшая чрезвычайного следствия, по окончании которого, естественно, благоговеющие сироты Серафимовы заботились лишь о водворении порядка, благочиния и о приобретении духовного покоя, а не об обнаружении правдивой истории монастыря. Наконец, необходимо было дожидаться напечатания исторических документов, воспоминаний и показаний некоторых современников и решителей судеб Серафимо-Дивеевского монастыря, чтобы летопись имела характер повествования, основанного на неопровержимых исторических фактах.

Ныне изданы письма, мнения и резолюции в Бозе почившего митрополита Филарета Московского, который по воле Провидения положил предел страданиям дивной Серафимовой обители, и теперь летописцы ее могут основывать события 1861 года на мудрых и безошибочных решениях благодатного святителя Русской земли.

Серафимо-Дивеевский монастырь есть необыкновенная обитель как вследствие своего основания, так и духовного роста. Первоосновательницей надо считать великую рабу Божию, схимонахиню Александру, в миру – Агафью Семеновну Мельгунову, которая учредила общину не по своей воле, но по воле и указанию Самой Царицы Небесной, на местности, взятой Богородицей Себе в четвертый удел на земле. Блаженный старец о. Серафим засвидетельствовал эту истину тысячам [людей], и потому Дивеево во многих печатных брошюрах и воспоминаниях современников называется «четвертым жребием Божией Матери на земле».

По кончине Мельгуновой обитель была возрождена о. Серафимом и рядом со старой общиной еще учреждена другая – новая, под названием «девической». Царица Небесная Сама назвалась Верховной Игуменьей Дивеевской обители, передала о. Серафиму на словах правила и устав монастыря, и блаженный старец, как высказал старшим сестрам и духовнику перед своей кончиной и говорил многим при жизни, не переставлял в Дивееве ни одного камня по своей воле. Предсказания о. Серафима о будущем Дивеевской обители свидетельствуют, что она может быть сравнима только с Киево-Печерской Лаврой, которая есть третий удел Богоматери на земле. Много уже сбылось из предсказаний великого старца, и монашествующие твердо верят, что обитель, по словам о. Серафима, будет впоследствии единственной женской Лаврой в мире.

Акафист и молитвы преподобному Серафиму, Саровскому чудотворцу

Кондак 1

Избранный чудотворче и предивный угодниче Христо в, скорый помощниче и молитвенниче наш, преподобне отче Серафиме! Величающе прославльшаго тя Господа, воспеваем ти похвальная. Ты же, яко имеяй велие дерзновение ко Господу, от всяких нас бед свободи зовущих:

Радуйся, преподобне Серафиме, Саровский чудотворче.

Икос 1

Ангелов Творец избра ты изначала, да прославиши житием твоим пречудное имя Святыя Троицы: явился бо еси воистину Ангел на земли и во плоти Серафим: яко луч пресветлый вечнаго Солнца правды, просветися житие твое. Мы же, зряще прехвальныя труды твоя, с благоговением и радостию глаголем ти сиевая:

Радуйся, правило веры и благочестия;

Радуйся, образе кротости и смирения.

Радуйся, преславное верных величание;

Радуйся, претихое скорбным утешение.

Радуйся, прелюбимое иноков похваление;

Радуйся, живущим в мире предивное поможение.

Радуйся, Российския державы славо и ограждение;

Радуйся, нижегородския и тамбовския страны священное украшение.

Радуйся, преподобне Серафиме, Саровский чудотворче.

Кондак 2

Видящи мати твоя, преподобне отче Серафиме, теплую любовь твою ко иноческому житию, позна святую волю Господню о тебе, и Богу яко дар совершен приносящи, благослови ты на тесный путь иноческий святым крестом своим, его же до конца жития твоего на персех носил еси, знаменуя велию любовь твою к распеншемуся за ны Христу Богу нашему, Ему же вси со умилением зовем: Аллилуиа.

Икос 2

Разум Небесный тебе даровася, святче Божий: от юности твоя не престая помышляти о Небесном, оставил еси дом отчий, Царствия Божия ради и правды его. Сего ради прими от нас похвалы сия:

Радуйся, града Курска чадо богоизбранное;
Радуйся, родителей благочестивых отрасль пречестная.
Радуйся, добродетели матере своя унаследивый;
Радуйся, благочестию и молитве ею наученный.
Радуйся, на подвиги от матере крестом благословенный;
Радуйся, благословение сие яко святыню до смерти соблюдый.
Радуйся, любви ради Господа дом отеческий оставивый;
Радуйся, вся красная мира сего ни во чтоже вменивый.
Радуйся, преподобне Серафиме, Саровский чудотворче.

Кондак 3

Сила Вышняго от юности твоя воистину храняше тя, преподобне: с высоты бо храма спадша сохрани тя Господь невреденна, и страждущу ти люте Сама Владычица мира явися, с Небес исцеление принеши, зане измлада верно служил еси Богу, выну зывая Ему: Аллилуиа.

Икос 3

Имея тщание о подвизе иноческого равноангельного жития, во град святой Киев поклонения ради преподобным печерским притекл еси, и от уст преподобного Досифея повеление приим в пустыню Саровскую путь свой управити, верою издалеча облобызал еси место святое сие, и тамо вселився житие твое богоугодное скончал еси. Мы же, дивящиеся таковому о тебе Божию промыслению, со умилением вопием ти:

Радуйся, мирския суеты отрешивыйся;
Радуйся, Небеснаго отечества пламенне возжелевый.
Радуйся, Христа всем сердцем возлюбивый;
Радуйся, благое иго Христово на себе восприемый.
Радуйся, совершеннаго послушания исполненный;
Радуйся, святых заповедей Господних блюстителю верный.
Радуйся, ум твой и сердце в Бозе молитвенно утвердивый;
Радуйся, столпе благочестия непоколебимый.
Радуйся, преподобне Серафиме, Саровский чудотворче.

Кондак 4

Бурю злых напастей утишая, прошел еси весь путь тесный и скорбный подвига иноческого, несый ярем пустынного жития, затвора и молчания, многонощнаго бдения, и тако благодатию Божиею восходя от силы в силу, от деяния к боговидению, преселился еси во обители Горняя, идеже со Ангелы поеша Богу: Аллилуиа.

Икос 4

Слышаще и видяще святое житие твое, преподобне отче Серафиме, вся братия твоя удивляхуся тебе, и приходяще к тебе, поучахуся о словесех твоих и подвизех, славяще Господа, дивнаго во святых Своих. И мы вси с верою и любовью восхваляем тя, преподобне отче, и вопием ти сице:

Радуйся, всего себе в жертву Господеву принесый;
Радуйся, на высоту безстрастия возшедый.
Радуйся, воине Христов добропобедный;
Радуйся, Небеснаго Домовладыки рабе благий и верный.
Радуйся, предстателю о нас пред Господем непостыдный;
Радуйся, к Богородице молитвенниче наш неусыпный.
Радуйся, пречуднаго благоухания крине пустынный;
Радуйся, благодати Божия сосуде непорочный.
Радуйся, преподобне Серафиме, Саровский чудотворче.

Кодак 5

Божественный свет осия жилище твое, преподобне, егда, болящу ти и на одре смертном лежащу, Сама Пречистая Дева пришедши к тебе со святыми апостолы Петром и Иоанном, рече: сей есть от рода Нашего, и главе твоей коснуса. Абие же исцелев, воспел еси благодарне Господеву: Аллилуиа.

Икос 5

Видя враг рода человека чистое и святое житие твое, преподобне Серафиме, восхоте погубити тя: наведе бо на тя люди злы, иже беззаконно истязашу тя и еле жива суща оставиша; ты же, отче святыи, яко агнец кроток, вся претерпел еси, за обидящих тя Господеву моляся. Темже мы вси, таковому твоему незлобию дивящеся, вопием ти:

Радуйся, в кротости и смирении твоём Христу Богу подражавый; Радуйся, незлобием твоим духа злобы победивый.

Радуйся, чистоты душевныя и телесныя хранителю усердный;
Радуйся, пустынниче, дарами благодатными преисполненный.
Радуйся, подвижниче богопрославленный и прозорливый;
Радуйся, наставниче монахов предивный и богомудрый.
Радуйся, Святыя Церкви похвало и радование;
Радуйся, обители нашея славо и удобрение.
Радуйся, преподобне Серафиме, Саровский чудотворче.

Кондак 6

Проповедует пустыня Саровская подвиги и труды твоя, богоносе угодниче Христов: дебри бо и леса ея молитвою облагодухал еси, пророку Божию Илии и Крестителю Господню Иоанну подражая, и явился еси пустыни прозябение многоплодное дарами Духа Святаго. Егоже действием многая и преславная совершил еси, подвизая верных воспевати благих подателю Богу: Аллилуиа.

Икос 6

Возсия в тебе новый боговидец, Моисею подобный, Серафиме блаженне: непорочно бо служение алтарю Господню совершая, сподобился еси зрети Христа, во храме со безплотными Силами грядуща. Сему Божию о тебе благоволению дивящся, воспеваем ти сице:

Радуйся, Боговидче преславный;
Радуйся, светом трисиянным озаренный.
Радуйся, Пресвятыя Троицы служителю верный;
Радуйся, Духа Святаго жилище украшенное.
Радуйся, Христа со Ангелы телесными очима лицезревый;
Радуйся, в бреннем телеси райскую сладость предвкусивый.
Радуйся, Хлебом Жизни насыщенный;
Радуйся, Питием безсмертия напоенный.
Радуйся, преподобне Серафиме, Саровский чудотворче.

Кондак 7

Хотя Человеколюбец Господь явити в тебе, преподобне, Свое неизреченное к людям милосердие, показа тя яко воистину светило богосветлое: дела бо и словеса твоими всех приводил еси ко благочестию и любви Божией. Темже, сиянием подвигов твоих просвещени и хлебом учения твоего насыщени, тебе усердно величаем и прославльшему тя Христу вопием: Аллилуиа.

Икос 7

Новаго видяще тя избранника Божия, издавша притекаху к тебе вернии в скорбех и болезнях: и сих бедами отягченных не отринул еси, источая целения, даруя утешение, предстательствуя в молитвах. Темже исходяще во всю землю российскую вещание чудес твоих, и сице ты славляху духовная чада твоя:

Радуйся, пастырю наш добрый;
Радуйся, отче милостивый и кроткий.
Радуйся, врачу наш скорый и благодатный;
Радуйся, немощей наших целителю милосердый.
Радуйся, в бедах и обстояниях помощниче скорый;
Радуйся, душ смятенных умирителю пресладостный.
Радуйся, грядущая яко настоящая провидевый;
Радуйся, прегрешений сокровенных обличителю прозорливый.
Радуйся, преподобне Серафиме, Саровский чудотворче.

Кондак 8

Странное чудо видим на тебе, преподобне: яко старец сый немощный и претрудный, тысящу дний и тысящу нощий на камени в молитве пребывал еси. Кто доволен изреши болезни и борения твоя, блаженне отче, яже претерпел еси, воздея преподобней руке твои к Богу, амалика мысленнаго побеждая и Господеву пою: Аллилуиа.

Икос 8

Весь еси желание, весь сладость, сладчайший Иисусе! Тако в молитвах взывал еси, отче, в пустынном безмолвии твоём. Мы же, суетою помраченнии и во гресех все житие иждившии, восхваляюще любовь твою ко Господу, сице вопием ти:

Радуйся, любящим и чтущим тя ходатаю спасения;
Радуйся, приводяй грешников ко исправлению.
Радуйся, молчальниче и затворниче предивный;
Радуйся, молитвенниче о нас усердный.
Радуйся, пламенную любовь ко Господу показавый;
Радуйся, огнем молитвы стрелы вражия поपालивый.
Радуйся, свеще неугасимая, молитвою в пустыни пламенеющая;
Радуйся, светильниче, горяй и светяй даровании духовными.
Радуйся, преподобне Серафиме, Саровский чудотворче.

Кондак 9

Все естество ангельское удивися странному зрению: старцу бо сушу в затворе Небесе и земли Царица явися, повелевающи, да открит затвор свой и да не возбранит людям православным внити к себе, но да всех пети научит Христу Богу: Аллилуиа.

Икос 9

Витии многовещанныи не возмогут изрещи крепость любви твоея, блаженне: предал бо еси себе на служение всем приходящим к тебе, повеление Богоматере исполняя, и был еси недоумевающим советник благий, унывающим утешитель, заблуждающихся кроткое вразумление, болящих врач и целитель. Сего ради вопием ти:

Радуйся, от мира в пустыню вселившийся, да добродетели приобрящеши;
Радуйся, из пустыни во обитель возвратившись, во еже добродетели семена сеяти.
Радуйся, Духа Святаго благодатию осиянный;
Радуйся, кротости и смирения исполненный.
Радуйся, притекавшим к тебе отец чадолюбивый;
Радуйся, в словесех любви ободрение и утешение им подававший.
Радуйся, приходящих к тебе радостью и сокровищем именовавший;
Радуйся, за любовь твою святую радостей Небеснаго Царствия сподобившись.
Радуйся, преподобне Серафиме, Саровский чудотворче.

Кондак 10

Спасительнаго твоего подвига, преподобне, достиг скончания, на молитве коленопреклоненно святую душу твою в руце Божии предал еси, юже Ангели святии вознесоша горе ко престолу Вседержителя, да со всеми святыми предстоиши во славе невечерней, воспевая песнь хвалебную святых святейшему Слову: Аллилуиа.

Икос 10

Стена всем святым и иноком отрада, Пресвятая Дева пред кончиною твоею явися ти, провозвестивши близкое твое к Богу отшествие. Мы же, дивящиеся таковому посещению Богоматере, вопием ти:

Радуйся, Небесе и земли Царицу лицезревый;
Радуйся, явлением Божия Матере обрадованный.
Радуйся, весть от Нея ко преселению Небесному приемый;
Радуйся, праведною кончиною святость жития твоего показавый.
Радуйся, в молитве пред иконою Богоматере умиленный дух твой Богу предавый;
Радуйся, неболезненным исходом проречения твоя исполнивый.
Радуйся, венцем безсмертия от руки Вседержителя увенчанный;
Радуйся, блаженство райское со всеми святыми унаследовавый.
Радуйся, преподобне Серафиме, Саровский чудотворче.

Кондак 11

Пение непрестанное Пресвятей Троице вознося, преподобне, всем житием твоим подвижник великий благочестия явился еси, заблуждшим на вразумление, болящим душею и телом на исцеление. Мы же, благодарни суще Господеву за таковую милость Его к нам, выну зовем Ему: Аллилуиа.

Икос 11

Светоподательный светильник быв в житии, богоблаженне отче, и по смерти твоей, возсиял еси яко светозарное светило российской земли: источаеши бо от честных мощей твоих токи чудес всем с верою и любовью к тебе притекающим. Темже мы яко молитвеннику о нас теплому и чудотворцу вопием ти:

Радуйся, множеством чудес от Господа прославленный;
Радуйся, любовью твоею всему миру возсиявый.
Радуйся, любви Христовы верный последователю;
Радуйся, утешение всем требующим твоея помощи.
Радуйся, источнике чудес неоскудеваемый;
Радуйся, болящих и недужных исцелителю.
Радуйся, воды многоцелебная кладезю неисчерпаемый;
Радуйся, яко вся концы земли нашаю любовью твоею объят еси.
Радуйся, преподобне Серафиме, Саровский чудотворче.

Кондак 12

Благодать и велие твое дерзновение пред Богом ведуще, тебе, преподобне отче, молимся: молися тепле ко Господу, да хранит Церковь Свою святую от неверия и раскола, от бед и напастей, да поем тобою благодеещему нам Богу: Аллилуиа.

Икос 12

Поюще твое прославление, ублажаем тя, преподобне, яко многомошна молитвенника о нас пред Господом, утешителя и заступника, и с любовью возглашаем ти сице:

Радуйся, Церкви Православная похвало;
Радуйся, Отечеству и обители наша щит и ограждение.
Радуйся, путеводителю, всех к Небеси направляя;
Радуйся, защитнику наш и покровителю.
Радуйся, силою Божиею многая чудеса содеявый;
Радуйся, ризою своею многия недужныя исцеливый.
Радуйся, вся козни диавольския победивый;
Радуйся, звери дивия кротостию своею покоривый.
Радуйся, преподобне Серафиме, Саровский чудотворче.

Кондак 13

О предивный угодник и великий чудотворче, преподобне отче Серафиме, приими малое сие моление наше, в похвалу тебе возносимое, и предстоя ныне престолу Царя царствующих, Господа нашего Иисуса Христа, молися о всех нас, да обрящем милосердие Его в день судный, в радости поюще Ему: Аллилуиа.

Этот кондак читается трижды, затем 1-й икос и 1-й кондак

Молитва первая

О пречудный отче Серафиме, великий Саровский чудотворче, всем прибегающим к тебе скоропослушный помощник! Во дни земного жития твоего никтоже от тебе тощ и неутешен отиде, но всем в сладость бысть видение лика твоего и благоуветливый глас словес твоих. К сим же и дар исцелений, дар прозрения, дар немощных душ врачевания обилен в тебе явился. Егда же призван ты Бог от земных трудов к Небесному упокоению, николиже любовь твоя преста от нас, и невозможно есть исчислити чудеса твоя, умножившаяся, яко звезды небесны: се бо по всем концем земли наша людям Божиим являеши и даруеши им исцеления. Темже и мы вопием ти: о претихий и кроткий угодник Божий, дерзновенный к Нему молитвенниче, николиже призывающий Тя отрешая, вознеси о нас благомошную твою молитву ко Господу сил, да укрепит отечество наше, да дарует нам вся благопотребная в жизни сей и вся к душевному спасению полезная, да оградит нас от падений греховных и истинному покаянию научит нас, во еже безпреткновенно внити нам в вечное Небесное Царство, идеже ты ныне в незаходимей сияеши славе, и тамо воспевати со всеми святыми Живоначальную Троицу до скончания века. Аминь.

Молитва вторая

О великий угодник Божий, преподобне и Богоносне отче наш Серафиме! Призри от горния славы на нас смиренных и немощных, обремененных грехми многими, твоя помощи и утешения просящих. Приими к нам благосердием твоим и помози нам заповеди Господни непорочно сохранять, веру православную крепко содержать, покаяние во гресех наших усердно Богу приносить, во благочестии христианством благодатно преуспевати и достойны быти твоего о нас молитвенного к Богу предстательства. Ей, святче Божий, услыши нас молящихся тебе с верою и любовью и не презри нас требующих твоего заступления: ныне и в час кончины нашей помози нам и заступи нас молитвами твоими от злобных наветов диавольских, да не обладает нами та сила, но да сподобимся помощью твоею наследовати блаженство обители райския. На тя бо упование наше ныне возлагаем, отче благосердый: буди нам воистину ко спасению путевождь и приведи нас к невечернему свету жизни вечныя богоприятным пред-

стательством твоим у престола Пресвятыя Троицы, да славим и поем со всеми святыми достопокланяемое имя Отца и Сына и Святаго Духа во веки веков. Аминь.

Молитва третья

Преподобне отче Серафиме, любовию Божественною исполненный, любви Божественныя непрестанный служителю, любимиче Матере Божественныя Любве, услыши мя, малолюбцаго и многоогорчающаго тя. Дажь и мне быти ныне усердным служителем благоугодна любу; тоя убо любви, яже долготерпит, милосердствует, не завидит, не превозносится, не гордится, не безчинствует, не ищет своих си, не раздражается, не мыслит зла, не радуется о неправде, радуется же о истине; вся любит, всему веру емлет, вся уповает, вся терпит, яже николиже отпадает! Сия любви служителем быти мне и всем моим присным, и знаемым, и другом умоли Любовь изначальную, да послужив любви Ей на земли, твоим ходатайством, молитвами Богородицы и всех святых достигну Царства любви, и славы, и света, и припаду к стопама Владыки моего, давшего нам заповедь о истинной любви. Отче любящий, не отрини мольбы сердца, любящаго тя, и о прощении моих грехов любящаго Бога умоли. Помози нам нести тяготы друг друга, не творити другим, елика себе не хошем быти, вся любовь покрывати, и с сердечною песнию любви скончав земное житие, начати с нею же радостно вечную жизнь в Стране истинныя любви. Помолись о нас, отче, нами любимый отче, любящий нас! Аминь.

Тропарь

Тропарь, глас 4:

От юности Христа возлюбил еси блаженне, и Тому единому работати пламенно вожделев, непрестанною молитвою и трудом в пустыни подвизался еси, умиленным же сердцем любовь Христову стяжав, избранник возлюблен Божия Матере явился еси. Сего ради вопием ти: спасай нас молитвами твоими, Серафиме, преподобне отче наш.

Кондак, глас 2:

Мира красоту и яже в нем тленная оставив, преподобне, в Саровскую обитель вселился еси, и тамо ангельски пожив, многим путь был еси ко спасению: сего ради и Христос тебе, отче Серафиме, прослави и даром исцелений и чудес обогати. Темже вопием ти: радуйся, Серафиме, преподобне отче наш.

Величание

Ублажаем тя, преподобне отче наш Серафиме, и чтим святую память твою, наставниче монахов, и собеседниче Ангелов.

Канон

(Преподобному Серафиму Саровскому, чудотворцу)

Тропарь, глас 4-й

От юности Христа возлюбил еси, блаженне, и, Тому Единому работати пламенно вожделев, непрестанною молитвою и трудом в пустыни подвизался еси, умиленным же сердцем

любовь Христову стяжав, избранник возлюблен Божия Матере явился еси. Сего ради вопием ти: спасай нас молитвами твоими, Серафиме, преподобне отче наш.

КАНОН, глас 6-й

Песнь 1

Ирмос: Яко по суху, пешешествовав Израиль по бездне стопами, гонителя фараона видя потопляема, Богу победную песнь поим, вопияше.

Припев: Преподобне отче наш Серафиме, моли Бога о нас.

Господи, отверзи моя недостойней устне и даждь ми слово разума воспети достойно память блаженного Серафима, ныне со Ангелами молящагося Тебе избавити нас от всякого лютаго обстояния.

Преподобне отче наш Серафиме, моли Бога о нас.

К Богородице великий молитвенник был еси, преподобне, Юже видети со Апостолы сподобился еси, и ныне не престай молитвами твоими посещати чад твоих.

Слава: От юности твоея, преподобне, предался еси уму Божию и, страсти телесныя крепким воздержанием укротив, всякими добродетельми украсился еси, премудре.

И ныне: Всеблагая Владычице, Яже Преплагаго Бога плотию рождши, озлобленное страстьми мое сердце очисти, да верою и любовию величаю Тя.

Песнь 3

Ирмос: Несть свят, якоже Ты, Господи Боже мой, вознесый рог верных твоих, Блаже, и утвердивый нас на камени исповедания Твоего.

Преподобне отче наш Серафиме, моли Бога о нас.

Молитвами твоими, преподобне, предстоя Богу со Ангелы, за весь мир молися, брани вражия потреби и победу на супостаты даровати.

Преподобне отче наш Серафиме, моли Бога о нас.

От юности верою и любовию прилепился еси Владыце Вышних Сил, преподобне Серафиме, и, возсияв в пустыни Саровстей, яко солнце, в скорбех приходящим к тебе утешитель был еси; моли спастися нам.

Слава: Явился еси, преподобне, молящимся тебе столп непоколебим и прибежище всем притекающим во обитель Саровскую и приемлющим исцеления благодать неоскудную.

И ныне: Услыша Ева праматерь: в печалех родиши чада. Ты же, Чистая Дево, услышавши: Господь с Тобою, радуйся, – радованным гласом печаль праматере потребила еси.

Господи, помилуй (трижды). Слава, и ныне:

Седален, глас 4-й

Житейское море страстей воздержанием препобедив и в пристанище безстрастия притек, сосуд воздержания явился еси, преподобне Серафиме, моли Христа Бога даровати нам велию милость.

Песнь 4

Ирмос: Христос моя сила, Бог и Господь, честная Церковь боголепно поет, взываящи, от смысла чиста о Господе празднующи.

Преподобне отче наш Серафиме, моли Бога о нас.

Днесь светло празднует Саровская обитель память твою, преподобне, и молит тя: испроси у Господа вселенней мир и душам нашим велию милость.

Преподобне отче наш Серафиме, моли Бога о нас.

Великими подвиги твоими, преподобне, яко финикс, процвел еси, словесы благоплодными и непорочным житием сердца притекающих к тебе услаждая, и ныне убо молися, да обрящем милость от Христа, Спаса нашего.

Слава: Твоими молитвами о нас умоли Бога, преподобне Серафиме, и греховный мрак печали нашея разори, безстрастием, верою и любовью украси всех, преславную память твою чтущих.

И ныне: Радуйся, Владычице Дево, Церквам красото, благочестивым людям державо и похвало, непрестанно молися Христу Богу, да сохранит нас от бед молитвами Твоими.

Песнь 5

Ирмос: Божиим светом Твоим, Блаже, утренюющих Ти души любовью озари, молюся, Тя ведети, Слове Божий, истинного Бога, от мрака греховного взывающа.

Преподобне отче наш Серафиме, моли Бога о нас.

Всем приходящим к тебе был еси учитель истинный и к Богородице великий молитвенник, и ныне, преподобне, не престай молися о чадах твоих, яко имаши дерзновение велие.

Преподобне отче наш Серафиме, моли Бога о нас.

Да внидут ныне христоименитии людие во храм обители Саровския, к честным мощем твоим, преподобне Серафиме, припадающе, и да просят от тебе исцеления, здравия и спасения, Христа величающе.

Слава: В нощи молящу ти ся Богу, преподобне, враг невидимый хотяше устрашити тя, но молитвою твоею посрамлен, исчезе вселукавый.

И ныне: Бога, Егоже родила еси, Пречистая Марие, моли рабом Твоим подати прегрешений оставление.

Песнь 6

Ирмос: Житейское море, воздвигаемое зря напастей бурей, к тихому пристанищу Твоему притек, вопию Ти: возведи от тли живот мой, Многомилостиве.

Преподобне отче наш Серафиме, моли Бога о нас.

Святая душа твоя обитель бысть Богу, в нейже Отец, Сын и Святой Дух вселися, темже молим тя, преподобне, наваждения вражия от чтущих тя отжени и верным людям мир и здравие даруй.

Преподобне отче наш Серафиме, моли Бога о нас.

Великия твоя пустынные подвиги и труды и сладость учения твоего почитаем, преподобне Серафиме, имиже многия приходящая к тебе просветил еси и научил еси воспевати Единосущную Троицу.

Слава: Житием чистым последовав Владыце Христу, течение доброе скончал еси, преподобне, к вечным же обителем возшед, блаженне, зриши тамо, иже Ангели видят. Темже, чтуще память твою, Христа величаем.

И ныне: Ныне к Тебе прибегаю, Пречистая, спаси мя молитвами Твоими и соблюди: елика бо хощеш, можеш, яко Мати Всемогущаго.

Господи, помилуй (трижды). Слава, и ныне:

Кондак, глас 2-й

Мира красоту и яже в нем тленная оставив, преподобне, в Саровскую обитель вселился еси и, тамо Ангельски пожив, многим путь был еси ко спасению, сего ради и Христос тебе, отче Серафиме, прослави и даром исцелений и чудес обогати. Темже вопием ти: радуйся, Серафиме, преподобне отче наш.

Икос

Оставив род и други, богатство, яко прах, вменив, в пустыни Саровстей водворился еси и, на страсти, яко безплотен, подвизався, Ангелов ликостояния сподобился еси. Темже духовная разумения приим, подаждь и нам, преподобне, разумно песнями воспети тя, сице глаголющим:

Радуйся, Серафиме блаженне, Небесный человеке и земный Ангеле;

Радуйся, в любви Христу подражателю;

Радуйся, Святаго Духа обитель;

Радуйся, унывающим велие радование;

Радуйся, источниче исцелений;

Радуйся, скорбящим душам сладкое утешение;

Радуйся, иноком тихое пристанище и учителю премудрый;

Радуйся, похвало земли Российския;

Радуйся, Серафиме, преподобне отче наш.

Песнь 7

Ирмос: Росодательну убо пещь содела Ангел преподобным отроком, халдеи же опаляющее веление Божие мучителя увеща вопити: благословен еси, Боже отец наших.

Преподобне отче наш Серафиме, моли Бога о нас.

Честно житие твое явися, преподобне, благодатию Божественнаго Духа исполнено, блаженну воистинну кончину преподобных приял еси, о Христе радуясь. Мы же к прославленному ты взываем: отец наших Боже. благословен еси.

Преподобне отче наш Серафиме, моли Бога о нас.

Множество людей, во святую обитель сошедшеся днесь, преподобне Серафиме, честным мощем твоим покланяется, от нихже исцеления вси почерпаем, непрестанно зовуще: отец наших Боже, благословен еси.

Слава: Во всю землю изыде вещание сие, яко в Сарове чудотворец преславен явился, исцелений множество источая всем, с верою приходящим и вопиющим: отец наших Боже, благословен еси.

И ныне: Богородице Дево, рождающая Слово паче слова, Зиждителя Твоего, Того моли с преподобным Серафимом помиловать души наша.

Песнь 8

Ирмос: Из пламене преподобным росу источил еси, и праведнаго жертву водою попалил еси, вся бо твориши, Христе, токмо иже хотети. Тя превозносим во вся веки.

Преподобне отче наш Серафиме, моли Бога о нас.

Плотския страсти укротив и морови умертвився, глаголы жизни вечныя сердцем твоим, блаженне, приял еси, научая всех, к тебе притекавших, взывать: Господа пойте, дела, и превозносите Его во веки.

Преподобне отче наш Серафиме, моли Бога о нас.

В прославлении честных мощей твоих, преподобне, обитель Саровская радости исполнися. Людие же вси дивному во святых Своих Богу зываху: Господа пойте, дела, и превозносите Его во веки.

Слава: Благодатию Божественнаго Духа исполнен сый, преподобне Серафиме, верным людям, творящим святую память твою, молитвами твоими испроси грехов прощение, вопиющим: дети, благословите, священники, воспойте, людие, превозносите Господа во веки.

И ныне: Спасения Ходатаица нам явилася еси, Богородице, рождающая Спаса и Владыку всех, темже молим Тя: спасения сподоби всех, песнословящих Тя верно во вся веки.

Песнь 9

Ирмос: Бога человеком невозможно видети, на Негоже не смеют Чини Ангельстии взирати. Тобою же, Всечистая, явился человеком Слово воплощенно, Егоже величающе, с Небесными вои Тя ублажаем.

Преподобне отче наш Серафиме, моли Бога о нас.

Недостойными усты воспеваемое тебе милое хваление, преподобне, не презри, но прими и всех, прославляющих тя, освяти, бед, и напастей, и вечнаго мучения избави, да ты присно воспеваем.

Преподобне отче наш Серафиме, моли Бога о нас.

Мраз ночный и вар дневный во уединении пустынном доблественне претерпев, дом Премудрости Божия был еси и к сиянию невечернему востекл еси. Моли спастися нам.

Слава: Славится днесь обитель, и в нейже ярем Христов прияти изволил еси: тамо бо, в пустыни, дни твоя пребыл еси и, твоими ученьми многи приходящия к тебе вразумив, научил еси быти чада Церкви Христовы.

И ныне: Ты еси крепость наша, Ты еси похвало и радование, Хранительница наша, заступление, прибежище и Предстательница непобедимая, Пречистая Богородице, спаси рабы Твоя.

Использованная литература

1. Духовные наставления отца Серафима, Саровской пустыни иеромонаха. – М., 1844.
2. Летопись Серафимо-Дивеева монастыря Нижегородской губернии Ардатовского уезда с жизнеописанием основателей ее: преподобного Серафима и схимонахини Александры, урожд. А. С. Мельгуновой. Сост. архимандрит Серафим (Чичагов). – М.: Серафимо-Дивеевский монастырь, 1896.
3. Душеполезный собеседник. – М., 1903.
4. Да будет воля Твоя. Житие и труды священномученика Серафима (Чичагова). – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2003.
5. В. Карпенко. Преподобный Серафим Саровский. Жизнь знаменитых нижегородцев. – Нижний Новгород, 2004.
6. В. Крупин. Молитвенник за Россию. «Литературная газета», 2003. www.lgz.ru
7. Московский Церковный вестник. – М., Изд-во Московской Патриархии, 1993. № 2–3 (89).
8. Официальный сайт Дивеево www.diveevo.ru.